

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН
САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
САМАРСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ ИМ. П.В. АЛАБИНА

Искусство и погребальный обряд позднего каменного века

Самара 24–26 апреля 2023 года

INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE RAS

SAMARA STATE UNIVERSITY OF SOCIAL SCIENCES AND
EDUCATION

ALABIN SAMARA LOCAL HISTORICAL MUSEUM

Art & Burial Practices In Late Stone Age

Samara – Saint-Petersburg 2023

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН

САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОЦИАЛЬНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

САМАРСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
ИМ. П.В. АЛАБИНА

ИСКУССТВО И ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД ПОЗДНЕГО КАМЕННОГО ВЕКА

Самара – Санкт-Петербург 2023

Редакционная коллегия:

д.и.н. А.А.Выборнов, д.и.н. Е.М.Колпаков, к.и.н. Е.С.Ткач, к.и.н. Д.А.Сташенокв

Editorial Board:

Aleksander Vybornov, Dr. of History; Eugenyi Kolpakov, Dr. of History; Evgenia Tkach,
Candidate of History; Dmitry Stashenkov, Candidate of History

Рецензенты:

докт.ист.наук В.В.Ставицкий (Пензенский ГУ), канд.ист.наук О.В.Лозовская (ИИМК РАН)

Reviewers:

Vladimir Stavitskiy, Dr. of History (Penza State University), Olga Lozovskaya (IHMC RAS),
Candidate of History

Искусство и погребальный обряд позднего каменного века :

Материалы симпозиума (Самара 24–26 апреля 2023 г.) – Самара–СПб.:

ИИМК РАН, 2023. 127 с.

ISBN: 978-5-6047952-8-6

doi.org/10.31600/978-5-6047952-8-6

Сборник содержит материалы докладов, представленных на международной конференции «Искусство и погребальный обряд позднего каменного века» (24–26 апреля 2023 г.). Публикуются материалы как погребального обряда, так и искусства позднего каменного века от Чукотки до Кавказа и Севера России.

Книга рассчитана на представителей гуманитарных наук (археологов, историков, этнографов и др.) и специалистов смежных дисциплин, студентов гуманитарных факультетов вузов, а также широкий круг читателей, интересующихся гуманитарным знанием.

Abstracts of the International Conference “Art & Burial Practices In the Late Stone Age” include reports of the conference held on April 24–26 2023 in Samara. Here are the materials of both the funeral rite and the art of the late Stone Age from Chukotka to the Caucasus and the North of Russia.

The book is intended for humanitarian scientists (archaeologists, historians, ethnographers, etc.) and specialists in contiguous disciplines, students of humanitarian faculties of universities, as well as a wide range of readers interested in humanitarian knowledge.

На обложке предметы погребального инвентаря из грунтового могильника Екатериновский мыс (из фондов СОИКМ им. П.В.Алабина)

On the cover the grave goods from the ground burial Ekaterinovskiy Mys (Alabin Samara Local Historical Museum)

ISBN: 978-5-6047952-8-6

©Институт истории материальной культуры РАН

©Самарский государственный социально-педагогический университет

©Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В.Алабина

©Авторы статей, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД НЕОЛИТА–ЭНЕОЛИТА

Бобров В.В., Марочкин А.Г.

Погребальная практика населения Западной Сибири в позднем неолите: к проблеме выделения тенденций и региональной специфики 9

Бердников И.М., Соколова Н.Б.

Неолитические погребальные традиции Байкало-Енисейской Сибири как отражение региональной социокультурной динамики 11

Герман К.Э.

К вопросу о погребениях и погребальном обряде в позднем неолите Карелии 13

Шумкин В.Я.

Погребальный обряд древнего (II тыс. до н.э.) населения северного побережья Мурманской области по данным раскопок Кольского Оленеостровского могильника 14

Федорченко А.Ю., Белоусова Н.Е.

Новые данные о погребальных комплексах поздней ушковской культуры (Камчатка) 17

Еньшин Д.Н., Скочина С.Н.

Погребения поселения Мергень 6 в Нижнем Приишимье (Западная Сибирь) как маркеры сакрализации жилого пространства 20

Жульников А.М.

Особенности погребального обряда энеолитического населения Карелии и сопредельных регионов 22

Андреев К.М.

Мезо–неолитические погребения в лесостепном Поволжье (проблемы интерпретации) 25

Сурков А.В.

Погребальный обряд нео–энеолитического времени населения лесостепного Дона 27

<i>Скоробогатов А.М.</i> Особенности мариупольской погребальной обрядности на Среднем Дону	29
<i>Смольянинов Р.В.</i> Погребения эпохи энеолита с поселения–могильника Васильевский Кордон 27 на р. Воронеж	30
<i>Выборнов А.А., Кулькова М.А.</i> Погребения нео–энеолита Волго-Уралья и воротничковый комплекс	33
<i>Шипилов А.В.</i> Меллятамакский V могильник: к вопросу о культурно-хронологической принадлежности	35
<i>Гусенцова Т.М.</i> Погребения в жилище эпохи энеолита поселения Лобань 1 в бассейне р. Вятки	36
<i>Шнайдер С.В., Березина Н.Я., Алишер кызы С., Васильев С.В., Филимонова Т.Г., Бужилова А.П.</i> Новые данные по палеоантропологическим находкам периода неолита запада Центральной Азии	38
<i>Мазуркевич А.Н., Долбунова Е.В., Зубова А.В.</i> Антропологические находки на памятниках неолита Верхнего Подвинья	41
<i>Недомолкина Н.Г.</i> Интерпретация погребального обряда неолитического населения Верхней Сухоны	42
<i>Иванищева М.В., Иванищева Е.А.</i> Хронология погребальных комплексов на Тудозере в Южном Прионежье	45
<i>Манько Н.В.</i> Вторичные погребения как отражение обрядово-ритуальной деятельности в могильниках мариупольского типа	48

Савченко С.Н., Тербергер Т.
Случайные находки человеческих черепов на Шигирском торфянике 50

Канделаки Д.А.
Об одной гипотезе происхождения обряда вторичного захоронения на территории Абхазии 52

ПРЕДМЕТНЫЙ МИР ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ

Алишер кызы С., Риго С., Янина Т.А., Шнайдер С.В.
Персональные украшения в мезолитических комплексах Восточного Прикаспия 54

Яковлева Е.С.
Каменные поделки стоянки Кедровый мыс-1 56

Костылёва Е.Л., Уткин А.В.
Янтарь из захоронений волосовской культуры сахтышских могильников: гендерно-хронологический аспект 59

Юракова А.Ю.
Поселенческая и погребальная керамика населения Барабинской лесостепи в позднем неолите – начале эпохи палеометалла 61

Карманов В.Н.
Керамические поделки неолита, бассейн реки Вычегды 62

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ

Никитин В.В.
Древнейшие мифы, культы и обряды по археологическим материалам Волго-Вятского бассейна (каменный век) 64

Дога Н.С., Гилязов Ф.Ф.
К вопросу о значении культа лошади и быка в степном и лесостепном Поволжье 67

Герасимов Д.В.
О символическом значении утилитарных кремнёвых артефактов позднего мезолита Карельского порешейка 69

ПЕРВОБЫТНОЕ ИСКУССТВО

<i>Молодин В.И.</i> Искусство эпохи неолита Западной Сибири	71
<i>Цыбрий А.В., Цыбрий В.В.</i> Искусство малых форм в неолите Нижнего Дона	81
<i>Кашина Е.А.</i> Искусство малых форм в лесной зоне: результаты комплексного изучения	85
<i>Колпаков Е.М., Киселёва А.М.</i> Орнамент в наскальном искусстве, на кости и керамике Северной Фенноскандии	86
<i>Юдин А.И.</i> Предметы искусства Варфоломеевской стоянки: истоки и эволюция	88
<i>Королёв А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А.</i> Зооморфные образы в предметах погребального инвентаря раннеэнеолитического грунтового могильника Екатерининский мыс в Самарском Заволжье: типология, семантика	91
<i>Моргунова Н.Л.</i> Образ лося или лошади в искусстве нео–энеолитических культур юга Восточной Европы	94
<i>Кузнецов П.Ф.</i> Образ лошади в костяной пластике раннего энеолита	97
<i>Долбунова Е.В.</i> Искусство в контексте: орнаментированные изделия и предметы мелкой пластики раннего неолита п. Ракушечный Яр	101
<i>Мурашкин А.И.</i> Орнаментированные изделия из кости и рога на поселении неолита – эпохи бронзы Маяк 2 (Мурманская область)	102

<i>Малютина А.А., Мурашкин А.И., Такташева С.Д.</i> Предметы искусства и украшения поселения неолита – эпохи бронзы Маяк 2 (Мурманская обл.) из кости, рога и зубов: технология изготовления и использование	104
<i>Косорукова Н.В., Лукинцева В.А., Гринина Т.С.</i> Изделия из кости с орнаментом на мезолитической стоянке Погостище 15 в бассейне оз. Воже	107
<i>Панина С.Н.</i> Новые находки культовой пластики на Усть-Вагильском холме (лесное Зауралье)	110
<i>Борисевич Е.А.</i> Резное антропоморфное изображение со стоянки Коломцы Северного Приильменя	112
<i>Синицына Г.В.</i> Значение рисунка на гальке рессетинской культуры стоянки Ланино I/8	115
<i>Клементьева Т.Ю., Погодин А.А.</i> Скульптурный декор на посуде раннего неолита Кондинского бассейна	117
<i>Шорина А.А., Шорин А.Ф.</i> Глиняная пластика Кокшаровского холма	120
<i>Муравьев Р.И., Холкина М.А., Герасимов Д.В.</i> Глиняная фигурка водоплавающей птицы с поселения Берёзово 2	123
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	126

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД НЕОЛИТА–ЭНЕОЛИТА

Бобров В.В., Марочкин А.Г.

Погребальная практика населения Западной Сибири в позднем неолите: к проблеме выделения тенденций и региональной специфики

Могильники и одиночные погребения позднего неолита исследованы почти во всех ландшафтно-географических зонах Западной Сибири и Зауралья, за исключением тундры. Распределение комплексов на этой территории неравномерно, основное их количество изучено на юге, в лесостепи. Отчасти это может объясняться неблагоприятными для сохранения органики физико-химическими свойствами северных почв, а также разной степенью изученности.

Ключевые признаки погребальной практики поздненеолитического населения Западной Сибири: выделение специальных мест под захоронение, рядная планиграфия, преобладание грунтовых форм захоронения останков, формирование сопроводительного инвентаря из прижизненного орудийного набора, специфическое отношение к керамической посуде в процессе погребения, половозрастная дифференциация обрядовых практик.

Вместе с тем, сравнительный анализ всего массива свидетельствует о территориальной локализации двух традиционных форм обращения с останками; о типологической вариабельности комплексов в рамках выделенных традиций; о наличии в различных районах Западносибирского региона «атипичных», экстраординарных вариантов погребальной практики.

1. Пересмотр эпохальной принадлежности большого числа комплексов, ранее относимых к энеолиту или периоду ранней бронзы, является основанием для ревизии концепций эпохальной динамики практик обращения с телом умершего, предполагающих эволюционный ряд: *неолит/ингумация – энеолит/кремация* (В.Н.Чернецов, М.Ф.Косарев, В.А.Зах). Первый пример такой ревизии – это исследования позднего неолита Верхнего Приобья, где было зафиксировано сосуществование и взаимодействие автохтонного населения с преобладающей практикой ингумаций (верхнеобская культура, кузнецко-алтайская культура) и пришлого северного населения с практикой кремации на стороне (игрековская культура). На основании этого предложена гипотеза о двух погребально-обрядовых провинциях в неолите–энеолите всего западно-сибирского пространства, с доминированием ингумаций в вытянутом

положении на спине в лесостепи и кремаций на стороне в лесной зоне (А.Г.Марочкин).

Увеличение числа исследованных и хорошо документированных погребальных памятников неолита и энеолита на территории Зауралья актуализируют проверку достоверности данной гипотезы.

2. Используя картографический метод и физико-географический принцип, отметим, что в лесостепном Приобье три типологические группы захоронений представлены полным доминированием обряда ингумации. Все группы имеют близкую хронологию, но связаны с отдельными районами субрегиона. Это свидетельствует о самобытном развитии некоего общего культурного канона небольшими, территориально обособленными коллективами.

В Барабинской лесостепи у населения артынской культуры зафиксирована практика выделения рвами сакрализованного пространства, а также совершение захоронения по обряду ингумации в родовых курганных усыпальницах (исследования В.И.Молодина, В.В.Боброва). Только наличие погребальных сооружений выделяет артынские комплексы среди хронологически близких могильников и ставит вопрос о социальных предпосылках столь значимой инновации. В среднем Прииртышье обрядовый принцип ранних грунтовых некрополей идентичен лесостепным комплексам.

Погребальные памятники лесостепной, южно-таёжной и таёжной зон Зауралья демонстрируют неоднозначность обрядовой практики неолитического и энеолитического населения (Н.М.Чаиркина, С.Ф.Кокшаров, А.Ф.Шорин, А.Н.Панфилов, В.А.Зах, Н.П.Матвеева, Ю.П.Чемякин). Это может объясняться особенностями и темпами культурно-исторического развития в разных ландшафтных зонах. В тоже время, анализ погребальных памятников Кондинской низменности свидетельствует о параллельном устойчивом развитии традиций ингумации и кремации в лесной зоне как минимум с мезолита (работы Т.Ю.Клементьевой и А.А.Погодина).

3. Анализ «атипичных» вариантов погребальной практики – предмет самостоятельной работы. Отметим лишь, что специалистами предполагалась связь некоторых экстраординарных практик с захоронением служителей культа (работы Ю.Ф.Кирюшина и коллег на Горном Алтае, Ю.Б.Серикова на Урале), а также с традициями человеческих жертвоприношений (работы Ю.Б.Серикова и С.Н.Чаиркина на Урале; В.А.Заха и Д.Н.Еньшина в Приишимье). Вероятно, это свидетельство сложного, многоуровневого понимания роли отдельного индивидуума во взаимосвязи всего социума с миром потусторонним.

Работа выполнена в рамках государственного задания АААА-А21-121012090006-0 «Социокультурогенез и трансграничное взаимодействие древних и средневековых обществ в контактных зонах Западной и Средней Сибири»

Бобров Владимир Васильевич — Институт экологии человека ФИЦ УУХ СО РАН, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия — bobrov4545@mail.ru

Марочкин Алексей Геннадьевич — Институт экологии человека ФИЦ УУХ СО РАН, г. Кемерово, Россия — comcon@yandex.ru

Бердников И.М., Соколова Н.Б.

Неолитические погребальные традиции Байкало-Енисейской Сибири как отражение региональной социокультурной динамики

В силу региональной специфики и наличия значительной по объему источниковой базы по погребальным комплексам, последние долгое время считались одним из основных источников информации по неолиту Прибайкалья. Однако в результате массового радиоуглеродного датирования, начавшегося в 1980-х гг., был выявлен феномен отсутствия известных захоронений на протяжении нескольких сотен лет между ранним и поздним этапами неолита, что существенно ограничивало возможности моделирования. Развитию исследований социокультурного плана мешало и отсутствие надёжной корреляции материалов погребений и комплексов стоянок. Для получения более достоверной информации о жизни неолитических охотников-собирателей как Прибайкалья, так и Байкало-Енисейской Сибири в целом, требовалось решение двух основных проблем: хиатуса в погребальных традициях и соотношения последних с данными по поселениям и стоянкам. Они и определяли в последние несколько лет задачи и основной вектор развития регионального неолитоведения. Благодаря новым материалам и сериям надёжных радиоуглеродных AMS-дат, нам удалось получить данные по среднему неолиту (хиатусу) и уточнить хронологию основных этапов, привлекая данные по керамическим комплексам.

Общую картину социокультурной динамики в неолите Байкало-Енисейской Сибири сегодня можно представить следующим образом:

Ранний неолит. Около 8,6–8,5 тыс. кал. л. н. на территории региона появляются охотники-собиратели, владевшие традициями производства сетчатой и шнуровой хайтинской керамики, и начинают формироваться ранненеолитические погребальные традиции, которые со временем приобрели такие выраженные признаки как ориентировка умерших головой в

северном направлении и широкое использование «охры» в обряде. Для поздней стадии характерна организация крупных могильников, видимо, маркирующих границы обитания крупных групп (родов?). Значительную роль в питании населения этого времени играло рыболовство.

Средний неолит. Примерно 7–6,7 тыс. кал. л. н. в регион проникают группы населения, в том числе с запада, что привело к распространению новой гончарной традиции (усть-бельский тип) и формированию посольского типа керамики, который можно рассматривать как результат эволюции местной шнуровой традиции. Данные по немногочисленным погребениям (с ориентировкой умерших часто в восточном направлении и следами использования огня и «охры» в обряде) позволяют предположить доминирование в космологии средненеолитического населения «мифа о нырляшике». Эти группы обладали высокой мобильностью, обусловленной, видимо, особенностями социальной структуры (малые локальные группы?), что позволило им довольно быстро освоить территорию региона и вытеснить ранненеолитических охотников-собираателей.

Поздний неолит. На смену средненеолитическому населению, начиная с ~6,1–6 тыс. кал. л. н., приходят (предположительно с севера) группы охотников-собираателей с новыми традициями, как погребальными, так и гончарными, среди которых чётко выделяются исаковские и серовские. Несмотря на некоторое их сходство, проявляющееся в организации небольших (редко крупных) и распространении надмогильных конструкций, редком использовании «охры» и огня в обряде, широком применении текстиля для декорирования сосудов и охотничьей направленности хозяйства, наблюдаются и различия. Они выражены в разном наборе погребального инвентаря и особенностях ориентировки умерших: в первом случае это было преимущественно восточное и южное направление (вверх по течению реки), во втором – северное направление (Байкал) или перпендикулярно реке.

Проявления неолитических традиций фиксируются по захоронениям вплоть до 5 тыс. кал. л. н., по керамическим комплексам – до ~4,7 тыс. кал. л. н.

Бердников Иван Михайлович — Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия — berdnikov@isu-baikalregion.ru

Соколова Наталья Борисовна — Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия — natalya.sokolova-87@bk.ru

К вопросу о погребениях и погребальном обряде в позднем неолите Карелии

В период мезолита–неолита на территории Карелии получили распространение так называемые «могилы и могильники с красной охрой». Впервые такие объекты были зафиксированы во время раскопок неолитических поселений каменного века на территории Западной Финляндии и получили название «могил с красной охрой» (*шв.* gödockragravarna, *фин.* punamultahauta), которое закрепилось в финской археологической литературе. Красный цвет охры объясняется тем, что на территории Карелии и Финляндии охра (гематит) встречается в виде порошка и небольших комков, содержащих до 75% окиси железа, что придает ей ярко-красный или даже малиновый оттенок.

В позднем неолите (IV тыс. до н.э.) на территории Карелии существовала культура гребенчато-ямочной керамики. В отличие от мезолита и раннего/среднего неолита, до последнего времени поздненеолитических погребальных памятников не было известно. Только в 2009 году на острове Букольников был открыт могильник, частично разрушенный песчаным карьером, который содержал два погребения с остатками двух скелетов плохой сохранности. Их сопровождал погребальный инвентарь состоящий из пуговицы и кольца из янтаря, двух сланцевых подвесок, наконечника стрелы и обломка наконечника дротика из кремня. Поздненеолитический характер памятника был определён по наличию янтарных украшений и радиоуглеродной датировке, полученной с бересты, в которую были обернуты покойные, а также по аналогиям с территории Финляндии [Мельников 2022].

Таким образом, в настоящее время существует проблема выявления погребальных памятников в период позднего неолита и исследовании материальной стороны погребального обряда.

На территории соседней Финляндии в позднем неолите существовала культура гребенчатой керамики Ка II, которая в Карелии получила название культуры гребенчато-ямочной керамики. Для неё характерны простые грунтовые захоронения в красной охре, в отдельных случаях зафиксированы скопления окатанных камней и фрагменты древесной коры, в которую были обернуты покойные. В качестве находок фигурируют изделия из камня и янтаря, редко глиняные сосуды. Также в отдельных погребениях были зафиксированы фрагментированные человеческие скелеты. Погребения фиксировались, как правило, в составе могильников, но были и одиночные захоронения на территории поселений [Ahola 2019].

Сложность выявления подобных захоронений на территории Карелии объясняется высокой кислотностью почв, в которых плохо сохраняются органические материалы, а также несовершенной методикой исследований культурного слоя памятников, которая не позволяла четко фиксировать остатки погребений. Также надо отметить достаточно слабую распространённость янтарных украшений на территории Карелии, в отличие от Финляндии, куда янтарь поступал в больших количествах. В Карелии янтарные украшения найдены только в жилище на поселении Чёрная Губа IX и могильнике на острове Букольников [Витенкова 2002].

О погребальном обряде мы можем судить по материалам могильника на острове Букольников, а также по аналогиям с соседних территорий. Умершего обёртывали в бересту и погребали в яме на глубине около 0,4–0,5 м с сопровождающим инвентарём, состоящим из украшений из янтаря и сланца, а также целого или части охотничьего вооружения – наконечника стрелы или дротика.

Литература

- Витенкова И.Ф. Памятники позднего неолита на территории Карелии. Петрозаводск, 2002
- Мельников И.В. О могильнике с янтарными и сланцевыми украшениями на острове Букольников // Престижная экономика первобытных людей. Петрозаводск, 2022. С. 26–40
- Ahola M. Death in the stone age making sense of Mesolithic–Neolithic mortuary remains from Finland in the Stone Age (ca. 6800 to 2300 cal BC). Academic dissertation, Department of Cultures University of Helsinki, Finland. Helsinki, 2019

Герман Константин Энрикович — Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, г. Петрозаводск, Россия — germank@onego.ru

Шумкин В.Я.

Погребальный обряд древнего (II тыс. до н.э.) населения северного побережья Мурманской области по данным раскопок Кольского Оленеостровского могильника

Кольский Оленеостровский могильник (КОМ), обнаруженный почти 100 лет назад, за это время исследовался раскопками трижды (1928 г. – А.В.Шмидт – 13 погребённых; 1947–48 гг. – Н.Н.Гурина – 10 погр.; 2001–04 гг. – В.Я.Шумкин — 22 погребённых в 9 погребениях (рис. 1). Остров

никогда не был обитаем и был только местом упокоения древних сородичей в середине второго тыс. до н.э. Значительная часть могильника была разрушена карьером в 30-х гг. XX века при постройке оборонительных сооружений базы Северного флота. В ходе этих работ А.В.Ципленковым был собран археологический и антропологический материал из примерно 25 погребений, который практически весь пропал во время Великой Отечественной войны.

Используя материалы всех лет раскопок, основываясь на результатах археологических и антропологических (В.И.Хартанович, С.В.Васильев, С.В.Боруцкая) исследований начала XXI века, удалось получить принципиально новую информацию и качественно расширить возможности судить о погребальной практике, применявшейся в КОМ на Большом Оленьем острове в эпоху раннего металла.

Кроме трёх неполных сожжений, погребённые представлены в вытянутом на спине положении: одиночные, двойные, коллективные (до 6 костяков), помещённые в прямоугольные или овальные в плане могильные ямы, глубиной до 0,5 м от древней поверхности, головой на восток и северо-восток. На уровне древней дневной поверхности могилы оконтуривались каменными обкладками разной конфигурации. Нередко также камни укладывались и в ногах, и за головой покойника, который обычно помещался в своеобразные гробовища (лодки-керёжки), закрытые деревянными крышками. Стыки между бортами и крышками были густо просмолены. Корпуса лодок были сделаны из тонких деревянных досок, толщиной около 1,6 см и шириной не менее 6 см. В некоторых погребальных сооружениях зафиксированы элементы внутреннего каркаса (шпангоуты и бимсы) и выступающие за заострённую носовую часть остатки форштевней. Корма была прямой, как у современных саамских керёжек. Для двух детских погребений были специально изготовлены маленькие лодки-керёжки или люльки.

В пользу того, что погребальные лодки-керёжки применялись для передвижения по воде, говорит тщательное смоление стыка между гробовищем и крышкой и, особенно, обильное смоление некоторых участков и сучков на днище, причём, с внешней стороны, даже сучков в досках, по которым может просачиваться вода, что необходимо только при плавании. Весьма вероятно, что керёжки тщательно герметизировали составом на основе смолы и переправляли на буксире через морской пролив на остров к месту погребения.

Погребения в коллективных склепах были совершены в отдельных могильных ямах и гробовищах, как правило, не одновременно, о чём свидетельствуют разные глубина и длина соседних индивидуальных могильных ям, иногда небольшое расхождение в ориентировке, а в одном

случае между костяками зафиксирована и незначительная материковая перегородка.

В то же время представлены парные погребения в коллективных «склепах»: в двух разнополюсе индивиды лежали лицами друг к другу, в другом совершенно захоронение женщины и подростка. Ещё в одном случае зафиксирована сложная конструкция парного погребения двух женщин в индивидуальных гробовищах (одна из них была с не полностью вышедшим детским плодом). Для них была устроена общая могильная яма с поперечным настилом на дне и укреплением стенок (продольных – 1–2 брёвнами, поперечных – вертикально стоявшими досками, на которые опиралось общее перекрытие камеры).

Могильные ямы в древности не засыпались полностью, а лишь слегка присыпались песком поверх перекрытия камер, и о их сохранности проявляли заботу, поскольку нами не зафиксировано ни одного случая повреждения одного погребения другим.

Особое внимание стоит уделить неполному сожжению, произведённому на месте (погребение X в раскопках А.В.Шмидта). В нём всё противоречит типичному для этого могильника обряду: западная ориентировка, насыпь из камней над погребением и фрагменты сосуда вафельной керамики ымяхтахской культуры.

Погребальный инвентарь могильника исключительно богат: кинжалы из кости и кремня; гарпуны, в т.ч. поворотные; костяные и составные рыболовные крючки, наконечники дротиков и стрел из кости; иглы и проколки; сланцевые орудия; подвески «китовидные»; пронизки из раковин *Dentalium*; заколки и «гребни»; костяные накладки-навершия со стилизованным изображением головы северного оленя; бронзовые наконечник стрелы и фрагмент пластины; льячка; сосуды и фрагменты асбестовой керамики. По результатам наших раскопок можно говорить о различиях в инвентаре между мужскими и женскими погребениями. Только в мужских погребениях: пары двузубых костяных наконечников дротиков, гарпуны любых типов, рыболовные крючки, «выпрямители древков стрел» из пемзы, заколки с зубчатой головкой. Только в женских погребениях: створки раковин *Urio*, челюсти оленей, «четырёхзубые гребни».

Крайне своеобразны и сами антропологические характеристики погребённых в КОМ. Полевые работы археологами КолАЭ ИИМК РАН с самого начала проводились совместно с антропологами МАЭ РАН и МГУ, что позволило осуществить комплексные исследования кольских оленеостровцев в постоянной связке археологических и антропологических источников. КОМ остаётся до настоящего времени опорным памятником для изучения физической антропологии и культурной атрибуции населения всей Северной Фенноскандии эпохи раннего металла.

Исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН «Древнейшие обитатели севера Евразии: расселение человека в каменном веке, технологии производства» (FMZF-2022-0012).

Шумкин Владимир Яковлевич — Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург, Россия — shumkinv@yandex.ru

Рис. 1. Коллективное погребение № 19 Кольского Оленеостровского могильника на Большом Оленьем острове в Кольском заливе Баренцева моря. Раскопки КолаЭ ИИМК РАН, 2004 год

Федорченко А.Ю., Белоусова Н.Е.

Новые данные о погребальных комплексах поздней ушковской культуры (Камчатка)

Многослойный памятник Ушки I является наиболее информативным археологическим объектом каменного века Камчатки. Исследования 1961–1991 гг. позволили выявить и изучить на стоянке семь культурных слоёв, отражающих несколько эпизодов заселения региона на протяжении финала позднего плейстоцена и большей части голоцена. Крупнейшая коллекция артефактов происходит из культурного слоя VI, изученного на площади свыше 5 200 кв.м; эти материалы послужили основой для выделения

поздней ушковской культуры финального верхнего палеолита Камчатки [Диков 1979]. Особую значимость комплексу придавало наличие в его структуре свыше 40 жилищных конструкций и двух погребений. Цель настоящей работы заключалась в обобщении итогов новейших исследований материалов погребальных комплексов слоя VI поздней ушковской культуры.

Два коллективных захоронения были обнаружены в 1973 и 1986 гг. Погребённые были размещены в округлых ямах на глубине 0,2 и 1 м, в пределах двух жилищных конструкций в северо-западной и юго-восточной частях поселения. В погребении № 1 кости двух неполных скелетов детей, покрытые слоем красной охры, располагались на дне могильной ямы в скорченном виде один к другому, головами на запад и север [Диков 1973]. На дне второй могилы зафиксированы костные остатки плохой сохранности и пять скоплений зубов, принадлежащих детям от двух до 5–6 лет; строгая анатомическая связь между находками зубов и костным материалом была прослежена для трёх индивидов. В сопроводительном инвентаре двух погребений отмечались знаковые элементы каменной индустрии слоя VI и украшения – листовидные наконечники стрел и тонкие бифасы, клиновидные нуклеусы, микропластины, абразивы, подвески и заготовки изделий этого типа из янтаря и мягкого камня. На дне могилы № 2 артефакты залегали в виде компактных скоплений, рассматриваемых как остатки сумок [Диков 1991].

На современном этапе исследований осуществляется изучение антропологических и археологических материалов этих погребений. В последние годы в коллекции стоянки Ушки I идентифицированы фрагменты костных останков и один молочный зуб из захоронения № 1, ранее считавшиеся утерянными. AMS-датирование кости одного из индивидов, выполненное в лаборатории университета Аризоны (США), продемонстрировало возраст $10\,550 \pm 30$ некал. л.н. Проведенная ревизия позволила выявить в материалах памятника образцы грунта, отобранные из погребения № 2 для проведения естественнонаучных исследований в 1991 г. При разборе грунта было обнаружено 14 целых и свыше 30 фрагментов молочных зубов, пять подвесок из янтаря и две мелкие гальки без признаков модификации. В настоящий момент антропологические материалы переданы для проведения одонтологических и палеогенетических изысканий.

Предметом отдельного исследования выступили персональные украшения из погребений поздней ушковской культуры (заготовки и подвески). Установлено, что сырьём для них служили мягкие породы вулканогенного и гидротермального происхождения, такие как агальматолит, талькит и талькохлоритолит, редко использовался янтарь. Отобранное и принесённое на стоянку сырьё обрабатывалось шлифовкой и сверлением. В каждом из

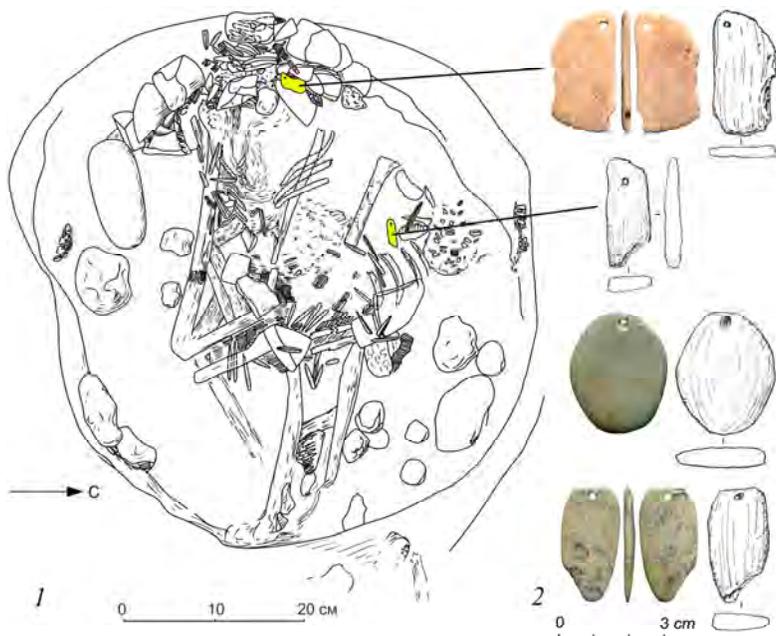

Рис. 1. Коллективное погребение № 1, стоянка Ушки I, поздняя ушковская культура: 1 – план погребения [по: Диков 1974], 2 – персональные украшения, 3 – общий вид

погребений подвески фиксировались в области груди и головы индивидов, заготовки – уложенными в «сумки» вместе с абразивами и орудиями охоты. Особенности следов износа и характер размещения украшений в структуре погребения позволяет предполагать, что они играли роль амулетов, носимых на нитке или шнурке. Особое место в структуре одного из погребений занимало орудие со следами растирания охры, выполненное из удлинённой отдельности окаменелого дерева и уложенное вдоль нижней конечности погребенного. Совместное залегание подвесок и инструмента для нанесения краски с выразительными формами нуклеусов и орудий в составе закрытых погребальных комплексов указывает на особый культурный статус подобных изделий.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ №22-28-02036 «Траектории культурного развития в верхнем палеолите Камчатки», <https://rscf.ru/project/22-28-02036/>

Литература

Диков Н.Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии. М., 1979

Диков Н.Н. Отчет о полевых археологических исследованиях на Камчатке и Колыме в 1973 году // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. №5287

Диков Н.Н. Отчёт о полевых исследованиях на Колыме и Камчатке в 1991 году // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. №17079

Федорченко Александр Юрьевич — Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск, Россия — winteralex2008@gmail.com

Белоусова Наталья Евгеньевна — Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск, Россия — consacrer@yandex.ru

Еньшин Д.Н., Скочина С.Н.

Погребения поселения Мергень 6 в Нижнем Приишимье (Западная Сибирь) как маркеры сакрализации жилого пространства

Существенной проблемой изучения неолита лесостепной зоны Западной Сибири является фактически полное отсутствие могильников. Непосредственно в составе такого типа объектов, как правило, сочетающих погребальные комплексы различных эпох, исследователи отмечали единичные погребения в Нижнем Притоболье, Среднем Прииртышье и барабинской лесостепи (Большой Андреевский остров, Усть-Куренга,

Сопка 2 и т.д.) [Зах и др. 1991; Молодин 2000]. Все остальные свидетельства погребальных практик в неолите на территории лесостепи отмечены единично и в поселенческих комплексах. Одним из пунктов обнаружения человеческих погребений на неолитических поселениях в лесостепи является Мергенский АМР (Нижнее Приишимье). Выявлено четыре комплекса. Три относятся к раннему неолиту (конец VII – начало VI тыс. до н.э.), одно к концу неолита (начало IV тыс. до н.э.).

Наиболее информативным контекстом с точки зрения планиграфии и вероятной смысловой нагрузки обладают два погребения с поселения Мергенъ 6 (конец VII тыс. до н.э.). Исследованная часть поселка имеет свою структуру, приближенную к кругу. Центр занимают две крупные постройки №№ 14 и 21 (по 100 кв.м), соединенные переходом. Погребения зафиксированы в полу жилища № 21. Первое располагалось у борта котлована, ориентировано по линии С–Ю. Погребённый младенческого возраста (предположительно женского пола) уложен на спину, руки вдоль туловища, головой на север. Второе погребение находилось в центре жилища под очагом. Ориентировано по линии З–В. Сохранность костей слабая, но их общее расположение позволяет предполагать, что умерший был уложен на бок, головой на восток. Пол погребённого, предположительно мужской, возраст определён широким понятием – старость (по степени стёртости сохранившихся зубов). Оба комплекса безынвентарные. Объекты относятся к числу неординарных. Особое их значение проявилось в социальном статусе погребённых (принадлежность к маргинальным возрастным группам – младенцы, старики), антитезе расположения в жилом пространстве (центр жилища – под очагом и периферия – у стены котлована), противоположной ориентации (С–Ю, З–В).

Данные признаки позволяют отнести их к числу интрамуральных, практика сооружения которых имеет широкие пространственно-хронологические рамки. Подобные культовые традиции отмечены в раннеземледельческих обществах Ближнего Востока (хассунская, халафская культуры), и более ранних комплексах VII тыс. до н.э. (Иерихон, Чатал-Хюк и т.д.). Захоронения в сооружениях интерпретируются как маркеры особых ритуалов при закладке домов и как вероятные признаки особого статуса построек – небольших святилищ на поселениях [Мунчаев, Мерперт 1981: 84, 192]. Отметим, что в котловане мергенского жилища с погребениями также зафиксированы приклады под полом (воткнутые в материк изделия из кости и рога, расположенные у оснований несущих конструкций), а также ямка с набором орудий промысла (с признаками преднамеренной порчи!), обмазанных белой глиной и засыпанных охрой.

Обнаруженные погребения могут являться отражением большого пласта ритуалов, включающих в себя и обряд строительной жертвы, и

культ предков, и представления о структуре мира. Более чем вероятно, что ритуал захоронения людей в полу жилища есть иллюстрация процесса освоения (в сакральном смысле) нового жилого пространства.

Литература

- Зах В.А., Зотова С.В., Панфилов А.Н. Древние могильники на Андреевском озере близ Тюмени // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск, 1991. С. 13–42
- Молодин В.И. Неолитические могильники Барабы. Проблемы хронологии и культурной принадлежности// Исторический ежегодник. Спец. Вып. Омск, 2000. С. 134–139
- Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. Москва, 1981

Еньшин Дмитрий Николаевич — Тюменский научный центр ИПОС СО РАН, г. Тюмень, Россия — Dimetrius666_72@mail.ru

Скочина Светлана Николаевна — Тюменский научный центр ИПОС СО РАН, г. Тюмень, Россия — sveta_skochina@mail.ru

Жульников А.М.

Особенности погребального обряда энеолитического населения Карелии и сопредельных регионов

На территории Карелии и сопредельных регионов в настоящее время обнаружено 25 могильников и одиночных погребений IV – начала II тыс. до н. э. (рис. 1). Хронологически и по составу инвентаря могильники могут быть разделены на три группы.

Первая, наиболее ранняя группа, включающая восемь могильников и одиночных захоронений, соотносится с поздней стадией ямочно-гребенчатой керамики, в том числе украшенной ромбическими ямками. В этой группе имеются могильники, в которых зафиксированы скопления захоронений, ориентированных почти параллельно друг другу (Вёкса, Бревенный и Остров Букольников). Остатки костей или зубов обнаружены в шести случаях (Вёкса, Бревенный, Остров Букольников, Караваиха, Андозеро 2, Нива X). Крупные валуны поверх захоронений выявлены на Андозеро 2 и могильнике Бревенный. В пяти могилах найдены сланцевые кольца (Нива X, Сандермоха (погребение 81), Караваиха, Андозеро 2, Вёкса). В трёх могильниках обнаружены янтарные украшения ранних типов (Бревенный, Остров Букольников, Путкинская I). Каменные подвески имеются в

четырёх могильниках (Путкинская I, Сандермоха (погребение 81), Андозеро 2, Остров Букольников), а в одном из захоронений могильника Бревенный выявлена костяная подвеска с отверстием. Кремнёвые орудия (наконечники, ножи, кинжал и т.д.) содержатся в погребениях могильников Путкинская I, Бревенный, Остров Букольников, Андозеро 2, Вёкса. В двух случаях в погребальном инвентаре представлены рубящие орудия (Нива X, Бревенный). У края захоронения в могильнике Бревенный найден миниатюрный сосуд с ямочно-гребенчатой орнаментацией.

Ко второй группе захоронений отнесено 14 могильников и одиночных погребений, которые можно связать с позднеэнеолитической пористой и асбестовой керамикой. Группы могильных ям со сходной ориентировкой имеются в могильниках Тудозеро VI, Нива XII, Коштомуш I, Боровиково, Тудозеро VI, Залавруга II, Вис II. Одиночные могилы зафиксированы на памятниках Деревянное XI, Залавруга I, Золотец XXXIX, Ильинской Остров. На Вёксе и Модлоне обнаружены группы черепов, тогда как части скелета не представлены (Вёкса – по пять черепов в двух могилах, Модлона – минимум три черепа, в том числе два поблизости друг от друга). В восьми могильниках и одиночных захоронениях найдены янтарные украшения (Каргулино, Белоозеро, Деревянное XI, Тудозеро VI, Залавруга II, Соловецкая–13, Охта, Вис II). Некоторые погребения второй группы выделяются обилием янтарных украшений – пуговиц-нашивок, подвесок, пронизей, подвесок-нашивок (Деревянное XI, Тудозеро VI, Залавруга II, Каргулино). В одной из могильных ям на Ниве XII найдена керамическая пронизка – видимо, являющаяся подражанием аналогичному по форме янтарному украшению. Рядом с могилой на Деревянное XI был найден развал сосуда с примесью асбеста типа Оровнаволок второй половины IV тыс. до н.э. – единственная находка керамики на этом памятнике. В четырёх пунктах в захоронениях были найдены сильно удлинённые иволистные кремнёвые наконечники стрел (Каргулино, Ильинский Остров, Залавруга II, Золотец XXXIX). В пяти случаях могилы, видимо, не содержали погребального инвентаря (Вёкса, Модлона, Залавруга I, Коштомуш I, Боровиково).

Погребения финала энеолита – начала эпохи бронзы выделяются наличием треугольно-черешковых наконечников с шипами – «сейминского» типа. Предполагаемые захоронения на Караваихе и Ульяновское погребение могут быть соотнесены с чирковской (фатьяноидной) керамикой, а погребение в бухте Песконец на Кольском полуострове с асбестовой керамикой типа Палайгуба.

Исследование выполнено в рамках проекта РНФ 19-18-00375

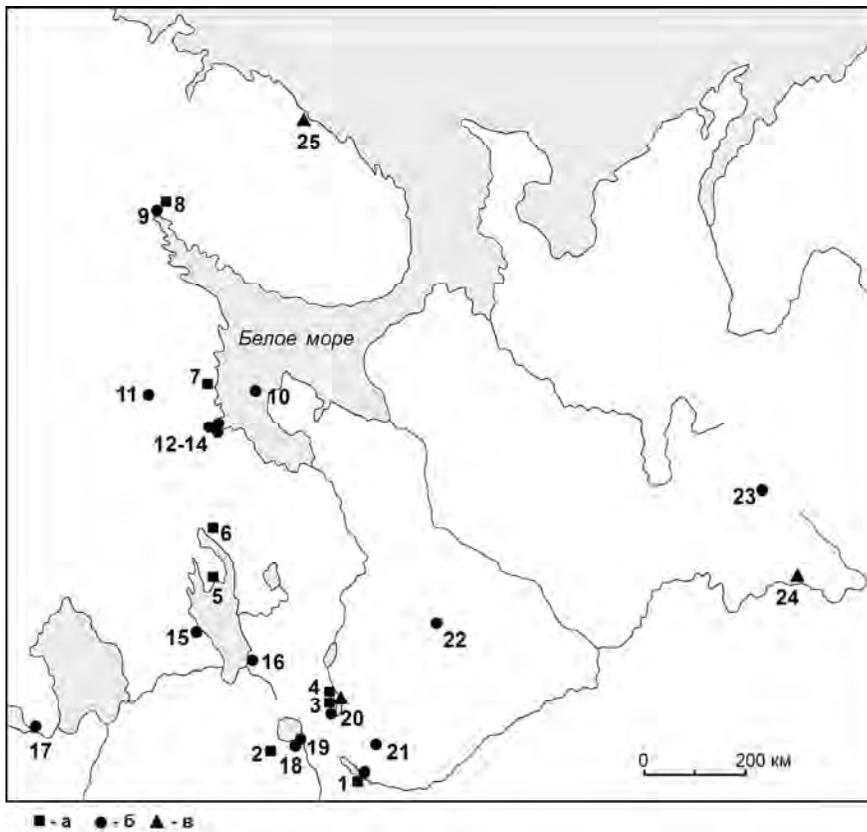

Рис. 1. Карта энеолитических могильников и одиночных погребений на территории Карелии и сопредельных регионов. а – погребения финала неолита – начала энеолита, б – погребения, соотносимые с пористой и асбестовой керамикой, в – погребения финала энеолита – начала эпохи бронзы. 1 – Вёкса; 2 – Андозеро 2; 3 – Караваяха; 4 – Бревенный; 5 – Остров Букольников; 6 – Сандермоха (погребение 81); 7 – Путкинская I; 8 – Нива X; 9 – Нива XII; 10 – Соловецкая-13; 11 – Коштомуш I; 12-14 – Залавруга I, II, Золотец XXXIX; 15 – Деревянное XI; 16 – Тудозеро VI; 17 – Охта; 18 – Каргулино; 19 – Белоозеро; 20 – Модлона; 21 – Боровиково; 22 – Ильинский Остров; 23 – Вис II; 24 – Ульяновское погребение; 25 – Песконец

Мезо–неолитические погребения в лесостепном Поволжье (проблемы интерпретации)

Погребений среднего и нового каменного века в лесостепном Поволжье выявлено весьма скромное количество, при этом их культурно-хронологическая атрибуция вызывает определённые вопросы.

Три захоронения на стоянке «Гора Маяк», по ^{14}C датировкам костяка № 1, относятся ко второй половине XII тыс. до н.э. Однако есть сведения о более поздних датах по материалам из культурного слоя. Могильные ямы не читаются, погребения углублены на 30–40 см в материк, при этом ориентировка и положение костяков существенно разнятся, что не позволяет интерпретировать их в качестве могильника. Наиболее полно представлено погребение № 3 – женщина, 20–25 лет, располагается вытянуто на спине головой на С, лицо обращено к З, без инвентаря. Череп имеет промежуточные признаки европеоидного и монголоидного краниологических комплексов, МтДНК – U5a2.

Захоронение на стоянке Чекалино IV по кости человека получило дату последней четверти IX тыс. до н.э. и до появления ^{14}C определений связывалось с елшанской культурой. Женщина, 50–55 лет, залегала чуть ниже материка, располагалась в сильно скорченной позе на правом боку, ориентирована головой на СЗ, лицом на З. Череп имеет экваториальные черты, МтДНК – U2e2a. Второе погребение из культурного слоя, отнесено к комплексу гребенчатой керамики, получило дату середины IV тыс. до н.э. Женщина помещена в вытянутом положении, ориентировка неизвестна, череп ближе к европеоидному типу с монголоидными чертами, МтДНК – U5a2. Оба захоронения без инвентаря.

В культурном слое стоянки Лебяжинка IV обнаружено захоронение мужчины 30–35 лет, датированное серединой VI тыс. до н.э. Погребённый располагался вытянуто на спине, головой ориентирован на С, лицом на В. Близ костяка выявлены артефакты, в том числе развалы сосудов без орнамента и с насечками, связь которых с погребением не очевидна. Череп с монголоидными чертами, МтДНК – U5a1d.

Наконец, в кургане № 4 Лабазовского курганного могильника выявлены два погребения, датированные по ^{14}C третьей четвертью VII тыс. до н.э., на основании чего отнесены к елшанской культуре. Могильные ямы не прослежены, без инвентаря. Погребение № 2 принадлежит женщине старше 45 лет, захороненной в сидячей позе, лицом на ЮЗ. Череп имеет

черты «древнего сублапоноидного» типа, МтДНК – U4a1. Погребение № 3 – мужчина, 45–55 лет, в скорченной позе на левом боку, ориентирован головой на ЮЗ, лицом на С. Череп с чертами «древнего субуральского» типа, МтДНК – U4a1.

Из вышесказанного отчётливо прослеживается разнотипность захоронений и, в связи с отсутствием сопроводительного инвентаря, в вопросе культурно-хронологической интерпретации опора лишь на ¹⁴C даты. Однако «резервуарный эффект» при датировании костей человека может составлять от нескольких сотен до нескольких тысяч лет и необходима верификация полученных датировок.

Исходя из позы погребённого захоронения можно разделить на три группы.

1. Вытянутые на спине головой на С, с лицом на З или В (Гора Маяк п.3, Лебяжинка IV, возможно, Чекалино IV, п. Б), с точки зрения краниологии у них прослеживаются монголоидные черты и идентичная МтДНК – U5a1/2. Учитывая, что два из трёх погребений этой группы с высокой долей вероятности связаны с комплексами средневожской культуры, а на стоянке «Гора Маяк» также обнаружена неолитическая керамика, допустимо предложить поздненеолитическую интерпретацию подобного типа захоронений. Вытянутые погребения в дальнейшем получают распространение в могильниках самарской культуры.

2. Скорченные на правом или левом боку с разной ориентировкой и положением головы, краниологическими чертами и МтДНК (Чекалино IV, п. А, Лабазы п.3). Данная группировка весьма искусственна. Вероятно, за костяком с Чекалино IV допустимо сохранить раннеолитическую атрибуцию. Относительно массово скорченные захоронения появляются в регионе в могильниках хвалынской культуры.

3. Погребение в позе сидя (Лабазы, п. 2) уникально, захоронения подобного типа впервые встречаются в могильниках хвалынской культуры, а наибольшее распространение получают в позднем энеолите.

Исследование выполнено по проекту РФФИ № 19-78-10001

Андреев Константин Михайлович — Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара, Россия — konstantin_andreev_88@mail.ru

Погребальный обряд нео–энеолитического времени населения лесостепного Дона

На территории лесостепного Дона изучено несколько десятков памятников нео–энеолита, на некоторых удалось зафиксировать грунтовые могильники, хронологически связанные со временем функционирования бытовых памятников.

Грунтовые захоронения, относимые исследователями ко времени неолита–энеолита, встречены в лесостепном Подонье на 17 памятниках, при этом на семи из них исследовано только по одному погребению.

Одиночные погребения имеют широкий географический охват, но при этом четыре памятника относятся к бассейну Верхнего Дона (Глинище, Лобовка, Университетская 3, Васильевский Кордон 5) и три на Хопре (Плаутино 4, Борисоглебская 1, Разнобрычка). Это связано в первую очередь с небольшой площадью раскопов. На Среднем Дону одиночные захоронения не встречены.

Наиболее представительные могильники это Дрониха (21 погребение), Плаутино 2, (13 погребений), Ксизово 6 (12 погребений), Копанище 2 (4 погребения), Голубая Криница (4 погребения). Могильник из 28 погребений раскопан на Васильевском Кордоне 17 и четыре погребения зафиксировано на Васильевском Кордоне 27 (исследовались Р.В.Смоляниновым, материалы не опубликованы, в связи с чем не использованы в данной работе).

В итоге по имеющимся могильникам Донской лесостепи проанализированы 68 погребений. Условия сохранности погребений и их характер не позволили в ряде случаев установить характерные признаки, для многих погребений не проводился антропологический анализ. При анализе также оставлены два погребения с Ксизово 6, отнесённые авторами раскопок к эпохе бронзы (они приведены для общей картины могильника и не сильно влияют на общую статистику).

Основными характеристиками погребений неолита–энеолита можно назвать ориентировку по сторонам света, положение умерших на спине/боку, положение рук и ног, возраст умерших.

Так, 29 погребений имели ориентировку в северном направлении (с отклонениями до СВ–СЗ), а в остальные стороны света примерно одинаково – девять на восток, девять на юг и восемь на запад. Северная ориентировка костяков характерна для Плаутино 2, Ксизово 6, Дронихи и Голубой Криницы. Западная ориентировка костяков у всех захоронений Копанище 2 и у четырёх на Ксизово 6.

Положение умершего на спине является главным признаком погребений рассматриваемого периода – 46 из определённых, и только в девяти

случаях умершие лежали на боку (шесть из погребений с Плаутино 2, два эпохи бронзы с Ксизово 6). В 24 случаях руки лежали вытянуто вдоль тела, и только у четырёх погребённых руки были согнуты в локтях. У семи погребённых одна рука умершего лежала вдоль тела, вторая огнута в локте.

Положение ног не даёт уверенного преобладания конкретной позы – у 19 погребённых ноги расположены вытянуто, а у 20 – согнуты в коленях. В трёх случаях ноги были отчленены от туловища.

Возрастной анализ, проведённый более чем для половины погребений, показывает преобладание умерших во взрослом возрасте – 31 захоронение против семи детских, пол определён только в 23 случаях – 14 мужчин и 9 женщин.

Ямы прослеживаются редко – десять захоронений были совершены в ямах овальной формы, парное погребение на Плаутино 2 в прямоугольной яме, на Дронихе в трёх случаях удалось проследить верх ямы по выкиду.

Использование охры в погребальном обряде рассматриваемой территории в неолите–энеолите было крайне ограниченным. Только в парном погребении на Плаутино 2 под головой одного из костяков лежала охра и ещё в погребении 4 раскопа 2 Ксизово 6 под головой обнаружено три мелких кусочка. Отнести к обрядовым признакам буроватый налет на костях и красноватые включения в заполнении ям в некоторых погребениях, на наш взгляд, недостаточно оснований.

Сложным является вопрос погребального инвентаря. Поскольку погребения совершались на территории поселений зачастую с уже формирующимся культурным слоем, в заполнение ям неминуемо попадали отдельные предметы, и только в нескольких случаях их облик позволяет говорить об их принадлежности захоронению. В первую очередь это бусы из погребения 7 Дронихи, нож из бронзы (?) погребения 5 раскопа 2 Ксизово 6, роговой жезл и костяное копьё погребения 3 раскопа 2 Ксизово 6 (отнесено авторами раскопок к эпохе бронзы), а также орудия на кремнёвых пластинах из погребений 2 и 3 Голубой Криницы. Остальные находки в погребениях можно связывать с умершими с большой осторожностью. Для территории Верхнего Дона в нескольких захоронениях использовался известняк.

Несмотря на широкий культурно-хронологический диапазон погребальных памятников финала каменного века лесостепного Подонья, можно выделить два основных признака – положение умерших на спине и ориентировка головой на север. Скорченность ног является, вероятнее всего, чертой захоронений энеолитических групп населения, как и положение умерших на боку для восточной части рассматриваемой территории.

Сурков Алексей Владимирович — ООО «Археологическое общество Кубани», г. Воронеж, г. Ростов-на-Дону, Россия — surkovarh@mail.ru

Особенности мариупольской погребальной обрядности на Среднем Дону

Долгие годы могильники мариупольского типа (далее – ММТ) позднего неолита – раннего энеолита на территории Нижнего и Среднего Дона были известны лишь по сведениям начала XX века о разрушенных погребениях на реке Чир с территории Волгоградской области [Васильев, Синюк 1985: 20]. Только в недавнее время благодаря открытию и работам В.Д.Березуцкого и автора появились сведения о грунтовом могильнике мариупольского типа, расположенном на Среднем Дону [Скоробогатов 2022].

Голубая Криница – небольшой могильник возле одноименного хутора Россошанского района Воронежской области, недалеко от места впадения р. Чёрная Калитва в р. Дон. Площадка памятника возвышается над поймой реки на 70 м и хорошо просматривается за много километров со всех сторон света. На вскрытой площади около 300 кв.м изучено 18 погребений: костяки вытянуты на спине, руки вдоль туловища, с ориентировкой в южную (Ю, ЮВ, ЮЮВ) половину горизонта. Относительно долины и русла Чёрной Калитвы индивиды расположены перпендикулярно («смотря» в сторону реки), относительно Дона – параллельно. Планировка могил рядная, где в рядах от трёх до пяти погребений располагаются по линии СВ-ЮЗ, с понижением рядов в сторону поймы реки. Захоронения индивидуальные, парные и коллективные (3–5 костяков).

Значительную роль в обрядности играла охра, 13 погребений были с неравнозначно распределённым инвентарем – от одной створки Uпю или раковинных дисковидных пронизок до массовых украшений погребального костюма, орудий труда, оружия и керамики.

В целом, можно выделить особенности, характерные для нашего комплекса на фоне общего массива синхронных ММТ Поволжья (Съезжее, Екаториновский мыс) и Приазовья – Нижнего Поднепровья (Мариупольский, Никольский, Лысогорский, Ясиноватский):

– отсутствие жертвенных площадок, содержащих керамику и кости животных, на территории могильника;

– высокая роль охры (около 80%) и мела (около 40 % погребений);

– однотипность пластин из клыка кабана (у двух взрослых мужчин из 30 индивидов) – без дополнительной обработки завершённого изделия (сверлёные отверстия, углублённые линии по краям, орнаментация), либо с торцевыми насечками;

– наличие (у трёх мужских индивидов) каменных и меловой плит в районе черепа;

- керамика не находит прямых аналогий в местных культурах неолита (среднедонская) и раннего энеолита (нижнедонская);
- кремнёвые наконечники, костяные острия и наконечник, пластины из клыка кабана принадлежали мужским взрослым индивидам;
- скудный инвентарь для женских, детских и подростковых индивидов;
- створки морских и речных раковин характерны как для мужчин, так и для женщин и детей;
- ближайшая типологическая аналогия медному изделию не в известных ММТ и хвалынско-среднестоговских захоронениях, а в ареале Кукутень-Триполье [Дергачев 2022: рис. 30, А: 7; Маркевич 1970: рис. 15: 12].

Литература

- Васильев И.Б., Синюк А.Т. 1985. Энеолит Восточно-Европейской лесостепи. Учебное пособие по спецкурсу. Куйбышев
- Дергачев В. 2022. Кондрицкий клад. Кишинев-Бутучень
- Маркевич В.И. 1970. Многослойное поселение Новые Русешты I // КСИА. № 123. С. 56–68
- Скоробогатов А.М. 2022. Голубая Криница – грунтовый могильник мариупольского типа на Среднем Дону // Самарский научный вестник. Т. 11, № 1. С. 165–173. DOI: 10.55355/snv2022111203

Скоробогатов Андрей Михайлович — ООО НПЦ «Воронежское археологическое общество», г. Воронеж, Россия — a.m.skorobogotov@mail.ru

Смолянинов Р.В.

Погребения эпохи энеолита с поселения–могильника Васильевский Кордон 27 на р. Воронеж

Поселение и могильник Васильевский Кордон 27 располагается в Добровском районе Липецкой области. Оно выявлено в 2008 году А.А.Клюкойтем [Клюкойть 2008]. В последующем памятник исследовался раскопками в 2016–2021 гг. на площади 323 кв.м. [Смолянинов 2016; Шеменёв 2017; Соловьёв 2018; Султанова 2019; Шилов 2020; Акимова 2021]. Он расположен на останце первой надпойменной террасы высотой от 1 до 4,5 м над высокой поймой правого берега реки Воронеж (Донской бассейн) у с. Преображеновка. На памятнике удалось выявить шесть древних сооружений и четыре погребения эпохи энеолита среднестоговской культуры [Смолянинов и др. 2017; Смолянинов и др. 2019]. В 2020–2021 годах исследования были продолжены на его северо-западной

разрушающейся противопожарной опашкой части, в его более низкой части, вплотную примыкающей к безымянному старичному озеру, где доминировали материалы эпохи бронзы и раннего неолита [Акимова 2021; Шилова 2021].

Всего нами было обнаружено четыре погребения эпохи энеолита.

Погребение 1. Длина погребальной ямы – 2,3 м, ширина 0,67 м, глубина доходила до 0,29 м. Погребение взрослого мужчины 40–50 лет с вытянутой на спине северо-восточной ориентировкой. Над погребённым обнаружено кремнёвое шлифованное тесло, обломок тесла, отщеп с ретушью и кварцитовый отбойник. В заполнении ямы выявлены фрагменты керамики среднестоговской культуры и кости медведя, бобра, кабана и лося. Челюсть бобра находилась выше погребённого. По кости погребённого получены две радиоуглеродные даты: 3375 ± 60 BP (1784–1510 calBC) (SPb-2096), 4529 BP (3248–3100 calBC) (Hela-4622) [Scott et al. 2022] и по кости животного – 3592 ± 55 BP (2058–1861 calBC) (SPb-2100).

Погребение 2. Погребальная яма аморфной формы, в профиле корытообразная с плавным переходом стенок в дно. Заполнение – тёмно-серая супесь. Размеры ямы – 158×113 см. Погребение вытянутого на спине взрослого человека 40–50 лет с северо-восточной ориентировкой. Слева от погребённого обнаружен обломок кремнёвого наконечника дротика. По кости человека получена дата – 4763 ± 70 BP (3657–3485 calBC) (SPb-2097).

Погребение 3. Погребальная яма не фиксировалась. Захоронение вытянутого на спине взрослого человека с северо-северо-восточной ориентировкой. Погребальный инвентарь не обнаружен. По костям человека получена радиоуглеродная дата – 4256 ± 60 BP (3022–2636 calBC) (SPb-2467).

Погребение 4. Погребённая женщина лежала в прямоугольной яме вытянуто на спине, головой на северо-восток. Руки лежали на животе. Помимо кварцитового и кремнёвого наконечников стрел, найденных в яме, погребённый был усыпан 138 глиняными бусами. Возле головы найдено медное кольцо, а в юго-восточном углу могильной ямы находилось охристое пятно. На тазе лежала медная пронизка. По кости погребённого получены две радиоуглеродные даты: 4654 ± 65 BP (3636–3332 calBC) (SPb-2871); $4823 \pm$ BP (3591–3528 calBC) (Hela-4623) [Scott et al. 2022].

Выводы. В результате раскопочных исследований выявлены четыре сильно разрушенных погребения могильника среднестоговской культуры эпохи энеолита на площадке древнего поселения. Часть дат по первому погребению отражают время эпохи бронзы, часть энеолита. Но археологический материал этого погребения мы склонны относить ко времени энеолита и датировать его энеолитическим временем. Доказательством отношения всех погребений к единой культуре является и

то, что все четыре погребённых захоронены в одной позе – вытянуто на спине с северо-восточной ориентировкой. Наиболее вероятное время существования могильника – середина – третья четверть IV тыс. до н.э.

Статья написана по проекту Фонда Президентских грантов проект № 23-1-017907 «Хранители древностей»

Литература

- Акимова Е.Н. 2021. Отчёт о проведении археологических раскопок на территории объекта археологического наследия «Васильевский Кордон 27, поселение» в Добровском районе Липецкой области в 2021 г. (открытый лист №1238-2021) // Архив ИА РАН. Р-1. Номер хранения пока не присвоен
- Клюкоить А.А. 2008. Отчёт о разведочных исследованиях в Липецкой области в 2008 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 43232
- Смолянинов Р.В. 2016. Отчёт о раскопках поселения Васильевский Кордон 27 в Добровском районе Липецкой области в 2016 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 51398
- Смолянинов Р.В., Желудков А.С., Яниш Е.Ю., Бессуднов А.Н., Куличков А.А., Юркина Е.С. 2021. Поселение Васильевский Кордон 27 на р. Воронеж. Материалы эпохи энеолита // Верхнедонской археологической сборник. Вып. 8. Липецк. С. 225–240
- Смолянинов Р.В., Юркина Е.С., Яниш Е.Ю., Желудков А.С., Шеменев С.В., Соловьев А.В. 2019. Энеолитическое поселение и могильник Васильевский Кордон 27: свидетельства охоты и рыбной ловли (исследования 2016–2018 годов, предварительная публикация) // Самарский научный вестник. Т. 8, № 4 (29). Самара. С. 122–130
- Соловьёв А.В. 2018. Отчёт о раскопках поселения Васильевский Кордон 27 в Добровском районе Липецкой области в 2018 году. Рукопись
- Султанова М.В. 2019. Отчёт о проведении археологических раскопок на территории объекта археологического наследия «Васильевский Кордон 27, поселение» в Добровском районе Липецкой области в 2019 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 68689
- Шилов С.В. 2020. Отчёт к открытому листу №1937-2020 о проведении археологических раскопок на территории объекта археологического наследия «Васильевский Кордон 27, поселение» в Добровском районе Липецкой области в 2020 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Номер хранения пока не присвоен
- Шилов С.В., Шилова О.Н. 2021. Раскопки на поселении Васильевский Кордон 27 в Добровском районе Липецкой области // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2020. Липецк, Воронеж. С. 127–128.

- Шеменёв С.В. 2017. Отчёт о раскопках поселения Васильевский Кордон 27 в Добровском районе Липецкой области в 2017 году. Рукопись
- Scott A., Reinhold S., Hermes T., Kalmykov A.A., Belinskiy A., Buzhilova A., Berezina N., Kantorovich A. R., Maslov V.E., Guliyev F., Lyonnet B., Gasimov P., Jalilov B., Eminli J., Iskandarov E., Hammer E., Nugent S. E., Hagan R., Majander K., Onkamo P., Nordqvist K., Shishlina N., Kaverzneva E., Korolev A., Khokhlov A. A., Smolyaninov R. V., Sharapova S.V., Krause R., Karapetian M., Stolarczyk E., Krause J., Hansen S., Haak W., Warinner C. 2022. Emergence and intensification of dairying in the Caucasus and Eurasian steppes // *Nature Ecology & Evolution* 66. P. 13–822

Смолянинов Роман Викторович — Липецкая региональная научная общественная организация «Археологические исследования», г. Липецк, Россия — rws17gws17@yandex.ru

Выборнов А.А., Кулькова М.А.

Погребения нео–энеолита Волго-Уралья и воротничковый комплекс

О.Н.Бадер анализировал не только погребения Волго-Камья, но и впервые обнаружил керамику воротничкового типа на стоянке Сауз II в 1955 году. Отсутствие сравнительного материала не позволяло определить хронологию данного типа посуды вплоть до изучения И.Б.Васильевым и Г.И.Матвеевой могильника у с. Съезжее на границе степи и лесостепи. Именно сходство своеобразного оформления венчика воротничковым утолщением на внешней стороне сосуда позволило синхронизировать самарские и камские комплексы позднего этапа. Сам могильник, после исследования Хвалынского некрополя, стал определяться IV тыс. до н.э. Учитывая замедленные темпы развития в лесной периферии, допускалось существование воротничковых комплексов Прикамья в начале III тыс. до н.э. Радиоуглеродных дат для самарской культуры долгое время не было, а для хвалынской были значения по костям человека. Синхронизация шла по линии азово-днепровской культуры, но и там даты были сделаны по костякам. Причем, новые даты были значительно древнее сделанных ранее. В настоящее время стало понятно, что в обоих случаях подавляющее количество из них подвержены резервуарному эффекту. Полученные значения по керамике воротничковых комплексов Прикамья укладывались в интер-

вал от 4350 до 4100 лет до н.э. Верхняя граница вполне приемлема, так как примерно с 4100 лет до н.э. получена большая серия дат для последующей новоильинской культуры. Но эти данные нуждались в дополнительной проработке. Даты по керамике Съезжинского могильника сильно разнились: 5560 лет до н.э. для прикаспийской и 4750 лет до н.э. для самарской. Это предполагало разновременность комплекса. Но не исключалось удревнение первой из-за того, что керамика сделана из ила с раковинами.

Значения по костям человека из могильника у с. Съезжее, полученные благодаря А.А.Хохлову, 5500 и 4800 лет до н.э., на первый взгляд, подтверждали первое предположение. Но и в данном случае первая дата могла быть подвержена резервуарному эффекту. Передатировка съезжинского типа керамики – 4750 и 4770 лет до н.э. – опровергла гипотезу о разновременности ритуальной площадки. Допустимо сделать вывод о том, что древняя дата по костям человека со Съезжей не валидна, а второе значение 4800 лет до н.э. не подвержено резервуарному эффекту. В последнее время для памятников прикаспийской культуры степного Поволжья получена серия дат, включая AMS, порядка 4780–4680 лет до н.э. Они подтвердили возраст воротничковых сосудов из могильника. Сходные значения получены и для лесостепных материалов. Что касается хвалынской культуры, то даты по костям животных из могильника и керамике со стоянок варьировали от 4530 до 4000 лет до н.э. Её материалы обнаружены как в низовьях р. Белой, так и на стоянке Утюж в Среднем Посурье. Следует отметить, что в этот хроноинтервал входят и материалы второго этапа самарской культуры. Таким образом, благодаря новым радиоуглеродным датам, полученным для могильников позднего неолита и раннего энеолита Волго-Уралья, по материалам прикаспийской культуры этого региона, а также по керамике воротничкового типа Прикамья можно установить достаточно достоверный хронологический интервал существования последнего – 4350–4000 лет до н.э.

Выборнов Александр Алексеевич — Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара, Россия — vibornov_kin@mail.ru

Кулькова Марианна Алексеевна — Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия — kulkova@mail.ru

Меллятамакский V могильник: к вопросу о культурно-хронологической принадлежности

Меллятамакский V могильник расположен 2,5 км к востоку от с. Меллятамак Муслимовского района Республики Татарстан. В результате археологических раскопок могильника было выявлено 20 погребений, а также 9 жертвенных ям.

Все погребённые располагались в вытянутом положении в подпрямоугольных могильных ямах. В погребениях фиксировалась подсыпка красной охры.

На основе полученного материала Е.П.Казаковым была выделена новая меллятамакская археологическая культура. При этом отмечалось, что многие группы каменного инвентаря сохраняют явные мезолитические черты. Исследователь все выявленные первобытные погребения связал с переходным временем от мезолита к неолиту [Казаков 2017: 216].

Исследования, проведённые в последние десятилетия на сопредельных территориях, дают основания не согласиться с такой интерпретацией и вновь обратиться к вопросам культурно-хронологической атрибуции Меллятамакского V могильника. Так, сходство с погребальным обрядом раннеэнеолитических могильников Нижнего Прикамья, а также сходство в погребальном обряде памятников мариупольского круга и самарской культуры (Липовый овраг, Съезжинский могильники) дают основания относить Меллятамакский V могильник к энеолитической эпохе.

Погребальный инвентарь составляют украшения, орудия охотничье-промыслового и хозяйственно-бытового назначения. Аналогии данным находкам прослеживаются в материалах могильников мариупольского типа, а также Съезжинского могильника [Васильев, Матвеева 1976: 91] и Липовый овраг [Васильев 1980], имеющие принадлежность к раннеэнеолитической самарской культуре.

Принимая во внимание выявленный круг аналогий, представляется правомерным отнести Меллятамакский V могильник к эпохе раннего энеолита.

Литература

- Васильев И.Б. 1980. Энеолит лесостепного Поволжья // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев. С. 27–52
- Васильев И.Б., Матвеева Г.И. 1976. Поселение и могильник у села Съезжее // Очерки истории и культуры Поволжья. Куйбышев. С. 73–96

Казаков Е.П. 2017. К проблеме хронологии памятников меллятамакского культурного типа // Поволжская археология. № 3. 2017. С. 211–220

Шипилов Антон Валентинович — Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии Наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия — Shipilov_anton@mail.ru

Гусенцова Т.М.

Погребения в жилище эпохи энеолита поселения Лобань 1 в бассейне р. Вятки

Поселение Лобань 1 исследовано автором в 1973 году. Расположено на первой надпойменной террасе левого берега р. Лобань, правого притока р. Кильмезь, впадающей в р. Вятку. Большая часть его разрушена песчаным карьером, раскопом площадью 244 кв.м. был изучен практически весь сохранившийся культурный слой памятника. В нём сохранились материальные остатки эпох энеолита (жилище № 1), поздней бронзы (жилище № 2) и позднего средневековья [Гусенцова, Сенникова 1980].

Жилище № 1 с остатками погребений выявлено в нижнем культурном слое. Сооружение квадратной формы размером 10×8,5 м, ориентированное в направлении СВ–ЮЗ. Котлован его углублён в подстилающий песок на 40–60 см, в центре до 90 см. Выход расположен в юго-восточном углу размером 1,7×2,5 м, направлен в сторону от реки. На дне жилища исследовано свыше двух десятков столбовых ямок. Возле крупных ямок выявлены ямки от столбиков-подпорок. Подобные жилища, реконструируемые как двускатные с тамбуром-выходом, встречаются на волосовских поселениях Среднего Поволжья и гаринских Среднего Прикамья.

На полу жилища обнаружены четыре очажные ямы диаметром до 3,2–1,9–1,6–1,2 м, глубиной 25–30 см с мощными зольниками и пятнами прокала. В зольниках и возле них находились плитки песчаника, скопления мелких кремнёвых отщепов, фрагменты посуды, рыба чешуя, пережжённые кости животных. Наибольший интерес представляет устройство очажной ямы напротив выхода из жилища, в которой под зольниками находилась кладка из двух параллельных рядов плиток песчаника. Плитки массивные, плотно прилегали другу к другу. Расстояние между рядами 0,90–1 м. Очевидно, это остатки очага. В жилище найдены предметы, связанные с плавлением меди – фрагменты толстостенных глиняных тиглей с плоским дном, шлак и капли меди. Присутствуют изделия из меди: двухлезвийный нож трапецевидной формы размером 8,4×2,0 см; миниатюрное шильце, обломок стержня. По химическому составу металл

представляет чистую медь, полученную из местных меднистых песчаников, и, по мнению С.В.Кузьминых и Е.Н.Черных, является свидетельством распространения традиций гаринско-борского металлургического очага в некоторых районах бассейна р. Вятки.

В жилище открыты остатки двух захоронений. Первое обнаружено у северо-восточной стенки вверху котлована. Следы могильной ямы не прослеживались. Найдены фрагменты костей черепа, небольшой обломок челюсти, две трубчатые кости. Рядом с черепом лежали две округлые пуговицы из янтаря с V-образными отверстиями. Возможно, к погребению относятся обнаруженные в жилище обломок украшения из резца бобра, отполированный клык животного, крупная сланцевая каплевидная подвеска с двумя отверстиями, несколько фигурных кремней.

Второе погребение обнаружено в выходе из жилища в отдельной яме глубиной до 25 см, размером 1,75×1 м. Погребённый лежал скорченно на правом боку головой в сторону от реки. Кости черепа сильно раздавленные. Кости таза и ног располагались несколько ниже по отношению к верхней части туловища. У ног находился неорнаментированный плоскодонный сосуд баночной формы с двумя крупными овальными налепами (валиками) у венчика, аналогичный посуде жилища № 1.

К сожалению, сохранность костного материала обоих захоронений для антропологических исследований была признана неудовлетворительной.

Обряд захоронений около или в жилищах прослеживается, в частности, у волосовского населения. Большинство погребённых положены вытянуто на спине, реже на животе. Для погребального обряда волосовцев не характерна керамика. В поздневолосовское время, когда прослеживаются контакты с фатьяновским населением, встречаются скорченные погребения. Скорченные погребения известны также в позднеэолитических погребениях Прибалтики. Культурный слой энеолита перекрыт отложениями поздней бронзы приказанской культуры, на определённых этапах развития которой встречаются скорченные захоронения в курганах, групповые погребения в жилищах (с обожжёнными черепами). Однако погребальный инвентарь, характерный для приказанской культуры, при умершем и в жилище не найден. Культурная принадлежность скорченного погребения остается неясной. Можно лишь предположить, что захоронение в выходе было сделано после того, как его покинуло энеолитическое население.

Специфической особенностью керамики из жилища №1 является преобладание в глиняном тесте раковины, преимущественно баночная форма сосудов с плоским дном, украшение части сосудов гофрированными налепами (валиками) и овальными, иногда спаренными налепами-жемчужинами под венчиком, разреженность орнаментальных зон, наличие

неорнаментированной посуды. Валиковая керамика присутствует в волосовско-гаринском комплексе Игимского поселения в Икско-Бельском междуречье, памятниках Галанкина Гора, Юринская в Марийском Поволжье; гаринских поселениях Камский Бор II, Бойцовское VII, Тюремка III, Выстелишна в Среднем Прикамье. Появление валиковой керамики исследователи считают инокультурным явлением, свидетельствующим о контактах местного населения с группами населения западносибирской кротовской культуры [Шипилов 2021].

Материалы нижнего культурного слоя и погребений жилища № 1 отражают многокомпонентность сложения энеолитических культур бассейна р. Вятки в III – нач. II тыс. до н.э.

Литература

Гусенцова Т.М., Сенникова Л.А. 1980. Многослойное поселение Лобань 1.

Памятники эпохи энеолита и бронзы в бассейне р. Вятки. Ижевск

Шипилов А.В. 2021. Энеолит Икско-Бельского междуречья (по материалам поселенческих памятников). Казань

Гусенцова Татьяна Матвеевна — АНО «Институт природного и культурного наследия», г. Санкт-Петербург, Россия — ddut@mail.ru

Шнайдер С.В., Березина Н.Я., Алишер кызы С., Васильев С.В.,
Филимонова Т.Г., Бужилова А.П.

Новые данные по палеоантропологическим находкам периода неолита запада Центральной Азии

Несмотря на многочисленность неолитических памятников на территории западной части Центральной Азии (территория современного Туркменистана, Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана) здесь обнаружены единичные палеоантропологические находки. Так, в советский период изучения палеоантропологические материалы были найдены в могильнике Тумек-Кичеджик [Виноградов и др. 1986], в захоронениях у грота Кайлю [Окладников 1966], захоронения также были обнаружены на поселениях Джейтун [Массон 1971], Туткаул и Сай-Сайод [Ранов, Коробкова 1971].

На новом этапе исследований нами проведена работа по повторному изучению части данных находок (Тумек-Кичеджик, Кайлю и Туткаул) на современном методическом уровне (с привлечением детальной фотофиксации, 3D-моделирования, радиоуглеродного метода датирования и

генетического анализа). К сожалению, часть коллекций на настоящий момент утрачена. Так, на поселении Тумек-Кичеджик было обнаружено 24 погребения периода неолита, в хранилище Института этнологии и антропологии РАН им. Н.Н.Миклухо-Маклая сохранились части черепов из 11 погребений, при этом в семи погребениях черепа сохранились не полностью. На настоящий момент проведена 3D- и фотофиксация находок, палеоантропологическое изучение, часть образцов отобрана для проведения биоархеологических анализов.

Сохранность изученного палеоантропологического материала из грота Кайлю очень плохая, что обусловлено в первую очередь агрессивностью седиментов, где залежали костяки. Большая часть костей представляет собой костную труху, которая не подлежит идентификации. Тем не менее, были идентифицированы фрагменты скелетов двух взрослых разновозрастных индивидов, заполнены бланки сохранности по идентифицированным костям и их фрагментам, отмечены участки костей, окрашенные охрой. Для получения достоверных данных для идентификации пола опробован метод хромато-масс-спектрометрического анализа пептидов зубной эмали. В России этот метод был опробован впервые, протестирован на серии зубов индивидов, пол которых был известен, оптимизирован для получения максимально достоверного результата и применен к зубам индивидов из Кайлю [Ziganshin et al. 2020]. Результаты исследования подтвердили данные, полученные методами антропологии, а именно, парное погребение разнополых индивидов [Shnaider et al. 2020].

Повторно был проведён анализ сохранившихся костяков с поселения Туткаул. В неолитическом слое 2 было обнаружено три погребения с останками 4 индивидуумов: два ребёнка (погребение 3), взрослая женщина (погребение 1) и молодая женщина (погребение 2). К сожалению, на настоящий момент часть коллекции утрачена, сохранились лишь части посткраниального скелета погребённых и единичные зубы. Для данных материалов проведено палеоантропологическое изучение, радиоуглеродное датирование и генетическое изучение.

Работа выполнена при поддержке проекта РНФ №19-78-10053 «Происхождение производящего хозяйства на территории горной части Центральной Азии»

Литература

- Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский Л.Т. 1986. Древнейшее население низовий Амударьи. Археолого-палеоантропологическое исследование. М.
- Массон В.М. 1971. Поселение Джейтун (Проблема становления производящей экономики). Л.

- Окладников А.П. 1966. Палеолит и мезолит Средней Азии // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.-Л. С. 11–75
- Ранов В.А., Коробкова Г.Ф. 1971. Туткаул – Многослойное поселение гиссарской культуры в Южном Таджикистане //СА. № 2. 1971. С. 133–147
- Shnaider S.V., Alisher kyzy S., Yanina T.A., Bujilova A.P., Berezina N.Y., Rigaud S. 2021. The Human Cultures in South-Eastern Caspian Region in Final Pleistocene – Holocene Period // Archaeological Research in Asia. 2021. 28 2021, 100318 <https://doi.org/10.1016/j.ara.2021.100318>
- Ziganshin R.H., Berezina N.Ya., Alexandrov P.L., Ryabinin V.V., Buzhilova A.P. 2020. Optimization of Method for Human Sex Determination Using Peptidome Analysis of Teeth Enamel from Teeth of Different Biological Generation, Archeological Age, and Degrees of Taphonomic Preservation // Biochemistry. 2020. 85. 5. P. 614–22. <https://doi.org/10.1134/S0006297920050107>

Шнайдер Светлана Владимировна — Международная лаборатория «Археозоология в Сибири и Центральной Азии» ZooSCAN, IRL 2013, Национальный центр научных исследований — Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск, Россия — sveta.shnayder@gmail.com

Березина Наталья Яковлевна — Научно-исследовательский институт и музей антропологии имени Д.Н. Анучина, Московский государственный университет, г. Москва, Россия — berezina.natalia@gmail.com

Алишер кызы Салтанат — Международная лаборатория «Археозоология в Сибири и Центральной Азии» ZooSCAN, IRL 2013, Национальный центр научных исследований — Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск, Россия — saltanat.alisher.kyzy@gmail.com

Васильев Сергей Владимирович — Центр физической антропологии Института этнологии и антропологии РАН, г. Москва, Россия — vasbor1@yandex.ru

Филимонова Татьяна Германовна — Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша, г. Душанбе, Таджикистан — tatjanafilimonova@mail.ru

Бужилова Александра Петровна — Научно-исследовательский институт и музей антропологии имени Д.Н. Анучина, Московский государственный университет, г. Москва, Россия — albu_pa@mail.ru

Антропологические находки на памятниках неолита Верхнего Подвинья

Антропологические находки на памятниках неолита на территории Верхнего Подвинья немногочисленны и большая их часть может быть отнесена к периоду IV–III тыс. до н.э. – времени существования культуры свайных поселений, в материалах которой отражаются различные векторы культурных влияний – со стороны запада (например, культуры шаровидных амфор, жуцевской), возможно, степных культур юга. К первой половине–середине III тыс. до н.э. относятся два грунтовых погребения на ст. Удваты I (Псковская область), а также грунтовый могильник близ дер. Туринщина (Смоленская обл.). Последний связывают с проникновением в этот регион носителей традиций культуры шаровидных амфор. Поблизости от свайного поселения Сертея II были найдены остатки трёх (в т.ч. двух женских) костяков, которые были намеренно оставлены в прибрежной зоне палеоводоёма в непосредственной близости от поселения. Они датируются началом III тыс. до н.э. Рядом были обнаружены янтарные украшения, костяные орудия, которые могли принадлежать умершим. Возможно, данный ритуально-погребальный обряд предполагал намеренное оставление тел умерших в водно-болотных условиях – ритуал, распространённый на территории Северной Европы. Отдельные единичные кости были обнаружены в культурном слое п. Наумово (череп, длинные кости), Усвяты IV, Сертея VIII (нижняя челюсть), несколько зубов (в т.ч. молочные зубы) в различных слоях п. Сертея II-2, кальцинированные кости – на п. Сертея XXII, фаланги – на п. Дубокрай V. Первые результаты исследований изотопных маркеров C/N, одонтологических данных позволяют реконструировать палеодиету древнего населения.

Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 22-18-00086 («Между востоком и западом: охотники-собиратели озерного края на Западе России в VII–III тыс. до н.э. (экономические стратегии, культурные традиции, межрегиональные взаимосвязи и палеоэкологические условия)»)

Мазуркевич Андрей Николаевич — Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург, Россия — a-mazurkevich@mail.ru

Долбунова Екатерина Владимировна — Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург, Россия — katjer@mail.ru

Зубова Алиса Владимировна — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН, г. Санкт-Петербург, Россия — zubova_al@mail.ru

Интерпретация погребального обряда неолитического населения Верхней Сухоны

Исследования могильников в 1990–2000-е годы в бассейне реки Сухоны позволили сделать ряд важных открытий, существенно дополняющих наши знания по погребальным традициям, бытовавшим здесь в каменном веке [Недомолкина 2017: 159]. Наряду с погребениями, совершенными по обряду трупоположения, фиксируются положения целого и парциальные захоронения, когда в могилу помещены части тела умершего; выявлено нарушение костяков, вероятно, вследствие расчленения тела. Обращаясь к наличию сходных элементов погребального обряда в территориально и хронологически близком диапазоне, находим, что подобные черты характерны для мезолитических — неолитических могильников Восточного Прионежья, Кубенского озера.

Практика расчленения трупов и захоронения лишь части останков зафиксирована на близлежащих территориях с периода мезолита — в могильнике Песчаница на озере Лача [Ошибкина 1994: 53–55]. Сочетание двух вариантов обращения с телом (положения целого и расчлененного) отмечено в могильнике периода мезолита — раннего неолита на многослойном памятнике Минино I, Минино II в бассейне Кубенского озера [Суворов 2004: 42–48].

Периодом развитого неолита датируются погребения в яме диаметром около 0,6 м на поселении Вёкса 3. В заполнении ямы представлены скелетные останки двух индивидуумов — неопределенного по полу возрастом около 20 лет и мужчины около 40–45 лет. Положение костяков свидетельствует о подхоронении в яму костей, лишенных мягких тканей (индивид 1), к расчлененному до/при погребении трупу (индивид 2). Погребения сопровождаются намеренно фрагментированными сосудами. Захоронение связано со слоем 7, содержащим материалы периода развитого неолита (конец V–IV тыс. до н.э.) с ямочно-гребенчатой керамикой «северных типов». Необычная конструкция могильной ямы и положение костяков затрудняют поиски аналогий.

Могильник поселения Вёкса 1 может быть отнесён к периоду неолита — энеолита, соотноситься с неолитическими комплексами памятника, энеолитическим комплексом поселения типа Модлона II и датироваться широкими рамками каменного века IV — началом III тыс. до н.э.

Могильник сориентирован по линии север-юг. На площади раскопов выявлено четырнадцать могильных ям с охристой засыпкой. Могильные ямы направлены по линии запад-восток с отклонениями на 20–40°. Всего

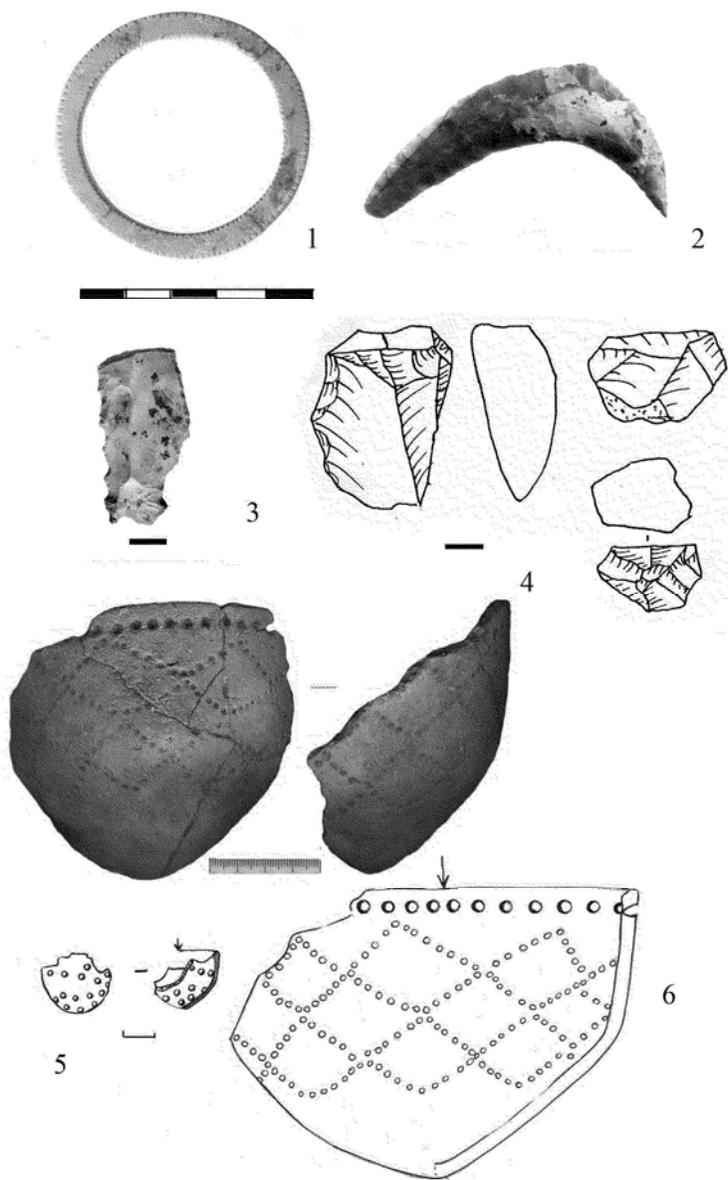

Рис. 1. Находки из погребений. 1–4 – могильник поселение Вёкса 1, 5–6 – погребение в яме поселение Вёкса 3

по останкам черепов захоронено 28–30 индивидуумов. Большинство погребений совершено по обряду труположения. Ориентация и положение костяков в могильнике неустойчивы. Преобладающее направление — восток–юго-восток. В могильных ямах № 1, 2 захоронены одни черепа. Лицевой частью они ориентированы на юго-запад. Костяков, которые бы могли им принадлежать, не найдено. Слой насыщен огромным количеством кальцинированной кости. Возможно, использовался ритуал частичной кремации покойного. В четырех погребениях помимо основного костяка находились дополнительные черепа. Черепам отводится особая роль. Есть парное погребение. Вещи найдены в погребениях, которые датируются энеолитом. Часть вещей намеренно повреждена (рис. 1).

При наличии различных способов погребений на территории Сухоны, Кубенского озера на протяжении значительного временного периода устойчиво сохраняется обряд членения костяка и сочетание целого и парциальные захоронения. Очевидно, со временем эти обряды дополнены использованием охры как визуального усилителя и заместителя крови. Существование способов погребений можно объяснить культурным и временным отличием.

Для интерпретации обрядов, связанных с членением тел, необходимо привлечение широких сравнительных данных, так как считалось, что подобные обряды не характерны для севера Европейской части России. По мнению исследователей, членение тела представляет собой акт ритуального принесения в жертву человека. Зачатки человеческих жертвоприношений складываются в первобытных обществах с представлениями о священности крови как воплощения жизненной силы человека [Тайлор 1989: 469]. Человеческие жертвоприношения более всего связаны с какими-то кризисными ситуациями, в т.ч. с военным временем [Зубов 1997: 262].

Могильник поселения Вёкса 1 предполагает использование в ритуалах огня, наличие каннибализма(?) Из 30 индивидуумов практически половина представлена только черепами, кости не содержат коллагена. Слой насыщен большим количеством кальцинированной кости. Ритуальный каннибализм основывается на первобытных представлениях о некоей жизненной силе, передающейся с человеческой плотью [Леви-Брюль 1930: 22; Каневский 1998: 20, 193; Фрэнгер 2001: 164].

Недостаточно данных о социальном статусе погребённых.

Литература

- Зубов А.Б. 1997. История религий: Доисторические и внеисторические религии: курс лекций. М.
Каневский Л.К. 1998. Каннибализм. М.

- Леви-Брюль Л. 1930. Первобытное мышление. М.
- Недомолкина Н.Г. Погребения неолита–энеолита с нарушенной анатомической целостностью костяка на поселениях Вёкса-1, Вёкса-3 в бассейне Верхней Сухоны // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле–Белокурихе: сборник научных статей: в 3 т. Т. I. С. 159
- Ошибкина С.В. 1994. Мезолитические погребения Восточного Прионежья // Археологические Вести. № 3. СПб. 1994. С.53–55
- Суворов А.В. 2004. Неординарные погребальные комплексы каменного века у д. Минино на Кубенском озере // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии: Сборник статей. М. Вып. 3. С. 42–48
- Тайлор Э.Б. 1989. Первобытная культура. М.
- Фрэзер Дж.Дж. 2001. Золотая ветвь: Исследование магии и религии: в 2 т. Т. 1. М.

Недомолкина Надежда Геннадьевна — Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, г. Вологда, Россия — nedomolkiny_ljv@mail.ru

Иванищева М.В., Иванищева Е.А.

Хронология погребальных комплексов на Тудозере в Южном Прионежье

Комплекс археологических памятников на песчаной косе, вытянутой в широтном направлении между озерами Онежское и Тудозеро, включает многослойное поселение и могильник каменного века Тудозеро V (мезолит–Средневековье), энеолитический могильник Тудозеро VI, поселение Тудозеро VII (неолит–Средневековье), исследованные А.М.Иванищевым в 1986–2006 гг.

Соотнесение планиграфии выявленных объектов с опорой на данные естественнонаучных анализов позволяет реконструировать несколько этапов ритуального освоения дюны в различные археологические эпохи позднего каменного века, с общей традицией ингумации погребённых в ямах, размерами соответствующих параметрам человеческого тела. Различия проявляются в деталях обрядовой практики: ориентировке, степени использования охры, наличии/отсутствии покровного материала или внутренней конструкции и внешнего опознавательного сооружения.

1. Могильник каменного века на Тудозеро V, состоящий из 26 могильных ям, расположенных на возвышающихся на 2,5–3,5 м дюнах с

севера и юга от естественной западины с хозяйственными объектами долговременного ранненеолитического поселения, отнесён исследователем к позднему мезолиту – раннему неолиту [Иванищев и др. 2006]. Наиболее ранние погребения могли быть совершены на рубеже VII–VI тыс. до н.э. Геохимический анализ отложений фиксирует антропогенную активность в прослое стерильного песка между культурными слоями эпохи мезолита (8280±35 ВР (JE–6701)) и первой фазы раннего неолита. Возможно, именно с этим событием связана дата 7240 ±60 ВР (TA–2354) с основания слоя раннего неолита.

2. Ранненеолитическая часть могильника. Основная часть погребений на площадке, единичные – в основании северного холма. Время функционирования – 6600–6075 ВР (середина–конец VI тыс. до н.э.) – наиболее активного освоения жилой западины ранненеолитическим населением. Верхняя дата совпадает с очередным похолоданием и возрастанием дюнной активности. Большинство ям идут из стерильного прослоя под развеянным слоем поздней фазы раннего неолита. Определённая рядность погребений и близость погребальной традиции указывают на существование специально отведённого места для траурных процедур. Наличие ритуального кострища с сосудом (соотносится с типом ранней гребенчатой керамики) подтверждает хронологию могильника.

3. Энеолитический могильник Тудозеро VI, устроенный над древней западиной после выполаживания рельефа золотыми песками, содержал 10 погребений, каждое из которых сопровождалось определенным набором янтарных украшений, ритуальное кострище с кремнёвым наконечником копья [Иванищев 1996; Иванищева 2022]. В кострище и погребении обнаружены фрагменты двух сосудов с близкими позднеолосовскому гончарству чертами. По набору янтарных украшений время совершения погребений поэтапное – середина и конец IV тыс. до н.э. [Жульников 2022]. Поселенческий комплекс, синхронный могильнику, на косе не выявлен, возможно, он находился на «материке», отделённом в настоящее время от дюны тудозерским заливом.

4. Погребение на Тудозере VII [Иванищев 2002] и три погребения на северной дюне Тудозеро V (не опубликованы) совершены вблизи жилых построек с пористой фатьяноидной и поздней асбестовой керамикой типа Палайгуба [Иванищев 2006; Иванищева, Иванищев 2011]. Связь с обитателями синхронных построек устанавливается по находкам в погребениях сланцевых подвесок (Тудозеро VII) и заготовок подвесок с неоконченным сверлением (Тудозеро V, погребение 2). В постройке на Тудозере VII обнаружены: скопление из 25 заготовок сланцевых подвесок, в том числе одна с неоконченным сверлением; обломок подвески в кострище совместно с кусочком асбеста; три подвески в заполнении жилища, одна из которых

имела окрас/пропитку охрой. Непродолжительное время функционирования жилищ на рубеже III–II тыс. до н.э. соответствует времени совершения погребений. В погребениях 1 и 3 на Тудозере V обнаружены фрагмент пористого сосуда и орудие из горного хрусталя соответственно.

Соотнесение выявленных погребений и поселенческих комплексов на Тудозере позволяет предполагать различия в пространственных предпочтениях размещения погребальных объектов в разные археологические эпохи, что могло определяться природными условиями, влиявшими на продолжительность обитания насельников на дюне, разнообразием обрядовых практик аборигенного и пришлого населения.

Литература

- Жульников А.М. 2022. Прибалтийские янтарные украшения с энеолитических памятников Карелии // Престижная экономика первобытных людей. Петрозаводск. С. 11–25
- Иванищев А.М. 1996. Могильник на Тудозере // Известия Вологодского общества изучения Северного края. Вып. V. Вологда. С. 3–28
- Иванищев А.М. Погребения каменного века на Тудозере (по материалам раскопок 1995, 1998 и 2000 гг.) // ТАС. Вып. 5. Тверь, 2002. С. 171–175
- Иванищев А.М. 2006. Жилище эпохи энеолита на поселении Тудозере V в Южном Прионежье // Археология: история и перспективы. Вторая межрегиональная конференция. Ярославль. С. 75–84
- Иванищев А.М., Иванищева М.В., Болонин Я.Е. 2006. Реконструкция погребального обряда каменного века на Тудозере (по материалам раскопок 1995–2005 гг.) // Первобытная и средневековая история и культура Европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции. Соловки. С. 342–352
- Иванищева М.В. 2022. Поселение Тудозере V и могильник Тудозере VI в Южном Прионежье // Престижная экономика первобытных людей. Петрозаводск. С. 57–70
- Иванищева М.В., Иванищев А.М. 2011. Жилище с пористой и асбестовой керамикой на поселении Тудозере VII в Южном Прионежье // ТАС. Вып.8. Тверь. С. 258–262

Иванищева Марина Викторовна — Восточно-Прионежская археологическая экспедиция, г. Вологда, Россия — marin-ivanishhev@yandex.ru

Иванищева Елизавета Александровна — Вологодский государственный университет, г. Вологда, Россия — lizaivanischeva@rambler.ru

Вторичные погребения как отражение обрядово-ритуальной деятельности в могильниках мариупольского типа

Практика вторичных погребений как элемент погребального обряда широко распространена среди многих культур нео-энеолитического времени. Подобные её вариации, обладавшие своей спецификой и особым смыслом, также представлены во многих крупных могильниках мариупольского типа, расположенных на территории Днепро-Донского междуречья, Поволжья и Молдавии. Прежде всего, они выражаются в виде манипуляций над костяками уже погребённых индивидов в рамках обрядово-ритуальной деятельности, а также с целью их перезахоронения или же при нарушении более ранних погребений более поздними.

Наиболее распространённой ритуальной практикой выступают манипуляции с черепами погребённых индивидов. Так, в Лысогорском могильнике в яме V обнаружено два яруса, предположительно, женских черепов с 2–5 шейными позвонками, многие из которых были обожжены и сопровождались обильным погребальным инвентарём – украшениями, в т.ч. бусами из мягких пород камня и раковин *cardium*, кремнёвыми орудиями и зубами вырезуба [Бодянский 1961]. В Никольском могильнике в яме «А» был обнаружен череп взрослого индивида с сопроводительным инвентарём, располагавшийся на месте погребального кострища, в стороне от которого также располагалось большое число керамических фрагментов, а также скопление трубчатых костей и 14 черепов взрослых индивидов [Телегин 1991: 51–52].

М.Д.Хлобыстина трактует оба парциальных захоронения как проявление ритуала «черепа и головы», известного своими многочисленными женскими и детскими «сериями» захоронений, связанными с репродуцирующими культами плодородия и возрождения жизни [Хлобыстина 1999]. Вероятно, при подобных ритуалах также мог иметь место и культ предков, в рамках которого происходила бы связь между поколениями одного рода или племени, а кости погребённых подвергались ритуальным манипуляциям, в том числе, с целью трансформации личности и статуса умерших в рамках социальной памяти всех членов общины [Budja 2010].

Из схожих погребений, которые также могли бы иметь сакральное значение, в том числе в рамках ритуала «черепа и головы», следует отметить безынвентарные компактные скопления преимущественно детских и подростковых черепов в родовом коллективном захоронении (объект 39) молдавского могильника Сакаровка I [Ларина, Дергачев 2003:

95], а также скопления и одиночные погребения черепов взрослых индивидов в могильниках Ясиноватое 2 и Васильевка 5 [Телегин 1991].

Следует также отметить, что оставшиеся кости индивидов, не нашедшие применения в каких-либо практиках, подвергались перезахоронению. Так, крупные скопления и единичные находки подобных «лишних» костей и черепов зафиксированы вокруг практически всех групповых могил (от ямы «Б» до ямы «И») Никольского могильника [Телегин 1991: 52–54]. Помимо самих костей там были также обнаружены различные украшения, кремнёвые изделия и черепки керамики, видимо выступавшие чьим-то погребальным инвентарём. Кроме того, перезахоронением являются погребение 79 из Екатериновского мыса, содержащее компактно расположенные кости двух мужчин и женщины, сопровождавшиеся каменным дискообразным скипетром [Korolev et al. 2019: 391], а также скопление из костей и 7 черепов в погребении № 90–96 Мариупольского могильника [Макаренко 1933: 103].

В свою очередь ситуация, при которой костяки из ранних погребений нарушались более поздними, наблюдается в Деревском, Ясиноватском, Осиповском, Капуловском, Вильнянском, Васильевском 2-м и 5-м могильниках и Госпитальном холме на берегу р. Орель [Телегин 1991], Мариупольском могильнике [Макаренко 1933], Екатериновском мысу [Korolev et al. 2019: 390] и Съезжинском могильнике на р. Самаре [Васильев, Матвеева 1979]. Причина подобного явления, вероятно, заключается в достаточно продолжительном функционировании крупных могильников, часто имевших несколько погребальных ярусов, в результате чего местоположение прошлых погребений часто не учитывалось при новых захоронениях и потому их нарушение и перемещение носило больше случайный, чем преднамеренный характер.

Литература

- Бодянский А.В. 1961. Лысогорский неолитический могильник // Краткие сообщения Института археологии УССР. № 11. 1961. С. 32–37
- Васильев И.Б., Матвеева Г.И. 1979. Могильник у с. Съезжее на р. Самаре // СА. № 4. 1979. С. 147–166
- Ларина О.В., Дергачев В.А. Могильник мариупольского типа в Молдавии // РА. № 2. 2003. С. 92–103
- Макаренко М. 1933. Мариупольський могильник. К.
- Телегин Д.Я. 1991. Неолитические могильники мариупольского типа. К.
- Хлобыстина М.Д. 1999. Ритуал «Череп и головы» в культурах северной Евразии эпохи раннего голоцена // *Stratum plus*. Археология и культурная антропология. № 1. 1999. С. 326–333

- Budja M. 2010. The archaeology of death: from 'social personae' to 'relational personhood' // *Documenta Praehistorica*. Vol. XXXVII. 2010. P. 43–54
- Korolev A., Kochkina A., Stashenkov D. 2019. The Early Eneolithic burial ground at Ekaterinovsky Cape in the forest-steppe Volga region // *Documenta Praehistorica*. Vol. XLVI. 2019. P. 388–397

Манько Никита Владимирович — Донецкий национальный университет, г. Донецк, ДНР, Россия — nikita_manko98@mail.ru

Савченко С.Н., Тербергер Т.

Случайные находки человеческих черепов на Шигирском торфянике

В ходе золотодобычи на Шигирском торфянике в конце 19 – начале 20 в. была собрана не только коллекция случайных находок древних артефактов, но также получены антропологические и фаунистические материалы. В том числе обнаружены человеческие черепа. По сведениям, опубликованным в работе В.Я.Толмачёва, в разрезе 1887 г. 2-го Курьинского прииска на глубине 3,5 м, в нижней части лежащего под торфом студневидного ила с остатками растений (трясуга – оливковый сапропель), на 0,17 м выше золотосодержащего слоя был обнаружен череп человека (с нижней челюстью) вместе с половиной деревянного весла и обломком глиняного сосуда [Толмачёв 1914: 178]. На Шигирском (Новом) прииске, который располагался на площади современного Шигирского озера и отчасти на его берегах, в разрезе 1907 г., у восточного берега озера, под чёрным торфом, на глубине 1,8 м, найдено три человеческих черепа с нижними челюстями и костяной кинжал. Один из черепов лежал вместе с кинжалом, другие в 1,5 м от него [Толмачёв 1914: 208].

Все эти находки поступили в Музей Уральского общества любителей естествознания (ныне Свердловский областной краеведческий музей имени О.Е.Клера). К сожалению, в настоящее время в музее сохранился только человеческий череп со 2-го Курьинского прииска, у которого частично утрачена лицевая часть. От черепов, обнаруженных на Шигирском (Новом) прииске, сохранились только нижние челюсти. Один из этих черепов был передан в советское время в Москву в лабораторию М.М.Герасимова. По черепу, который определён как женский, выполнена скульптурная реконструкция, но сам череп в музей возвращён не был и сейчас считается потерянным. Ещё один череп утрачен в начале 2000-х годов при переезде музея в другое здание.

В 2014 г. по зубу из нижней челюсти одного из черепов с Шигирского (Нового) прииска в лаборатории Орхусского университета AMS-методом получена радиоуглеродная дата 5201 ± 30 BP (4009 ± 27 cal BC (AAR-24227)), соответствующая позднему неолиту.

Находки черепов с Шигирского торфяника нельзя рассматривать просто как погребения голов. Условия их обнаружения свидетельствуют, что, в данном случае, отделённые головы людей были помещены в воду (захоронение в воде?) и затонули. В пользу того, что это не были скелетированные черепа, а именно головы с мягкими тканями, говорит наличие у черепов нижних челюстей.

За прошедшие годы накоплены материалы по погребальным комплексам неолита–энеолита горно-лесного Зауралья. Захоронения человеческих голов здесь пока не найдены, если не считать сообщения Д.Н.Мамина-Сибиряка о возможном таком погребении, обнаруженном при хищнических раскопках в районе 2-го Карасьего озера [Мамин 1894]. Подобные погребения известны в могильниках на соседних территориях [Морозов 1984: 45; Хвостов 2001: 134]. При этом в горно-лесном Зауралье исследованы отдельно размещённые на поселении или в пещерах погребения без черепов на Аятском Правобережном поселении [Берс 1956], под навесом Старичный Гребень [Бибиков 1950], возможно, женское погребение (погребение № 1) в гроте на Камне Дождевом и погребение взрослого человека в Усть-Катавской пещере [Чаиркина 2011: 101].

У нас нет данных, которые позволили бы соотнести каким-то образом захоронения без черепов и отдельные погребения голов. Возможно эти явления никак не связаны, но и тот и другой вид захоронений являются неординарными. Исследователи традиционно объясняют подобные захоронения особым, в том числе возможно жертвенным, статусом погребённых лиц.

Литература

- Берс Е.М. 1976. Поздненеолитическое погребение на р. Аять в Среднем Зауралье // СА. № 4. 1976. С. 190–200
- Бибиков С.Н. 1950. Неолитические и энеолитические остатки культуры в пещерах Южного Урала // СА. № XIII. 1950. С. 95–138
- Мамин Д.Н. 1894. Отчёт по археологическим раскопкам за 1889 год. Приложение 3-е к Протоколу № 359 // Древности. Труды Императорского Московского археологического общества. Т. XV. Вып. 2. М. С. 42–48
- Морозов Ю.А. 1984. Кара-Якуповская энеолитическая стоянка // Эпоха меди юга Восточной Европы. Куйбышев. С. 43–58

- Толмачёв В.Я. 1914. Древности Восточного Урала // Записки Уральского общества любителей естествознания. Т. XXXIV. Вып. 9-10. Екатеринбург. С. 161–216
- Хвостов В.А. 2001. Захоронения эпохи неолита могильника Боровянка-ХVII в Среднем Прииртышье // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень. С. 134–139
- Чаиркина Н.М. 2011. Погребальные комплексы эпохи неолита и раннего железного века Зауралья (по материалам погребально-культовой площадки Скворцовская гора V). Екатеринбург.

Савченко Светлана Николаевна — Свердловский областной краеведческий музей им. О.Е. Клера, г. Екатеринбург, Россия — sv-sav@yandex.ru

Тербергер Томас — Государственное агентство по охране культурного наследия Нижней Саксонии, г. Ганновер, Германия — thomas.terberger@phil.uni-goettingen.de

Канделаки Д.А.

Об одной гипотезе происхождения обряда вторичного захоронения на территории Абхазии

Обряд вторичного захоронения имел широкое распространение на территории Абхазии. Хронологически он охватывает период с IV по I тыс. до н.э. и известен в различном ситуационном контексте, включая «оссуарные» захоронения, захоронения в дольменах, грунтовые захоронения, захоронения в пещерах, навесах, скальных нишах. Об этом обряде свидетельствуют данные этнографии и письменных источников, в которых вторичное захоронение фиксируется как «Воздушное захоронение», что рассматривается специалистами как один и тот же обряд, который известен вплоть до второй половины XIX века.

Для определения его генезиса следует обратить внимание на то, что подобный обряд был характерен не только для территории Абхазии, но и присущ обществам периода расцвета древних цивилизаций Востока. Тем самым обряд вторичного захоронения причинно связан с традициями эпохи расцвета древнеземледельческих цивилизаций, развитой земледельческой экономики и становлением крупных осёдлых поселений эпохи неолита.

Автор в предварительном порядке выдвигает следующую гипотезу. На начальном этапе зарождения земледелия в период мезолита шло первое знакомство людей со злаковыми, которое происходило в рамках хозяйственной практики сезонного собирательства урожая. Очевидно, что с

середины мезолита сходные процессы происходили как в Плодородном полумесяце, так и на территории Абхазии. В период зарождения земледельческого уклада мезолитические общины Абхазии, как и их ближневосточные соседи, уходили на длительные сезонные сборы злаков и, очевидно, такого злака как просо. В случае смерти человека во время таких сезонных сборов, скорейшая транспортировка тела была затруднительна. В качестве альтернативы и целесообразности тело оставляли для полной декарнации, а кости во время возвращения с очередного сезонного сбора злака было бы проще перенести в родное поселение. Вероятнее всего, в процессе осмысления этого способа сохранения тела, использовались различные варианты его «прятанья» в глубоких нишах пещер, труднодоступных трещинах скал, либо используя помосты или отдельно стоящие высокие деревья для подвешивания тела. В дальнейшем, с возникновением крупных поселений, данная практика закрепились уже в качестве обрядовой традиции, когда людей захоранивали с использованием двухстадийной погребальной практики.

К сожалению, пока сложно проверить достоверность высказанной автором гипотезы на фактическом материале. Однако в этой связи симптоматичны материалы из Холодного грота и ряда других пещер, которые с осторожностью можно связать с самым ранним свидетельством первой попытки использования этой традиции. Находки обугленных зёрен (очевидно, эндемичного вида проса), датированных финальномезолитическим периодом, вероятно, связанного с сезонным собирательством, как-будто наводит на такую мысль и не противоречат высказанной догадке.

Обряд вторичного захоронения уникален, так как функционируя на определённом отрезке истории, являясь отголоском древней погребальной практики, восходящей к периоду мезолита–неолита, так и не стал доминирующим. Однако глубокие корни этого обряда, сохранившиеся в духовной культуре, фольклоре и языке абхазов еще раз подтверждают, что территория Абхазии, скорее всего, шла по пути становления неолитических форм хозяйствования, и наличие обряда вторичного захоронения является его закономерным диагностирующим признаком.

Канделаки Давид Автандилович — Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И.Гулиа АН Абхазии; Пицундский археологический музей, г. Сухум, Абхазия — david_kandelaki@mail.ru

ПРЕДМЕТНЫЙ МИР ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ

Алишер кызы С., Риго С., Янина Т.А., Шнайдер С.В.

Персональные украшения в мезолитических комплексах Восточного Прикаспия

При изучении адаптационного поведения древних сообществ юго-восточного Прикаспия в период финального плейстоцена и раннего голоцена важную роль играют археологические артефакты из раковин моллюсков. Анализ данного источника проливает новый свет на многие неизвестные аспекты мезолитического образа жизни в этом регионе и расширяет наши знания о технико-экономических стратегиях с использованием материалов, отличных от каменных артефактов [Manca et al. 2018; Golovanova et al. 2010]. В контексте пересмотра материалов Восточного Прикаспия актуализируется изучение малакофауны из мезолитических и неолитических комплексов данного региона. Представительная коллекция раковин моллюсков обнаружена в ходе полевых работ в 1950-х гг. под руководством А.П.Окладникова на памятниках Кайлю и Дам-Дам-Чешме-2 [Окладников 1966].

В мезолитических комплексах (слой 5) индустрии Дам-Дам-Чешме-2 раковины моллюсков, как с антропогенной модификацией так и без, широко представлены в нижних слоях. В верхней части слоя 5 представлена самая многочисленная коллекция раковин моллюсков: 32 экз. *Theodoxus pallasi* представлены двумя разными видами, с окраской (4 экз.) и без (11 экз.), семь из которых со следами модификаций в виде одностороннего и двухстороннего сверления. На одном экземпляре отмечаются следы шлифовки утончения верхней части. Также следы искусственной обработки отмечаются на 6 экз. раннеплейстоценовых кардиид, двух экземплярах *Didacna praetrigonoides* и единичных экземплярах *Cerastoderma glaucum* и *Dreissena rostriformis pontocaspia*. Без следов модификации представлены *Didacna* sp. и *Didacna* ex gr. *catillus*.

В нижней части слоя 5 найдено всего 13 экз. раковин. Со следами искусственной модификации (сколы утончения, одностороннее сверление) имеется по два экземпляра *Theodoxus pallasi* (без окраски) и *Didacna* cf. *Subcatillus*, и единичный экземпляр *D. praetrigonoides*. Без модификаций представлены такие виды как *Dentalium*, *Didacna* cf. *pyramidata*, *Micromelania* и *Didacna* sp. Также на обломках разных видов отмечаются следы использования в виде истирания, выскабливания на этапах обработки и придания формы для преобразования украшений.

В составе малакофауны грота Кайлю в мезолитическом слое 7 имеется только единичный экземпляр *Theodoxus pallasi*. Также в коллекции грота Кайлю обнаружены раковины моллюсков без стратиграфической привязки, среди которых преобладают *Didacna* sp. (21 экз.).

Аналогичные представители малакофауны использовались в качестве украшения и в других прикаспийских регионах. Так, в Южном Прикаспии, в мезолитических комплексах Али-Тепе, задокументированы бусины из моллюсков *Theodoxus pallasi* и *Didacna* sp. с односторонним и двухсторонним сверлением [Manca et al. 2018]. Отмеченные данные подтверждают ранее высказанную нами гипотезу [Алишер кызы и др. 2020] о культурном единстве Южного и Восточного Прикаспия в период мезолита.

Работа выполнена при поддержке проекта РФФИ №19-78-10053 «Происхождение производящего хозяйства на территории горной части Центральной Азии»

Литература

- Алишер кызы С., Шнайдер С.В., Колобова К.А., Кривошапкин А.И. 2020. Новые данные по мезолиту Восточного Прикаспия: каменная индустрия грота Дам-Дам-Чешме-2 (по материалам раскопок А. П. Окладникова) // *Stratum Plus*. 2020. № 1. С. 257–278
- Окладников А.П. Палеолит и Мезолит Средней Азии // *Средняя Азия в Эпоху Камня и Бронзы*. Москва–Ленинград, 1966. С. 11–75
- Golovanova L.V., Doronichev V.B., Cleghorn N.E. 2010. The emergence of boneworking and ornamental art in the Caucasian Upper Paleolithic // *Antiquity*. No. 84. P. 299–320. <https://doi.org/10.1017/s0003598x0006659x>
- Manca L., Mashkour M., Shidrang S., Averbouh A., Biglari F. 2018. Bone, shell tools and ornaments from the Epipalaeolithic site of Ali Tappeh, East of Alborz Range, Iran // *Journal of Archaeological Science Report*. No. 21. P. 137–157. <https://doi.org/10.1016/j.jasrep.2018.06.023>
- Алишер кызы Салтанат* — Международная лаборатория «Археозоология в Сибири и Центральной Азии» ZooSCAN, IRL 2013, Национальный центр научных исследований – Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия — saltanat.alisher.kyzy@gmail.com
- Риго Соланж* — Лаборатория, UMR 5199 – PACEA, Университет Бордо, Национальный центр научных исследований Франции, Бордо, Франция — solange.rigaud@cnr.fr
- Янина Тамара Алексеевна* — Лаборатория новейших отложений и палеогеографии плейстоцена, Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия — didacna@mail.ru

Шнайдер Светлана Владимировна — Международная лаборатория «Археозоология в Сибири и Центральной Азии» ZooSCAN, IRL 2013, Национальный центр научных исследований – Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия — sveta.shnyder@gmail.com

Яковлева Е.С.

Каменные поделки стоянки Кедровый мыс-1

Стоянка Кедровый мыс исследовалась в 2014 г. площадью 298 кв.м; материалы неоднократно публиковались [Мосин и др. 2017]. В комплексе обнаружено значительное число поделок, часть которых – керамические изделия – была тезисно освещена, в то время как предметы из мягкого камня остались без должного внимания.

Весь комплекс предметов из поделок, заготовок и отходов производства представлен 27 экз. Готовые изделия включают в себя два орнамента и два миниатюрных утюжка, подвеску, грузило и обоюдоострый предмет веретеновидной формы, а также две мелкие гальки со следами подработки, предположительно, скульптурки. К заготовкам отнесены фрагменты талькохлоритовой породы с явными следами шлифовки для придания формы, некоторые с надпилами, числом 8 экз. Еще 6 экз. имеют следы подработки, но без приданной формы, по-видимому, брак в результате подготовки. Наконец, к отходам производства отнесены три фрагмента талькохлорита с надпилами – «обрезки».

Утюжки тальковые, неорнаментированные; первый (рис. 1: 4) целый, прямоугольной в плане и в сечении формы, с поперечным желобком, второй (рис. 1: 3) обломан по желобку, сохранившаяся часть подтреугольной формы в плане и в сечении, возможно, целый предмет был асимметричен, с обломанной частью значительно меньшего размера.

Орнаменты изготовлены на плитках зеленоватого талькохлорита, имеют уплощенную подовальную и подпрямоугольную форму, первый (рис. 1: 2) имеет одну рабочую грань, второй (рис. 1: 1) – две.

Каменное грузило (рис. 1: 5) из кварцитового сланца красного цвета, чуть уплощённой овальной в плане формы, с выступами на концах. Обычно каменные грузила горно-лесного Зауралья представляют собой плитки с минимальной обработкой – с оформленными выемками, и подобная форма изделия скорее находит аналоги в керамических грузилах лесостепного энеолита.

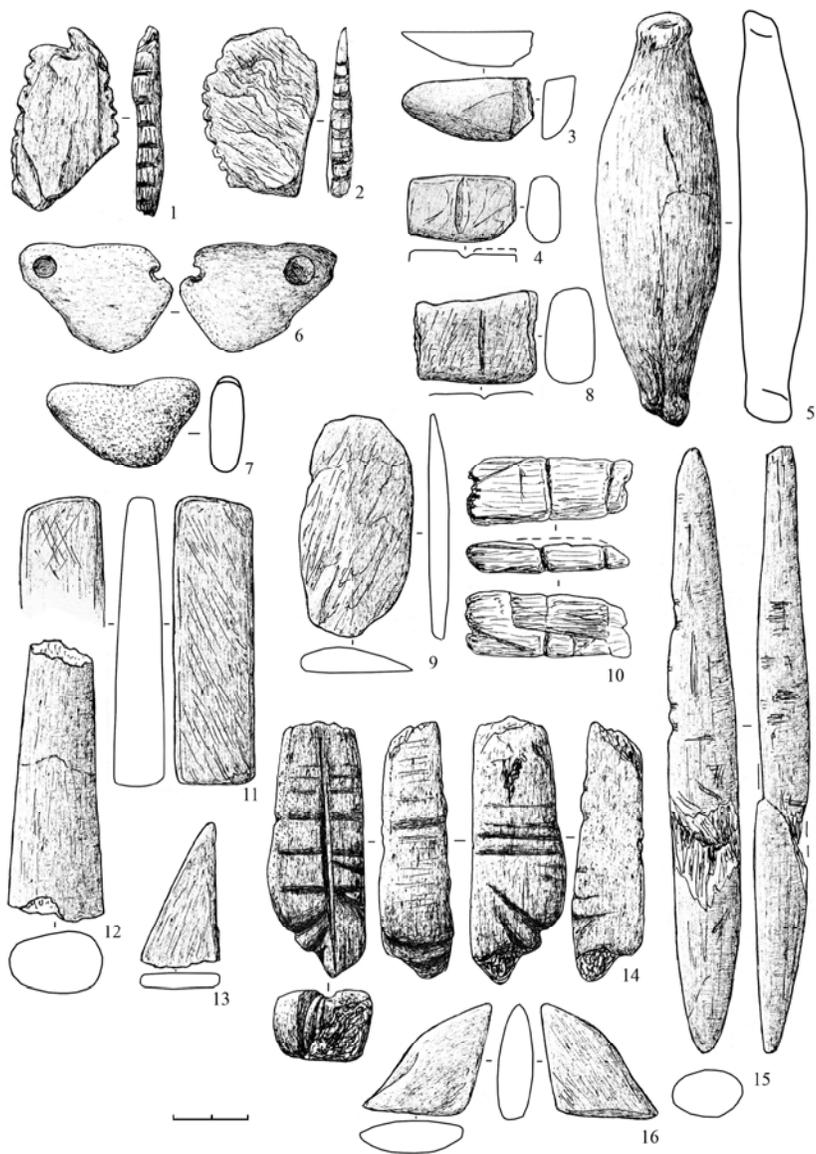

Рис. 1. Каменные поделки и отходы производства ст. Кедровый мыс 1. 1, 2 – орнаменты; 3, 4 – утюжки; 5 – грузило; 6 – подвеска; 7 – галечная скульптурка; 8–14, 16 – заготовки; 15 – веретенообразное изделие

Веретенообразное изделие – узкой чуть уплощённой биконической формы, вытянутых пропорций (рис. 1: 15). Функциональная принадлежность не установлена.

Подвеска (рис. 1: 6) уплощённой подтреугольной формы, со скруглёнными краями, одно отверстие сквозное, второе не досверлено. Зеленовато-коричневого цвета, предположительно, из серпентинита.

Две плоские галечки красной вулканогенной породы отнесены к группе поделок из-за чёткой пришлифовки краёв для придания нужной формы; меньшая из них имеет каплевидную форму, возможно, является заготовкой для подвески, но отверстие не намечено. Вторая (рис. 1: 7) крупнее, форма напоминает птичку в профиль, зафиксирована в развале энеолитического сосуда в непосредственной близости от очага. Не настаивая на интерпретации второго предмета как орнитоморфной скульптурки, стоит отметить явно неслучайный характер его залегания, как и материал упомянутых артефактов, резко отличный от пород, использованных при изготовлении других поделок.

Ещё два предмета интерпретированы как заготовки орнамента (рис. 1: 9) и утюжка (рис. 1: 10). Остальные предметы имеют форму небольших брусков с пришлифованными гранями, некоторые с надпилами; часть из них, возможно, представляет собой группу отходов производства со следами обработки. Наконец, три предмета представляют собой «обрезки» со следами бессистемных надпилов; куски тальковой породы отличаются более рыхлой коричневатой поверхностью, почти не подвергшейся обработке, в отличие от прочих фрагментов характерного светло-серого цвета.

По контексту залегания и аналогиям наиболее вероятно датирование предметов энеолитическим периодом, исключая отходы, которые могут быть частично отнесены к раннему железному веку.

Литература

Мосин В.С., Страхов А.Н., Яковлева Е.С., Никитин А.Ю. 2017. Неолитический и энеолитический комплексы стоянки Кедровый мыс-1 в Южном Зауралья // Вестник ЮУрГУ. Серия: социально-гуманитарные науки. Т. 17. № 4. 2017. С. 46–56

Яковлева Екатерина Сергеевна — ООО «ЦИКИ «Астра», научный сотрудник, г. Челябинск, Россия — lugsamildanah@yandex.ru

Янтарь из захоронений волосовской культуры сахтышских могильников: гендерно-хронологический аспект

Янтарные украшения обнаружены в погребениях волосовской культуры могильников Сахтыш II, Па и VIII (Ивановская обл.) в количестве свыше 700 экз. Более всего их найдено на Сахтыше Па: 383 экз. в 13 захоронениях. На Сахтыше VIII 273 украшения были обнаружены в 10 захоронениях. Менее всего янтаря было на Сахтыше II: 40 экз. в двух коллективных могилах. Кроме того, украшения из янтаря обнаружены в ритуальныхкладах: на Сахтыше Па – 8 экз., на Сахтыше VIII – 26 и на Сахтыше II – 4.

В отличие от многих могильников с янтарём на Сахтыше сохранились и костные останки погребённых. Антропологические определения, выполненные по материалам Сахтыша Па, позволили установить, что янтарь присутствовал лишь в мужских захоронениях (и одном детском). Появление янтарных украшений в могилах и кладах на Сахтыше Па мы связываем с приходом (не с грандиозными «миграциями» или «экспансией») отдельных групп людей, преимущественно мужчин, из Восточной Прибалтики, сыгравших свою роль в формировании новой –волосовской культуры. Заметим, что В.В.Никитин отрицает связь «янтароносных» погребений с волосовской культурой [Никитин 2017: 29]. С.В.Ошибкина указывает, что вывод о миграции населения из Прибалтики «не может быть доказан» [Ошибкина 2022: 13]. Однако заметим, что он основан не только на присутствии янтаря в захоронениях, но также и на появлении керамики восточно-прибалтийского типа (достаточно тонкостенной с примесью раковины) на ряде памятников Верхнего Поволжья. Кроме сахтышского региона она представлена и на стоянках Ивановского торфяника в Ярославской обл. И, наконец, некоторые мужские черепа из захоронений с янтарём Сахтыша Па имеют близкие характеристики с мужскими черепами из позднеолитических захоронений с янтарём из Восточной Прибалтики. Особенно ярко черты атланта-балтийской малой расы отразились в уникальной роговой маске из синхронного «янтарным» захоронениям святилища Сахтыша Па [Костылёва, Уткин 2021]. При этом мы вполне согласны с точкой зрения, что в эпоху позднего неолита – энеолита на достаточно обширных пространствах лесной зоны Восточной Европы существовал «церемониальный обмен престижными вещами» [Жульников 2008]. Однако считаем, что не стоит сводить всё только к подобному обмену. И появление восточно-прибалтийских «пассионариев» в сахтышском регионе может быть обусловлено и иными причинами.

Материалы сахтышских «янтарных» захоронений позволяют выявить и некоторые хронологические особенности украшений. Наиболее ранние захоронения с янтарём присутствуют на Сахтыше Па – первая половина III тыс. до н.э. (по традиционной хронологии). Кроме большого количества пуговиц там есть ажурные кольца, пронизки с расширением в средней части, подвески, в том числе длинные с насечками по краям и двумя отверстиями.

Время совершения захоронений на Сахтыше VIII может быть определено в пределах начала второй – середины последней четверти III тыс. до н. э. Янтарные украшения отличаются большим разнообразием: здесь присутствуют все типы подвесок, колец и пронизок, а также пуговицы.

А «янтарные» захоронения Сахтыша II, относящиеся к финальному этапу существования волосовской культуры, можно датировать концом III – началом II тыс. до н.э. Украшения относительно поздних типов – массивные кольца и шайбы, объёмный кулон, бочёнковидные пронизки и бусины.

Литература

- Жульников А.М. 2008. Обмен янтарем в Северной Европе в III тыс. до н.э. как фактор социального взаимодействия // Проблемы биологической и культурной адаптации человеческих популяций. Т. 1. СПб. С. 134–145
- Костылёва Е.Л., Уткин А.В. 2021. «Восточно-прибалтийский след» в оформлении ритуальной маски из «святылища» могильника Сахтыш Па (Центр Русской равнины) // ТАС. Вып. 12. Тверь. С. 299–308
- Никитин В.В. 2017. На грани эпохи камня и металла. Средневожский вариант волосовской культурно-исторической общности. Йошкар-Ола. (Материалы и исследования по археологии Поволжья и Урала. Вып. 10)
- Ошибкина С.В. 2022. Янтарные изделия в неолите – энеолите лесной зоны Восточной Европы // РА. 2022. № 4. С. 7–20

Костылёва Елена Леонидовна — Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия — elkos-ty-le-va@mail.ru

Уткин Александр Витальевич — независимый исследователь, г. Иваново, Россия — u_two55@mail.ru

Поселенческая и погребальная керамика населения Барабинской лесостепи в позднем неолите – начале эпохи палеометалла

В изучении периода позднего неолита – начала эпохи палеометалла (V – нач. IV тыс. до н.э.) Барабы и южно-таёжного Прииртышья центральное место занимает проблематика хронологического и культурного соотношения артынской и «гребенчато-ямочной» традиций. Важный аспект этой темы состоит в сопоставлении этих традиций, выделенных по поселениям, с погребальными комплексами региона, представленных двумя типами: грунтовыми одиночными и коллективными подкурганными захоронениями. Связь отдельных могильников с группами поселений отчасти маркируется устойчивыми сочетаниями изделий из камня и кости [Бобров и др. 2020]. Отмечаются «смешанные» черты погребальной керамики [Молодин и др. 2016], при этом локальные и хронологические особенности поселенческой посуды также вариативны [Юракова 2017]. Анализ керамических серий из поселений и могильников, учитывающий технологические традиции гончарства, способен прояснить вопрос о взаимосвязи разных групп населения.

В рамках исследования проведено сравнение сосудов из могильников Барабы и Южного Прииртышья, датирующихся неолитом – ранним палеометаллом с сосудами из поселенческих комплексов артынской культуры и гребенчато-ямочной общности; выявлены индивидуальные аналогии «погребальным» сосудам. Привлечены опубликованные и новые данные анализа формовочных масс и особенностей конструирования керамики из поселенческих и погребальных комплексов. Результаты исследования отражают более устойчивые типологические черты, воспроизводившиеся в поселенческих сериях керамики двух культурных традиций, при этом – наличие общих эпохальных и межкультурных признаков в морфологии сосудов из поселений и могильников. Контекст залегания в могильных комплексах сосудов, близких той или иной группе поселений, даёт основания предполагать взаимодействие артынской и «гребенчато-ямочной» традиций при сохранении их своеобразия.

Исследование выполнено в рамках государственного задания ФИЦ УХ СО РАН АААА-А21-121012090006-0 «Социокультурогенез и трансграничное взаимодействие древних и средневековых обществ в контактных зонах Западной и Средней Сибири»

Литература

- Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю. 2020. Курганы в погребальной практике поздненеолитического населения юга Западной Сибири // Материалы VI (XXII) Всероссийского археологического съезда. Самара. С. 124–125
- Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С. 2016. Погребальные комплексы эпохи неолита Венгерovo-2А (юг Западно-Сибирской равнины): результаты мультидисциплинарных исследований // АЭАЕ. Т. 44. № 2. С. 30–46
- Юракова А.Ю. 2017. Неолит Барабинской лесостепи и южно-таежного Прииртышья. Автореферат дисс. на соискание степени кандидата исторических наук. Кемерово

Юракова Алена Юрьевна — Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН (ФИЦ УУХ СО РАН), г. Кемерово, Россия — yurakova_al@mail.ru

Карманов В.Н.

Керамические поделки неолита, бассейн реки Вычегды

Среди остатков культур мобильных таёжных охотников региона свидетельства первобытного творчества и эстетики редки. Найдено пока всего семь керамических изделий без учёта неоднозначных артефактов – проб пластичности глины, фрагментов обмазок, обломков скульптур и т.п. Первую группу (1) представляют предметы, для создания которых достаточно импровизации, творческого порыва гончара. Для изготовления остальных предметов (2) необходим первоначальный замысел и требовались более сложные технические решения.

1) Комплекс энтыгйского типа Энты IA (втор. пол. VI тыс. до н.э.), исследованный Э.С.Логиновой, содержит три фрагмента керамических изделий, которые изображают неопределённых существ (рис. 1: 3, 4). В их основе – глиняные стержни диаметром 15–22 мм, на поверхности которых защипами выражены голова, глаза, лапы и хвост. В жилище памятника льяловской культуры Пезмогты 3А (перв. пол. V тыс. до н.э.) автором найдена скульптура птицы размерами 27×24×13 мм (рис. 1: 5). Лепкой оформлены корпус и голова животного, крылья и хвост не выражены. В комплексе чужьяёльской культуры Ваднюр I/7А (втор. пол. IV тыс. до н.э.) автор нашёл два обломка (рис. 1: 1, 2), возможно, одной фигурки живот-

ного – бобра (?). Первый фрагмент представляет его голову с характерной мордой, второй – хвост. Оформлены ручной лепкой, пальцевыми защипами.

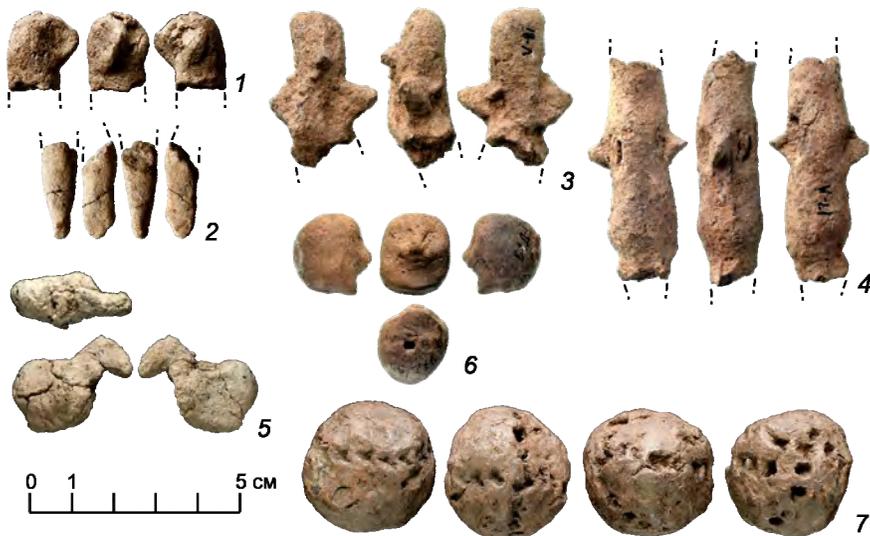

Рис. 1. Керамические поделки неолита бассейна р. Вычегды. 1, 2 – бобр (?); 3, 4 – неопределённые существа; 5 – птица (утка?); 6 – голова человека; 7 – погремушка. 1, 2 – Ваднюр I/7А; 3, 4 – Эньты IA; 5 – Пезмогты 3А; 6 – Вад I; 7 – Вис II

2) Целый предмет из жилища № 1 поселения Вад 1 (перв. пол. V тыс. до н.э.) – скульптура головы человека – найден К.С.Королёвым (рис. 1.; 6). Артефакт имеет округлую форму и размеры 13–15 мм. Характерные черты лица оформлены пальцевыми защипами и вдавлениями. В уплощённом основании сделано углубление. Четырёхугольная форма ямки в плане свидетельствует о том, что использовался специально подготовленный, ограниченный предмет, возможно деревянная палочка. Не исключено, что предмет – сохранившаяся деталь составного изделия, например, куклы.

На поселении Вис II в отложениях раннего неолита (VI тыс. до н.э.) автор обнаружил керамическую погремушку – целый полый шар неправильной формы и размерами 30–32 мм (рис. 1: 7). Компьютерная томография позволила определить, что внутри находятся два керамических шарика размерами 2,8–3,8 мм. Внутренняя поверхность неровная и толщина стенок колеблется от 3,5 до 7,9 мм. В составе формовочной массы явно присутствует шамот. Поверхность заглажена до лоска, возможно, от

использования, а в углублениях выявлены остатки охры или прокала. Накольчатый орнамент нанесен небрежно по двум линиям, условно, по меридиану и экватору.

Несмотря на то, что изображения описанных артефактов неоднократно публиковались, специальный анализ контекстов их обнаружения и особенностей конструкции ранее не проводились. В настоящее время их информативность удалось также повысить с помощью рентгеновской компьютерной томографии. Это позволяет предложить свежую интерпретацию публикуемых источников, которая будет озвучена в докладе.

Карманов Виктор Николаевич — Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар, Россия — vkarman@bk.ru

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ

Никитин В.В.

Древнейшие мифы, культы и обряды по археологическим материалам Волго-Вятского бассейна (каменный век)

Общественное сознание, закреплённое мифологическими запретами и правилами, эффективно регламентировало отношение людей к природе, действуя посредством устойчивых норм морали и раннерелигиозных представлений, закреплённых в обычаях, традициях и обрядах, передаётся от поколения к поколению в устной или знаково-изобразительной форме.

В начале мезолита технология обработки камня совершенствуется, что позволяет первобытному художнику отразить наиболее характерные черты определённого животного. В результате мы имеем представительную коллекцию кремнёвой скульптуры Волго-Окского междуречья [Замятин 1948; Ошибкина и др. 1992; Никитин 1994].

Скульптура неолитических памятников Марийского Поволжья представлена фигурками животных и птиц, лунницами и другими неопределённого вида изделиями. На поселении Мольбище в очаге обнаружены скульптурка головы медведя, женская статуэтка с выраженными признаками пола и небольшая скульптурка медведя (медвежонка), стоящего на задних лапах (рис. 1: 7). Сочетание их в одном месте не случайно и вполне вписывается в легенду о браке медведя (зверя) с человеком-женщиной. У марийцев этот медвежий сюжет отразился в

сказке «Сын марийки и медведя». Широко представлен образ лося–оленья. В кремнёвой скульптуре он известен по «лосиноголовому» изделию на поселениях Старое Мазиково III, Удельный Шумец IV, Ахмылово. Аналоги исследованы на мезолитическом могильнике Олений Остров в виде наверхия «шаманского посоха». Более конкретно лось–олень отражён на глиняной посуде. Его силуэт с рогами нанесён на сосуды с Майданской стоянки и поселения Мольбище III (рис. 1: 5). На поселениях найдены головка животного (лося?), пушного зверя, птицы, человека из глины (рис. 1: 8). Большое место уделяется образу водоплавающей птицы. Она представлена в скульптуре из камня (Полянка III, Кубашево, Большая Гора, Юльяльская) и глины (Сутырская V, Юринская I и II), существуют граффити на сланцевых плитках: лось и птица (Волоконное, Сутырское IIa) (рис. 1: 6). На стоянке Коломцы выявлен мифологический сюжет сотворения мира птицей, ныряющей на дно океана и достающей со дна немного земли, с которой образовалась суша. Композиция на сосуде представлена плывущими птицами в сочетании с фигуркой человека и другими символами, вписывающимися в содержание мифологемы (рис. 1: 7) [Формозов 1966; Гурина 1972; Ошибкина и др. 1992; Никитин 1995]. Сцены плывущих птиц с Майданских поселений частично отражают сцену мифологического сотворения мира (рис. 1: 4). На сосуде с поселения Отарское XVIII орнамент нанесён по всей поверхности сосуда, где центральное место занимает изображение змеи (рис. 1: 3). На противоположной стороне расположен треугольник, разделённый на две части, в каждой части по точке. Смысл графемы – оплодотворённое женское начало (материнство), сосуд предназначался для содержания снадобий, необходимых при беременности и родах. Существуют графемы хозяйственного плана. На стоянке Парат XII, исследованной самарскими археологами, собраны фрагменты сосудов с изображением загонной охоты с применением сети [Выборнов и др. 2000: 307 рис. 7].

Литература

- Замятнин С.Н. 1948. Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите Северо-Восточной Европы // СА. 1948. Вып. X. С. 85–123
- Выборнов А.А., Глушенко С.А., Королев А.И. 2000. Поселение волосовской культуры ПаратXII в Марийском Поволжье // Исторические исследования. Самара. С. 299–312
- Гурина Н.Н. 1972. Водоплавающая птица в искусстве неолитических лесных племен // КСИА. № 131. С. 36–45
- Никитин В.В. 1994. Кремневая скульптура и лепная глиняная пластика неолитических племен лесной зоны Среднего Поволжья // Проблемы

изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Иваново. Вып.1. С. 41–50

Никитин В.В. 1995. Мифы, застывшие в археологических древностях // Финно-угроведение. 1995. №2. С. 41–50

Ошибкина С.В., Крайнов Д.А., Зими́на М.П. 1992. Искусство каменного века (лесная полоса Восточной Европы). М.

Формозов А.А. 1966. Памятники первобытного искусства на территории СССР. М.

Никитин Валерий Валентинович — Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М.Васильева, г. Йошкар-Ола, Россия — tshikaeva@yandex.ru

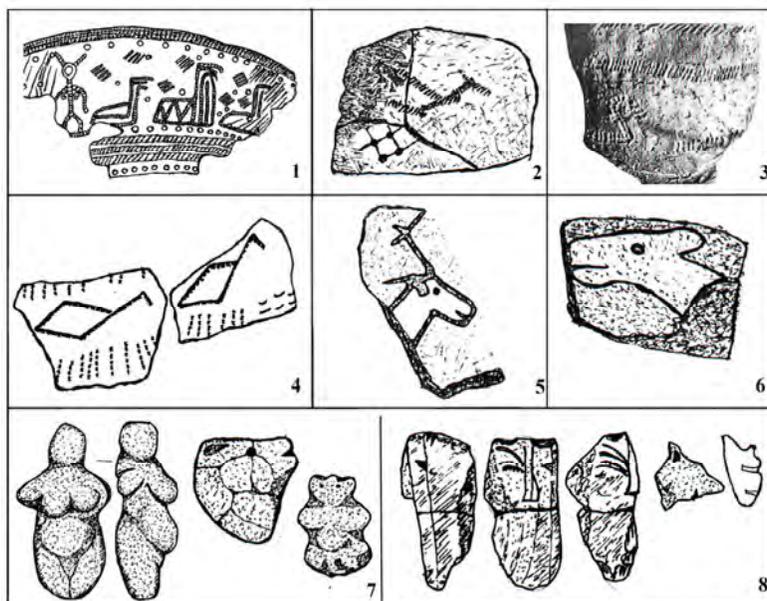

Рис. 1. Примеры орнаментального искусства периода неолита. 1 – фрагмент сосуда со стоянки Коломцы; 2 – фрагмент сосуда со стоянки Парат XII; 3 – фрагмент сосуда со стоянки Отарское XVIII; 4 – фрагмент сосуда с Майданской стоянки; 5 – фрагмент сосуда с поселения Мольбище III; 6 – граффити на сланцевой плитке с поселения Волоконное; 7 – скульптура с поселения Мольбище III; 8 – скульптура с поселения Отары VI

К вопросу о значении культа лошади и быка в степном и лесостепном Поволжье

В историографии наличие фигурок лошадей и быков у неолитического и энеолитического населения степного и лесостепного Поволжья интерпретируется как один из показателей доместикации этих животных. По мнению исследователей, залегание фигурок в жертвенниках свидетельствует о высокой роли лошади и быка в хозяйственной жизни людей.

На Варфоломеевской стоянке найдено три скульптурки лошади, изготовленные на тонкопластинчатых костях. Все они выполнены в одной стилистике: короткие ноги и отвислый живот, головы опущены (рис. 1: 1–3). Еще одна фигурка коня найдена при раскопках могильника Липовый овраг. От неё сохранилась только передняя часть. Хорошо выделены уши, глаза и грива (рис. 1: 5).

Схожая фигурка была обнаружена на поселении Виловатовское в лесостепном Поволжье. Она также изготовлена на тонкой костяной пластинке. Силуэт животного не закончен, имеются только грубые очертания морды, уха и рта (рис. 1: 4). При исследовании могильника у с. Съезжее найдены две костяные фигурки лошади. Корпус одной лошади правильной формы, с массивным крупом, чуть отвислым животом и выраженной гривой. От головы сохранилась небольшая часть с ухом и линией, обозначающей нижнюю челюсть (рис. 1: 7). Вторая фигурка более схематична, голова полуовальной формы, без ноздрей, глаз, рта. Задняя часть фигурки напоминает шею. Создаётся впечатление, что лошадь имеет две головы (рис. 1: 6). На этом же памятнике в детском погребении № 6 найдены две фигурки быка на тонких костяных пластинах. На краях пластин вырезаны смотрящие в разные стороны головки быков. На загривке, лбу, рогах и на груди животных имеются насечки (рис. 1: 8). Вторая фигурка аналогична первой, но вырезана менее искусно (рис. 1: 9). Такое изображение быка характерно для культур мариупольской КИО. Схожая фигурка быка была найдена на территории Приазовья в материалах Мариупольского могильника. Она хорошей сохранности, немного обломлены передние конечности. Изображение передает общие черты животного – мощное сложение, холку и линию спины, голову. Двумя пропилами, возможно, изображены рога (рис. 1: 10).

Еще одним примером мелкой пластики являются скопления зубов лошади с насечками на внутренней стороне коренной части со стоянок Варфоломеевская и Алгай.

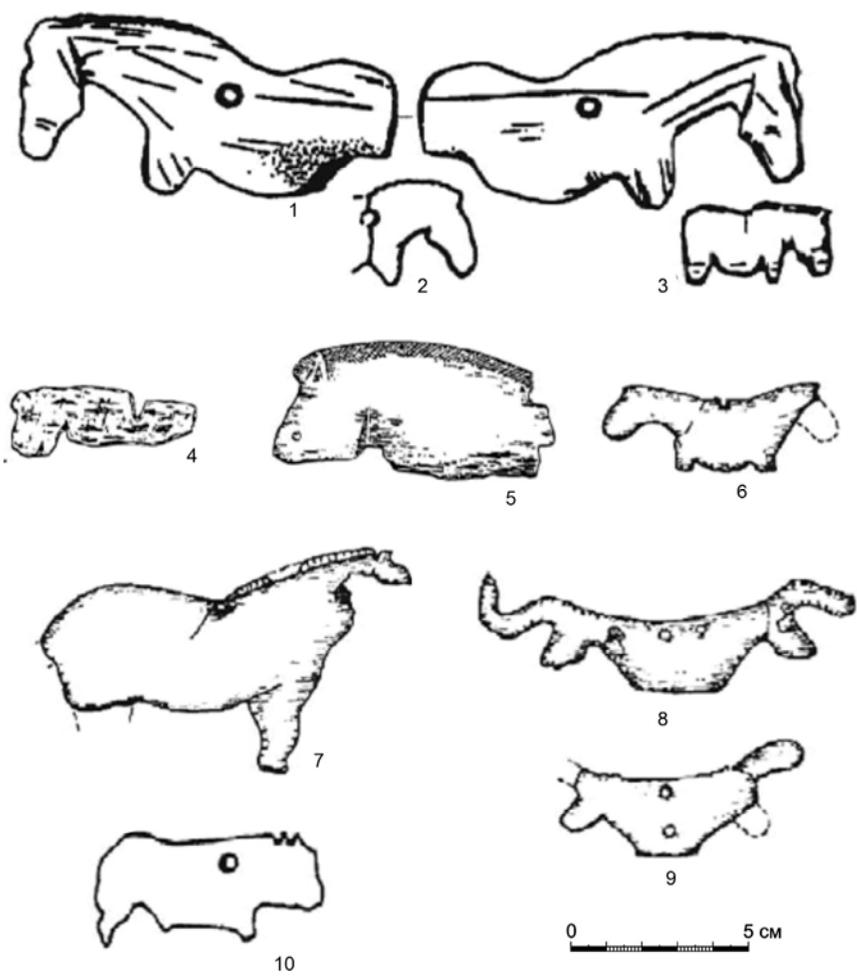

Рис. 1. Фигурки лошадей и быков (туров). 1-3 – Варфоломеевская стоянка, 4 – Вилатовская стоянка, 5 – могильник Липовый Овраг, 6-9 – Съезжинский могильник, 10 – Мариупольский могильник

Анализ фаунистических останков неолитических и энеолитических комплексов степного Поволжья показал отсутствие домашних видов лошади и быка. Первым domestцированным видом в регионе является овца и появляется она лишь у носителей прикаспийской культуры. А останки КРС впервые фиксируются на памятниках хвалынской культуры развитого энеолита. В этой связи фигурки быков более раннего

Съезжинского могильника должны интерпретироваться как изображение тура. Значительная роль тура в качестве промыслового животного определяется высоким процентным содержанием останков этого животного в нео–энеолитических коллекциях. Что касается лошади, то одним из аргументов её одомашненности являлось наличие на голове самой крупной скульптурки с Варфоломеевской стоянки глубоких пропилов с обеих сторон. В том числе и двух длинных по шее, и по одному глубокому пропилу по крупу. Эти элементы интерпретировались как уздечка. Однако, на наш взгляд, они скорее схематично очерчивают мускулатуру лошади. Таким образом, наличие фигурок лошади и быка (тура) не могут служить индикаторами их domestikации.

Дога Наталья Сергеевна — Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара, Россия — natalidoga@yandex.ru

Гилязов Филат Фаритович — Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара, Россия — filatgiljazov12@gmail.com

Герасимов Д.В.

О символическом значении утилитарных кремнёвых артефактов позднего мезолита Карельского перешейка

Свидетельства сочетания прагматического и символического восприятия предметов материальной культуры в традиционных обществах весьма многочисленны. Иногда символическое значение артефактов можно предположить для предметов, находимых в контекстах стоянок/поселений и типологически являющихся вполне утилитарными изделиями.

Примерами таких находок являются два артефакта из кремня из позднемезолитических слоёв поселений Большое Заветное 4 и Озёрное 3 на Карельском перешейке. Следует учитывать, что Карельский перешеек удалён от природных источников кремня, и находки кремнёвых изделий на этой территории всегда являются свидетельствами удалённых контактов древнего населения. Кремень являлся одним из «экзотических» и, возможно, «престижных материалов», особенно в период позднего мезолита, когда поступление кремня существенно сократилось по сравнению с предыдущим периодом раннего мезолита.

Черешковый наконечник на пластине из кремня был выявлен на поселении Большое Заветное 4 на террасе высотой 18 м, расположенной ниже основной площадки поселения, в слое сортированного среднезернистого песка, залегающего под развалом раннеэнеолитического

сосуда типа сперрингс. Этот слой был сформирован в условиях литориновой трансгрессии. Вероятно, на момент попадания сюда наконечника данный участок был покрыт водой. Наконечник располагался в слое под углом к поверхности – возможно, стрела была запущена в воду с берега. На Карельском перешейке находки черешковых кремнёвых наконечников на пластинах, за исключением указанного, неизвестны. Небольшое количество их известно в поселенческих контекстах на побережье Онежского озера. И около 200 наконечников найдено в Оленеостровском могильнике на Онежском озере!

Указанные обстоятельства позволяют высказать предположение, что в культуре населения позднего мезолита Восточной Фенноскандии «ритуальное» значение кремнёвых черешковых наконечников могло быть более значимо, нежели собственно утилитарное. Для охоты могли использоваться изделия из других материалов (сланец, кость).

Изучение кремнёвого микроскребка из культурного слоя поселения Озёрное 3 показало весьма сложную «биографию» предмета, также позволяющую предположить его не столько утилитарное, сколько символическое значение. Заготовкой его, вероятно, послужил скол с лезвия рубящего кремнёвого орудия, возможно, в регионе Верхней Волги. Проведённое Е.Ю.Гирей трасологическое изучение предмета показало, что на всей поверхности развит так называемый «общий износ», интерпретируемый как результат длительной транспортировки в кожаном мешке, возможно, вместе с другими артефактами. После этого предмет был переоформлен в скребок, а затем попал в костёр – неизвестно, случайно или намеренно.

Трасологическое изучение кремнёвых предметов с памятников Карельского перешейка, возможно, в будущем позволит выявить новые примеры изделий, использовавшихся не или не только в утилитарных целях.

Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ 19-18-00375

Герасимов Дмитрий Владимирович — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН, г. Санкт-Петербург, Россия — dger@kunstkamera.ru

ПЕРВОБЫТНОЕ ИСКУССТВО

Молодин В.И.

Искусство эпохи неолита Западной Сибири

Территория Западной Сибири занимает огромные пространства Северной Азии, простирающиеся от Уральских гор на западе до р. Енисей на востоке и от Северного Ледовитого океана на севере и до Алтае-Саянской горной системы и степей Центральной Азии на юге. Западная Сибирь состоит из разных природно-климатических зон – огромной Западно-Сибирской равнины, на севере оконтауренной океаном, с юга – степным и лесостепным поясом, а на западе и востоке – горными массивами Урала и Алтая.

Юг и восток Западной Сибири представлен лесостепными участками, а также скальными выходами Салаира и Кузнецкого Алатау. Территория Западной Сибири богата речными системами, среди которых следует особо отметить великие сибирские реки Обь с Иртышом и Енисей, имеющие ярко выраженный меридиональный сток, а также десятки притоков, направленных в широтном направлении. Развитая речная система способствовала транзиту населения.

Все выше перечисленные факторы способствовали тому, что, во-первых, территория Западной Сибири имеет до настоящего времени немало лагун, ожидающих своего исследователя; во-вторых, культуры эпохи неолита изучены преимущественно в западной и центральной её части; в-третьих, выделенные неолитические культуры представлены различными типами памятников, преимущественно, поселениями, реже – могильниками, ещё реже – святилищами, торфяниками и наскальными изображениями.

Искусство неолитической эпохи рассматриваемого региона, как впрочем, и других соседствующих территорий, дошло до нашего времени в виде весьма ограниченного спектра источников, что объясняется отсутствием необходимых условий (за исключением торфяников) для консервации предметов из органических материалов (дерева, тканей, меха). Данные обстоятельства существенно обедняют наши представления об иррациональной деятельности человека конца каменного века в целом. Вместе с тем, по сравнению с периодом плейстоцена, в эпоху неолита человеком прекрасно освоено керамическое производство, позволившее, в свою очередь, развивать особое направление в декоративно-прикладном искусстве.

В настоящее время на рассматриваемой территории открыто и в различной степени исследовано около двадцати культурных образований

[Бобров, Молодин 2022: рис. 132]. В связи с темой настоящего исследования важно подчеркнуть, что главным аргументом в пользу той или иной культурной диагностики выступают керамические сосуды и их орнаментация. Таким образом, предметы декоративно-прикладного искусства, коими являются орнаменты, фактически составляют основной массив дошедшего до нас этого вида художественного творчества.

Керамические комплексы каждой из неолитических культур Западной Сибири имеют свою характеристику, тем не менее, в контексте настоящей работы следует говорить о наборе эпохальных признаков, проявляющихся и в форме, и в орнаментации хронологически отличных групп неолитической керамики.

К раннему пласту неолитических памятников Западной Сибири принято сегодня относить ряд образований, объединённых между собой общим признаком, а именно – плоскодонной формой посуды. К ним относятся: боборыкинская культура, кошкинская (или боборыкинско-кошкинская) культура, каюковская культура, амнинский тип памятников и барабинская ранненеолитическая культура. Особенностью плоскодонных сосудов являлась вытянутая придонная часть с легким наплывом или расширением у дна (рис. 1: 2). Орнамент каждой из этих культур имеет свою специфику (что и определяет культурную принадлежность комплекса), однако общей близкой чертой является способ его нанесения, связанный с отступающе-накольчатой и прочерченной техникой. Композиции представляли асимметричные зоны, неравномерно покрывающие всю поверхность сосудов, включая дно. Иногда часть сосуда оставалась неорнаментированной, но в таком случае – тщательно заглаженной [Бобров, Молодин 2022] (рис. 1: 2).

Керамические комплексы развитого и позднего западносибирского неолита, оценивая их с точки зрения общих элементов формы и орнамента, можно структурировать следующим образом. Общей чертой, характерной для керамики серии этих культур (козловская, чэстыйгская, сумпаньинская, полуденская, еттовская, быстринская, барсовогорская, каюковская, кокуйская и др. [Бобров, Молодин 2022: рис. 132]), является её остродонность и круглодонность. Срез венчика бывает неровным, с выраженными выступами (например, козловская, полуденская, быстринская, барсовогородская, сумпаньинская, чэстыйгская, кокуйская культуры), иногда в виде сильно стилизованных головок животных. С точки зрения декора можно выделить посуду, украшенную рядами тесно поставленных или разреженных зон, нанесённых отступающе-накольчатой и прочерченной техникой. Встречаются зоны, нанесённые шагающей гребёнкой. Преимущественно этими же способами формировалась и орнаментальная композиция, состоящая из чередующихся поясов прямых и волнистых

линий. В композиции нередко присутствует и геометризм, представленный поясами взаимопроникающих треугольников (рис. 1: 4).

Определённую своеобразную группу декора представляет керамика кокуйской (рис. 1: 6) и артынской культур, где вышеперечисленные элементы орнаментальных композиций существенно дополняются горизонтальными рядами круглых ямочных наколов, наносимых по всей площади сосуда [Бобров, Молодин 2022].

Следует особо подчеркнуть, что западносибирская неолитическая керамика имеет эпохальную близость с синхронными культурами соседствующих территорий как Европы [Археология... 1996], так и Восточной Сибири [Базилийский и др. 2022: рис. 168 и др.], прежде всего, по наличию остродонных и круглодонных форм, однако специфика орнамента (да и особенности формы) западносибирской неолитической керамики очевидна.

Орнаментом украшались не только сосуды. Нередко это были изделия из кости и камня. К числу таких предметов, например, относится дошедший до нашего времени обломок костяного предмета продолговатой формы с крутым отверстием (вероятно для крепления), орнаментированный по всей поверхности гравированным зигзагом (рис. 1: 7). Узор на пластине из стоянки Завьялово-8 напоминает композиции, нанесённые на неолитической посуде так называемого завьяловского типа. На поселении Верхние Чемы, также в Новосибирском Приобье, была найдена расколотая галька с выгравированными на ней волнообразными линиями, также аналогичными орнаментам на керамике [Молодин 1992] (рис. 1: 11).

Дешифровка орнаментальных композиций на неолитической посуде региона остаётся проблемой нерешённой, хотя некоторые попытки приближения к её решению и имеют место [см. напр.: Бобров 2015].

К видам декоративно-прикладного искусства следует относить встреченные преимущественно в захоронениях нашивки, выполненные из костей, зубов животных и раковин пресноводных моллюсков. Находки таких предметов *in situ* в ряде захоронений, особенно кузнецко-алтайской культуры, позволяют реконструировать даже отдельные особенности украшения одежды [Кунгурова 2005; Маркин 2000]. Важно, что среди нашивных бляшек из кости для носителей культуры удалось выявить украшения в виде фигурок рыбок (рис. 1: 1А), которые, как было отмечено, имеют место только у носителей кузнецко-алтайской культуры [Молодин 1999]. Нашивки дают представления об элементах кроя как мужской, так и женской одежды. В ряде случаев удалось выявить даже способ крепления костяных нашивок, которые пришивались несколькими параллельными рядами, внахлёст, образуя своеобразную «чешуйчатую» поверхность, выглядевшую чрезвычайно эффектно (рис. 1: 1).

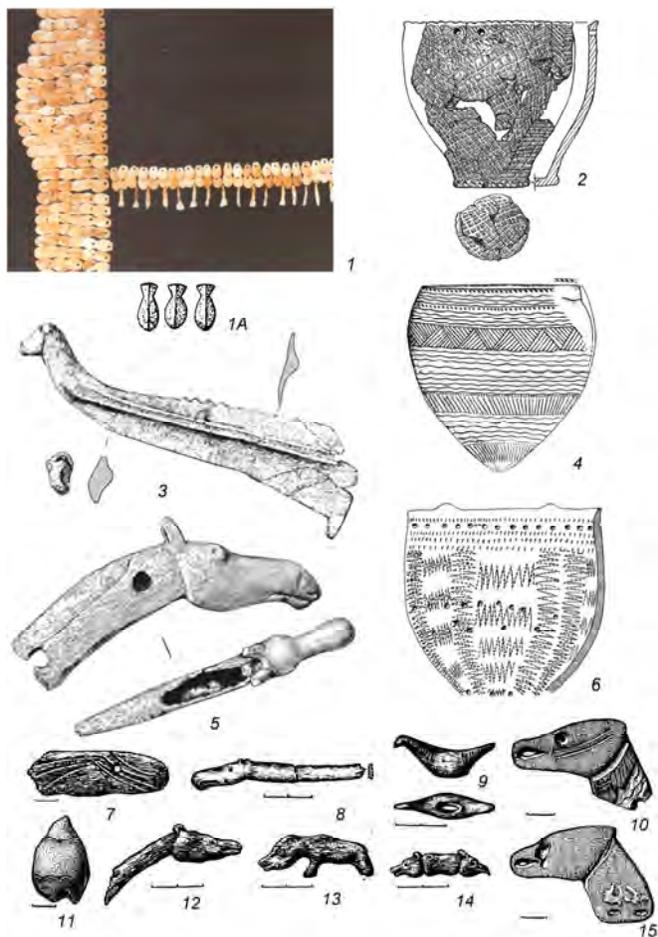

Рис. 1 Изделия эпохи неолита Западной Сибири.

1, 1А, 3, 5, 7–9, 12–14 – кость; 2, 4, 6 – глина; 10, 11, 15 – камень.

1, 1А – могильник Солонцы-5 (по: [Кунгурова 2005]); 2 – стоянка Тартас-1 (по: [Молодин и др. 2018]); 3, 5 – культовый комплекс Усть-Тартас-1 (по: [Молодин и др. 2022a]); 4 – поселение Евстюниха-1 (по: [Герасименко 2008]); 6 – поселение Кокуй-1 (по: [Генинг, Голдина 1969]); 7 – поселение Завьялово-8 (по: [Молодин 1992]); 8 – могильник Ордынское-1 (по: [Молодин 1992]); 9 – могильник Крутиха-5 (по: [Молодин 1977]); 10, 15 – могильник Усть-Куренга (по: [Чернецов 1953]); 11 – поселение Верхние Чемы (по: [Молодин 1992]); 12–14 – Васьковский могильник (по: [Бородкин 1967]).

Особенно наглядно эти сюжеты выглядят в захоронениях могильника Солонцы-5, где Н.Ю.Кунгуровой удалось зафиксировать даже оригинальные портупей и пояса, обшитые тесно поставленными рядами таких нашивок [Кунгурова 2005] (рис. 1: 1). Перед нами уникальные образцы декоративно-прикладного искусства, демонстрирующие удивительную степень сохранности украшений костюма представителей неолитического сообщества.

Следующим видом неолитического художественного творчества, дошедшего до нашего времени, является пластическое искусство, выполненное из рога и кости, камня и глины. Понятно, что за всеми этими произведениями стоит иррациональная сущность. Часть предметов, небольших по величине, служили, видимо, своего рода украшениями костюмов (костяные фигурки водоплавающих птиц из могильника Корчуган) [Молодин и др. 1999].

Другая серия предметов, также небольших, имеющих специальные пазы для использования в качестве напершия или же совершенно очевидно несвязанных с практической деятельностью человека, несомненно относятся к числу предметов сакрального толка.

Наконец, имеет место серия скульптурных произведений, служивших составными частями орудий или ритуальных предметов большой величины, значительно превышающей предыдущие, выполненных мастерски, в реалистической манере.

Остановимся более подробно на этих видах художественного творчества носителей неолитических культур Западной Сибири. Начнём с рассмотрения последней группы предметов, тем более, что она представляет самые древние комплексы раннего неолита, датируемые VII тыс. до н.э. [Молодин и др. 2018], обнаруженные на святилище, исследованном в Барабинской лесостепи, именуемом Усть-Тартас-1 [Молодин и др. 2022б].

Замечательным предметом объёмной скульптуры из рога является голова лося с отходящей от неё рукоятью для крепления к какому-то предмету (рис. 1: 5). Поражает мастерство и реализм, с которым передан образ животного [Молодин и др. 2022б: рис. 8]. Мастер особо подчеркнул глаза, ноздри, пасть, настороженные уши зверя. Перед нами несомненное навершие какого-то предмета. Согласно имеющимся в нашем распоряжении аналогиям, их основной массив уходит в мезолитические, неолитические, энеолитические комплексы северо-восточной Европы [Гурина 1956; 1996а, б; Ошибкина 1978; 1992а, б; 1996; 1997; 2017; Цветкова 1969; 1970; Лозе 1979; Крайнов 1988; Студзицкая 1997; Жульников, Кашина 2010а, б; Loze 1970; Rimantiene 2005; Моргунова 2020], где они обнаружены как в виде скульптуры из рога, так и на наскальных изображениях [Жульников, Кашина 2010б]. Такие предметы служили

навершиями шаманских посохов, лодок, лыж и, возможно, других предметов [Столяр 1983; Студзицкая 1997]. Следует констатировать, несколько забегая вперед, что лось несомненно является наиболее знаковым животным в ряду почитаемых человеком в неолитическую эпоху.

Вторым раннеолитическим изделием является массивный режущий инструмент (в длину более полуметра!), выполненный из лопатки крупного лося, стилизованный под птицу, увенчанный, скорее всего, головой лебедя [см.: Молодин и др. 2022б: рис. 7, 1; 9]. Предмет этот оказался серийным. Второе изделие найдено на раннеолитической стоянке Тартас-1 – оно абсолютно аналогично обнаруженному на святилище и несомненно использовалось функционально [Молодин и др. 2022а].

Образ лебедя хорошо известен ещё в пластическом искусстве эпохи палеолита и традиция сакрализации его образа, конечно же, не является случайной [Абрамова 1962; Герасимов 1931].

Наибольшее количество сакральных предметов, выполненных реалистично и узнаваемо, предназначались для каких-то ритуальных целей и были связаны с погребальной практикой. Это скульптурки птиц боровых и водоплавающих (могильники Лебеди-2 [Bobrov 1988] и Крутиха-5 [Молодин 1977]) (рис. 1: 9), животных – скульптурки медведя (рис. 1: 13) и оригинальной янусовидной фигурки, увенчанной головкой медведя и синкретичной головой этого животного с птицевидным клювом (Васьковский могильник) [Бородкин 1967] (рис. 1: 14). Интересны семантически сходные предметы в виде двухконечных фаллосов, выполненные из глины, аналогичных пропорций и с отверстием для крепления на нити. С одного торца помещена стилизованная головка тюленя. Предметы обнаружены в составе керамического ожерелья нижнеамурского неолита [Медведев 2022: рис. 5]. Близкая по пропорциям костяная янусовидная скульптурка обнаружена и в материалах китойской культуры, где она представлена в виде изделия с двумя направленными в противоположные стороны лосиными головками [Хлобыстин 1996: рис. 87, 4]. Очевидно, таким образом, что встреченные в неолитических комплексах Дальнего Востока, Восточной и Западной Сибири янусовидные предметы нуждаются в специальном осмыслении.

Целые скульптурки имели специальные сквозные пазы и были явными навершиями миниатюрных жезлов. К числу таких изделий относится также небольшое навершие из кости, увенчанное реалистично переданной головой лося [Бородкин 1967] (рис. 1: 12) и более схематично переданной лосиной головой, венчающей короткий костяной отросток из могильника Ордынское-1 [Молодин 1977] (рис. 1: 8).

Все вышперечисленные предметы пластического искусства по-видимому относятся к разряду мелкой пластики и образуют группу

изделий, включающих такие персонажи как боровые и водоплавающие птицы, навершия в виде головок медведя и лося. В отличие от неолита Восточной Сибири, где ведущими персонажами являются образы рыб и антропоморфы (хотя образы лося и птицы там тоже присутствуют) [Окладников 1970].

Надо сказать, что и миниатюрные предметы пластического искусства нередко служили навершиями рукоятей костяных орудий труда. В качестве примера можно привести изображение небольшой по величине головы лося, венчающего явно функциональный предмет, выполненный из ребра животного (костяной нож?), обнаруженный в неолитическом захоронении могильника Чумыш-Перекаат [Грушин, Фрибус 2021: рис. 1–2].

Костяное изображение боровой птицы, венчающей явно орудие, известно в неолитическом могильнике Венгерovo-2А [Молодин и др. 2016]. Данные изделия являются наглядными свидетельствами того, что произведения пластического искусства у носителей западносибирского неолита венчали не только сакральные предметы, но и бытовые, вероятно, снабжая их, таким образом, особыми свойствами, явно усиливающими предмет, а не только придающими последнему эстетическую привлекательность.

Совершенно оригинальные изделия обнаружены в неолитическом захоронении могильника Усть-Куренга (рис. 1: 10, 15), впервые опубликованные В.Н.Чернецовым [1953]. Они явно нашивались на одежду. До настоящего времени аналогий им не найдено. Первая скульптурка выполнена из плитки сланца тёмно-зеленого цвета. Это барельефное изображение головы животного, возможно, ездовой собаки (?), хотя трактовка образа и достаточно условная. Контур головы и шеи передан изящной линией. Круглый глаз намечен сверлением, ноздря – сквозной овальной выемкой. Голова отделена от шеи сплошным проточенным желобком, которые В.Н.Чернецов трактовал как ошейник, а сам персонаж – как ездовую собаку. Тонкие гравированные линии на голове и шее трактуются как ездовая упряжь.

Вторая скульптурка выполнена из аналогичного материала и близка первой по величине и пропорциям.

Уже приходилось отмечать, что данные скульптурки изображают, скорее всего, головы соболей или куниц [Молодин 1992: 21]. В пользу этого свидетельствуют не только пропорции и посадка головы, её характерная профилировка, стилизованные ушки – черты, характерные именно для соболя или куницы.

Как бы то ни было – перед нами совершенно оригинальные предметы пластического искусства, не имеющие аналогов в творчестве неолитических культур иных регионов Евразии.

Наконец, к числу западносибирских памятников эпохи неолита, относящихся к иррациональной деятельности, относятся наскальные изображения. Петроглифы р. Томи составляют северо-западную периферию данного вида художественного творчества [Бобров, Медведев 2022]. Древнейший пласт изображённых животных, показанных в динамике, датировался А.П.Окладниковым и А.И.Мартыновым эпохой неолита [Окладников, Мартынов 1972], хотя отношение у этих авторов ко всему массиву изображений и неоднозначно. Не вдаваясь в подробное рассмотрение этой сложнейшей проблемы, требующей специальной разработки, на мой взгляд, правильнее всё же не относить весь массив изображений томских писаниц, как это делает, например, И.В.Ковтун, к эпохе раннего металла [Ковтун 2021]. (Здесь аргументов в пользу такой датировки не больше, чем в альтернативном случае). По-видимому, на сегодняшний день, правильнее будет, как это делает в одной из своих последних работ А.И.Мартынов, отнести эти памятники к периоду рубежа неолита–энеолита [Мартынов 2021: 80].

В таком случае, мы должны допускать, что в неолитическое время обитатели Западной Сибири (может быть, на последней стадии существования) имели в своей обрядовой практике наскальные рисунки, где основным персонажем были, прежде всего, демонстрируемые в динамике фигуры лосей.

Таким образом, искусство западносибирского неолита следует оценивать как явление многофакторное, достаточно яркое и представительное. Очевидно, что мы стоим ещё в самом начале пути к его разгадке и пониманию. Однако очевидно и то, что каждое новое открытие приближает нас к его адекватной интерпретации.

Исследование выполнено по проекту «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи» (FWZG-2022-0006)

Литература

- Абрамова З.А. 1962. Палеолитическое искусство на территории СССР. М.; Л., (САИ; вып. А4–3)
- Археология. Неолит Северной Евразии. М., 1996
- Базилыйский В.И., Бобров В.В., Савельев Н.А. 2022. Байкальская Сибирь // История Сибири. Новосибирск. Т. 1. С. 275–285
- Бобров В.В. 2015. Тенденции развития орнамента и ритмы жизни (размышления о первобытном искусстве) // Вестник Кем. гос. ун-та. 2015. № 1 (61). Т. 3. С. 6–12
- Бобров В.В., Медведев В.Е. 2022. Неолитическое искусство // История Сибири. Новосибирск. Т. 1. С. 359–370

- Бобров В.В., Молодин В.И. 2022. История изучения неолита Сибири // История Сибири. Новосибирск. Т. 1. С. 216–226
- Бородкин Ю.М. 1967. Материалы неолитических погребений у с. Васьково // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово: Кем. гос. пед. ин-т, 1967. Вып. 1. С. 101–107
- Генинг В.Ф., Голдина Р.Д. 1969. Поселение Кокуй-1 // Вопросы археологии Урала. Вып. 8. С. 102–127
- Герасименко А.А. 2008. Характеристика керамики поселения Евстюниха I // Вопросы археологии Урала. № 25. С. 44–72
- Герасимов М.М. 1931. Мальта. Палеолитическая стоянка (предварительные данные). Результат работ 1928–1929 гг. Иркутск
- Грушин С.П., Фрибус А.В. 2021. Изображение головы лося на костяном предмете из неолитического погребения на могильнике Чумыш-Пережат // Древнее искусство в контексте культурно-исторических процессов Евразии: к 300-летию научного открытия Томской писаницы. Кемерово. С. 318–323
- Гурина Н.Н. Оленеостровский могильник. 1956. М.; Л. (МИА; № 47)
- Гурина Н.Н. 1996а. Восточная Прибалтика // Неолит Северной Евразии. М. С. 135–161
- Гурина Н.Н. 1996б. Неолит Кольского полуострова // Неолит Северной Евразии. М. С. 230–236
- Жульников А.М., Кашина Е.А. 2010а. Образ птицы в искусстве неолита – энеолита лесной полосы Восточной Европы // РА. 2010. № 2. С. 5–17
- Жульников А.М., Кашина Е.А. 2010б. «Лосиноголовые» жезлы в культуре древнего населения Зауралья, Северной и Восточной Европы // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 2. С. 71–78
- Ковтун И.В. 2021. Начало традиции наскального искусства на Томи // Древнее искусство в контексте культурно-исторических процессов Евразии: к 300-летию научного открытия Томской писаницы: Материалы международной конференции. Кемерово. С. 22–38
- Крайнов Д.А. 1988. К вопросу о религиозных представлениях племен волосовской культуры // Древности славян и Руси. М. С. 38–44
- Кунгурова Н.Ю. 2005. Могильник Солонцы-5. Культура погребенных неолита Алтая. Барнаул
- Лозе И.А. 1979. Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской равнины. Рига
- Маркин С.В. 2000. Неолитическое погребение Северо-Западного Алтая // Археология, этнография, антропология Евразии. 2000. № 2 (2). С. 53–64
- Мартынов А.И. 2021. Особенности и приоритеты Томской писаницы (к 300-летию открытия памятника) // Древнее искусство в контексте культурно-исторических процессов Евразии: к 300-летию научного

- открытия Томской писаницы: Материалы международной конференции. Кемерово. С. 80–89
- Медведев В.Е. 2022. Керамическое «ожерелье» – культово-обрядовая реалья нижнеамурского неолита // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 50, № 4. С. 39–48
- Молодин В.И. 1977. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск
- Молодин В.И. 1992. Древнее искусство Западной Сибири (Обь-Иртышская лесостепь). Новосибирск.
- Молодин В.И. 1999. Неолитическое погребение на озере Иткуль и некоторые соображения по поводу погребальных комплексов данной эпохи в предгорьях и горах Алтая // Проблемы неолита-энеолита юга Западной Сибири. Кемерово. С. 36–57
- Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С. 2016. Погребальные комплексы эпохи неолита Венгрово-2А (юг Западно-Сибирской равнины): результаты мультидисциплинарных исследований // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 44, № 2. С. 30–46
- Молодин В.И., Райнхольд С., Мыльникова Л.Н., Ненахов Д.А., Хансен С. 2018. Радиоуглеродные даты неолитического комплекса памятника Тартас-1 (ранний неолит в Барабе) // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. Т. 17. № 3: Археология и этнография. С. 39–56
- Молодин В.И., Новиков А.В., Чикишева Т.А. 1999. Неолитический могильник Корчуган на Средней Таре // Проблемы неолита – энеолита юга Западной Сибири. Кемерово. С. 66–98
- Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Ненахова Ю.Н., Нестерова М.С. 2022а. Костяное орудие из раннеолитической стоянки памятника Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск. Т. XXVIII. С. 200–207
- Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Кобелева Л.С., Селин Д.В. 2022б. Раннеолитическое святилище в правобережном Прииртышье // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 50, № 2. С. 13–27
- Моргунова Н.Л. 2020. Производство первобытного искусства из погребения у поселка Пушкинского в Оренбургской области // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 48, № 2. С. 14–21
- Окладников А.П. 1970. Неолит Сибири и Дальнего Востока // Каменный век на территории СССР. М. С. 172–193. (МИА; № 166)
- Окладников А.П., Мартынов А.И. 1972. Сокровища томских писаниц. Наскальные рисунки эпохи неолита и бронзы. М.
- Ошибкина С.В. 1978. Неолит Восточного Прионежья. М.
- Ошибкина С.В. 1992а. Север Восточной Европы // Искусство каменного века (лесная зона Восточной Европы). М. С. 44–67

- Ошибкина С.В. 1992б. Искусство эпохи мезолита // Искусство каменного века (лесная зона Восточной Европы). М. С. 7–40
- Ошибкина С.В. 1996. Север восточной Европы // Неолит Северной Евразии. М. С. 210–229
- Ошибкина С.В. 1997. Веретье I. Поселение эпохи мезолита на Севере Восточной Европы. М.
- Ошибкина С.В. 2017. Искусство эпохи мезолита (по материалам культуры веретье). М.
- Столяр А.Д. 1983. «Жезлы» онежских петроглифов и их материальные прототипы // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. Л. С. 145–158
- Студзицкая С.В. 1997. Ритуальные «жезлы-посохи» неолита лесной полосы Евразии // Актуальные проблемы древней и средневековой Евразии. Томск. С. 95–103
- Хлобыстин Л.П. 1996. Восточная Сибирь и Дальний Восток // Археология. Неолит Северной Евразии. М. С. 270–305
- Цветкова И.К. 1969. Украшения и скульптура из неолитического поселения Черная Гора // Экспедиции Государственного исторического музея. М. С. 25–38
- Цветкова И.К. 1970. Племена рязанской культуры // Окский бассейн в эпоху камня и бронзы. М. С. 94–153. (Тр. ГИМ; вып. 44)
- Чернецов В.Н. 1953. Древняя история Нижнего Приобья // Древняя история Нижнего Приобья. М. С. 7–71. (МИА; № 35)
- Bobrov V.V. 1988. On the Problem of Interethnic Relations in South Siberia in the Third and Early Second Millennium B.C. // Arctic Anthropology. Vol. 25, No. 2. P. 30–46
- Loze I. 1970. Seno ticejumu un tradiciju atspoguļojums akmens. laikmeta maksla Austrumbaltija // Archeologija un etnografija. No. 9. P. 9–30
- Rimantiene R. 2005. Die Steinzeit-Fischer an der Ostseelagune in Litauen. Vilnius

Молодин Вячеслав Иванович – Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск, Россия — molodin@archaeology.nsc.ru

Цыбрий А.В., Цыбрий В.В.

Искусство малых форм в неолите Нижнего Дона

На неолитических памятниках Нижнего Дона (Ракушечный Яр, Раздорская II) получены большие коллекции произведений искусства и некоторые другие свидетельства знакового поведения поселенцев

[Белановская 1995; Цыбрий 2008; Горелик и др. 2014]. Эти изделия изготовлены из различных материалов (кость, камень, раковины, глина) и весьма разнообразны типологически. Формально, почти все художественно оформленные поделки относятся к сфере декоративно-прикладного творчества, что не исключает более детальной группировки по тем или иным признакам. Так, отчётливо выделяются две большие, вероятно, и в семантическом плане обособленные, группы: утилитарные изделия, отмеченные орнаментом или знаками, и вещи, специально созданные, как предметы символического назначения. К первой группе мы относим костяные острия, каменные грузила, сланцевые тѣсла; ко второй – разнообразные украшения (бусы, подвески из кости, хрусталя, створок раковин и зубов животных), скульптурные изображения и некоторые керамические предметы. Отдельного упоминания заслуживают относящиеся ко второй группе уникальные миниатюрные поделки из кости и раковин, недавно найденные на Ракушечном Яре (рис. 1: 22). Есть изделия, которые трудно отнести к той или иной группе – это мелкие сланцевые подвески, «утюжки» с орнаментом. Некоторые вещи (Раздорская II) вряд ли можно считать произведениями искусства, но их символическое назначение кажется более чем вероятным. Это небольшие (1–1,5 см) керамические шарики (рис. 1: 9), многие с явными следами каких-то манипуляций (отпечатки прута, папиллярных линий, ногтевые (?) вдавления), каменные шарики такого же размера, глиняные «лепёшечки» и стержень с наколами.

Большая часть изображений в коллекциях – линейно-геометрического характера, для их получения использовались приёмы гравировки и несквозного сверления по гладкой, тщательно отполированной поверхности. Объёмные скульптурные формы единичны. С помощью простых изобразительных элементов (линия, насечка, ямка) и их сочетаний образованы различные, подчас весьма сложные композиции. Чаще всего встречаются ломаная линия, ряды насечек или ямок-сверлин, косая сетка, штриховка внутреннего поля, вложенные изображения «фигура в фигуре», «расходящиеся лучи», а из отдельных знаков – косой крест, ромб, прямоугольник, треугольник, круг. Отмечен приём зонирования изобразительного поля. Нужно сказать, что наличие общих черт в первобытном искусстве неолита Нижнего Дона вовсе не означает единообразия в реализации творческих интенций носителями ракушечной культуры на различных этапах её существования. Между коллекциями художественно оформленных изделий Раздорской II (ранний этап) и Ракушечного Яра заметны существенные структурные и стилистические отличия [Цыбрий, Цыбрий 2022: 67], обусловленные, как нам представляется, хронологическим разрывом между этими памятниками. На Раздорской II нет обычных

Рис. 1. Произведения искусства и некоторые другие свидетельства знакового поведения поселенцев на неолитических памятниках Нижнего Дона. 1-13 – стоянка Раздорская II; 14-23 – поселение Ракушечный Яр

для Ракушечного Яра бус из раковин, пронизок с насечками, тёсел с орнаментом по торцу, подвески отличаются, много украшенных зубчатых острий, неизвестных в более позднее время. Орнаментака Ракушечного Яра в целом беднее, менее выразительна, композиционно проще, однообразнее, то есть ближе к концу эпохи в искусстве малых форм сильнее проявляются условность, схематизм, а зачастую и небрежность в реализации художественного замысла. Можно предположить, что в какой-то степени это связано с переносом творческой активности в сферу керамического производства – в орнаментации посуды отмечено разнообразие мотивов и постепенное усложнение композиционных решений.

Условность и схематизм, знаковый характер многих изображений, сочетание гравировки и сверления – именно эти черты, стилистически выраженные различными формами линейно-геометрического рисунка, и определяют облик почти всего ансамбля произведений первобытного искусства неолита Нижнего Дона. Реалистичных изображений нет, в ряде случаев можно лишь предполагать наличие антропоморфных или зооморфных черт на некоторых поделках (рис. 1: 1, 2, 10, 23). Отчётливо распознаваемые образы животных (бык) появляются позже – в материалах энеолитических слоев Ракушечного Яра и Раздорской 1.

Вопрос о происхождении неолитического искусства на Нижнем Дону сложен, так как предшествующий период источниками для решения этой проблемы не обеспечен. Но поиск возможных параллелей показал удивительное сходство некоторых типов художественно оформленных изделий в комплексах ракушечнойярской культуры, матвеевокурганских поселений и памятниках ближневосточного неолита [Горелик и др. 2014: 266–270. Рис. 14–16, 20].

Литература

- Белановская Т.Д. 1995. Из древнейшего прошлого Нижнего Подонья: поселение времени неолита и энеолита Ракушечный Яр. СПб.
- Горелик А.Ф., Цыбрий А.В., Цыбрий В.В. 2014. О чём поведали череп тура, топор и женские статуэтки? (К проблеме начальной неолитизации Нижнего Подонья) // *Stratum plus*. № 2. 2014. С. 247–282
- Цыбрий В.В. 2008. Неолит Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья. Ростов-на-Дону
- Цыбрий А.В., Цыбрий В.В. 2022. Костяные и роговые изделия неолитического времени на Нижнем Дону и в Северо-Восточном Приазовье // *Изделия из камня и кости в культурах неолита. Материалы симпозиума (Санкт-Петербург, 16–18 мая 2022 г.)*. СПб. С. 66–68

Цыбрий Андрей Витальевич — РРОО «Донское археологическое общество», г. Ростов-на-Дону, Россия — tsybriya@mail.ru

Цыбрий Виктор Витальевич — РРОО «Донское археологическое общество», г. Ростов-на-Дону, Россия — v.tsybriy@mail.ru

Кашина Е.А.

Искусство малых форм в лесной зоне: результаты комплексного изучения

В каменном веке голоцена территория лесной зоны Восточно-Европейской равнины была единым пространством, где происходило активное взаимодействие между населением разных её частей и существовали, как представляется, довольно сходные духовные представления. Искусство малых форм мезолита и неолита на этой территории насчитывает около 700 предметов. Это скульптурные подвески, скульптуры, орудия со скульптурными навершиями, ритуальные жезлы, изображения на керамических сосудах. В течение 2000–2016 гг. автором собиралась база данных, сведения о контексте находок, полученные как из публикаций, так и непосредственно от авторов раскопок, а также проводилось визуальное изучение и фотографирование предметов в музеях России, Литвы, Латвии, Эстонии, Финляндии и Германии.

На базе детального анализа этой коллекции можно выявить особенности ритуальных практик в разных регионах лесной зоны и в разные хронологические периоды, а также некоторые группы мифологических образов. Вопросы взаимодействия и контактов между населением охотников-собираателей-рыболовов разных регионов особенно интересны. Оказалось, что исследования гендерных черт в культуре, брачно-родственных отношений, развития или, наоборот, стагнации ритуальных практик можно результативно проводить на базе такого источника как искусство малых форм.

Разные виды предметов использовались в разное время, в разных ситуациях, людьми разного пола. Преимущественно мужскими ритуальными предметами были роговые жезлы с головой лося, имевшие широчайшее распространение во времени и пространстве (конец VII – II тыс. до н.э.). Женскими ритуальными предметами были наборы керамических скульптур широкого круга культур гребенчато-ямочной и шведской ямочной керамики (IV–III тыс. до н.э.). Скульптурные подвески были распространены по всей лесной зоне Восточно-Европейской равнины наряду с украшениями геометрических форм и подвесками из зубов млекопитающих. Основная

часть находок относится ко второй половине IV тыс. до н.э. Изображения разных видов птиц, змей, бобра, выдры, рыбы, лося и медведя, а также антропоморфные изображения, по-видимому, нашивались на одежду и головной убор. Они могли изображать тотемных предков и, соответственно, предка в человеческом образе. Такой вывод был сделан на основе результатов картографирования сходных подвесок, которое показало, что многие виды изображённых в подвесках животных группируются в пределах бассейнов одной-двух крупных рек, возможно, маркируя территорию расселения сообществ, почитавших определённого предка. Среди этих образов: лебедь, змея, глухарь, утиные, цапля, рябчик, журавль, рыба. Изображения лося и медведя практически отсутствуют как среди подвесок и скульптур, так и среди предметов прикладного искусства. В волосовских материалах Средней Оки (вторая пол. IV тыс. до н.э.) известны контексты, где в одном жилище были найдены подвески, изображающие разные виды птиц, что, возможно, отражает брачные связи носителей разных тотемных образов.

Таким образом, вся территория лесной зоны Восточно-Европейской равнины была пронизана связями, различными по направлению, протяжённости и характеру. Изучение искусства малых форм, наряду с изучением отдельных категорий других артефактов (керамика, рубящие орудия, янтарные изделия и т.д.) позволяет лучше в них разобраться.

Кашина Екатерина Александровна — Государственный исторический музей, г. Москва, Россия — eakashina@mail.ru

Колпаков Е.М., Киселёва А.М.

Орнамент в наскальном искусстве, на кости и керамике Северной Фенноскандии

В эпохи неолита и бронзы Северной Фенноскандии орнаменты известны на кости и роге, керамике и в наскальном искусстве (выбивках и писаницах). Кроме того, есть несколько орнаментированных изделий из мягких пород камня.

Основные мотивы следующие: ряды из коротких параллельных линий, ряды из вложенных уголков, крестообразные из уголков (расходящиеся уголки) и ромбов, прямые и косые сетки, зигзаги, меандроподобные и лабиринтообразные. На кости распространённым приёмом являются короткие поперечные и косые засечки/штрихи на линиях, образующих орнамент.

Рис. 1. Примеры орнаментов (Кольский и Рыбачий полуострова). 1) Петроглифы Канозера, Еловый 3 п77 [Колпаков, Киселёва 2022: 82]; 2–3) Писаницы Пяйве, панели 11 и 30 [Колпаков и др. 2022: 44, 63]; 4–5) Поселение Завалишина 5 жилище 6 инв.№№ 18015 и 33328; 6–8) Поселение Маяк 2 [Гурина 1977. Рис. 52: 10; рис. 54: 12, 15]; 9) Кольский Оленеостровский могильник [Колпаков и др. 2019: 338]

На керамике не встречаются наиболее сложные мотивы из этого набора – меандроподобные и крестообразные из уголков. При этом на керамике орнаменты выполнены зубчатыми, гребенчатыми, верёвочными и разносторонними естественными орнаментирами. В то же время на скалах и кости нет аналогов орнаментов, выполненных на керамике ямками и вплотную поставленными штампами. Наоборот, «струйчатый/ступенчатый» орнамент встречается только на кости и роге.

В наскальном искусстве, как и на костяных изделиях одинаковые орнаменты встречаются редко, насколько об этом можно судить по фрагментированным в большинстве своём артефактам.

Хронологические изменения в орнаментах наблюдаются, прежде всего, по керамике – с переходом от Сярайсьниemi 1 к асбестовой – от раннего/среднего неолита к позднему. В частности, заметно расширяется использование косой сетки и вертикального зигзага. В бронзовом веке для изделий из кости и рога характерным становится «струйчатый» или «ступенчатый» орнамент. Однако здесь следует учитывать, что таких вещей, датирующихся ранее позднего неолита, сохранилось мало.

Разумеется, заманчиво попытаться датировать наскальные изображения по их сходству с орнаментами на костяных и роговых артефактах. Однако этому препятствуют два фактора. Во-первых, большинство орнаментированных изделий из кости и рога относится к концу неолита и бронзовому веку (вторая половина 3 – 2 тыс. до н.э.). Для более ранних периодов артефактов такого рода немного. В то время как наскальное искусство Северной Фенноскандии в целом обоснованно относят к интервалу от позднего мезолита до раннего железа. Во-вторых,

на керамике, которая наилучшим образом охватывает весь интересующий нас хронологический интервал, присутствуют в основном простые мотивы, которые появляются ещё в палеолите и существуют повсеместно до современности.

Таким образом можно говорить о единстве в целом (без одинаковости) орнаментальных мотивов на кости и роге, керамике и в наскальном искусстве Северной Фенноскандии.

Исследование проведено при финансовой поддержке РФФ (проект № 22-28-01270 «Появление и развитие основ керамического производства в приморских районах Северной Европы»)

Литература

- Гурина Н.Н. 1997. История культуры древнего населения Кольского полуострова. – СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение». 233 с.
- Колпаков Е.М., Киселёва А.М. 2022. Петроглифы Канозера : 2019–2021 // Кольский сборник 3 / Отв.ред. Колпаков Е.М. СПб.: ООО «ЛЕМА». С. 66–109
- Колпаков Е.М., Киселёва А.М., Мурашкин А.И., Рябцева Е.Н. 2022. Наскальные изображения полуострова Рыбачий // Кольский сборник 3 / Отв.ред. Колпаков Е.М. СПб.: ООО «ЛЕМА». С. 18–65
- Колпаков Е.М., Мурашкин А.И., Хартанович В.И., Шумкин В.Я. 2019. Кольский Оленеостровский могильник = Kola Oleneostrovsky cemetery : 1925–2013. Санкт-Петербург, Вологда : Древности Севера. 480 с.

Юдин А.И.

Предметы искусства Варфоломеевской стоянки: истоки и эволюция

В настоящее время коллекция предметов искусства, полученных на Варфоломеевской стоянке более 30 лет назад, остаётся наиболее представительной для региона Нижнего Поволжья, несмотря на исследование новых памятников [Юдин 2003].

На стоянке найдены образцы искусства всех категорий, которые могут сохраниться в местных природно-климатических условиях. Здесь маловероятно встретить предметы из дерева, кожи или бересты в силу сухого климата. Немного шансов обнаружить и монументальные каменные изделия ввиду ограниченности ресурсов в сыртовых равнинах Заволжья.

Но хорошо представлены предметы из кости, отлично консервирующиеся в плотных суглинках. Это как предметы утилитарного назначения, украшенные разнообразным по степени сложности орнаментом, так и предметы культа.

Предметы декоративно-прикладного искусства (ДПИ) из камня не отличаются большими размерами. Это каменный скипетр из сливного песчаника с зооморфным навершием, орнаментированные навершия двух булав, каменные утюжки с прорезанными параллельными линиями. Подтверждением тому, что в последнем случае мы имеем дело с орнаментом, является находка обломка керамического утюжка, украшенного такими же линиями в технике отступающего накола, типичного способа украшения керамики.

Несомненно, к предметам ДПИ следует отнести значительную часть керамической посуды, украшенной изящным геометрическим орнаментом из большого количества элементов. Удивительно, что это самая ранняя керамика в регионе и никогда более на протяжении последующих эпох неолита, бронзы и РЖВ рельефный орнамент на посуде уже не достигал такой вычурности и композиционной сложности.

Следует отметить интересную особенность предметов ДПИ – орнаменты на кости и керамике имеют очень мало схожих композиций, за исключением простейших орнаментальных элементов.

Истоки такого орнаментального богатства обнаруживаются далеко на западе и юго-западе – на Балканах и Передней Азии [Юдин 2023]. Встречаются предметы искусства и на промежуточных территориях. Например, стоянка Раздорская 2 на Нижнем Дону, где при определённом своеобразии можно отметить и ряд общих черт с Варфоломеевской стоянкой [Цыбрий, Ветров 2007].

Происхождение орнаментированных статуэток женщин на фалангах костей лошади, возможно, также связано с южным и юго-западным векторами культурных заимствований. Вполне допустимо предполагать, что данные костяные изделия являлись одним из элементов «неолитического пакета», претерпевшие трансформацию от глиняных женских статуэток земледельческих народов до костяных в обществе охотников-собирателей.

Функциональная предназначённость каменных и керамических «утюжков» с орнаментом вызывает многочисленные споры. Высказывалось даже мнение, что определённый тип орнамента на них выражает щетинистый покров или шерсть животного с определённой семантической нагрузкой [Мерц 2017]. Но во всех случаях авторами распространение утюжков связывается с миграциями населения из ближневосточного региона.

Заимствования (вероятно, сильно опосредованные), проявившееся в предметах ДПИ, получили дальнейшее развитие в местной неолитической среде. Во всяком случае, в последующую энеолитическую эпоху явственно видно продолжение культурных традиций позднего неолита. Это, например, мелкая скульптурная пластика из широко известного Съезженского могильника или изделия из кости из погребений уникального могильника Екатериновский мыс [Королев и др. 2017].

Женские фигурки из костей лошади получают широкое распространение на евразийских просторах также в энеолитическое время [Ченченкова 2015].

Бытование каменных жезлов или скипетров имеет широкие хронологические и территориальные рамки. Варфоломеевский скипетр, возможно, стоит в ряду самых ранних, так как наибольшее использование они получают в энеолите и раннем бронзовом веке [Корневский и др. 2008].

Сказанное выше вовсе не означает, что все предметы декоративно-прикладного искусства имеют свои истоки за пределами Нижнего Поволжья. Искусство как вид человеческой деятельности известно задолго до неолита, но его развитие в Нижнем Поволжье получило определённый импульс извне, что отразилось на нескольких категориях предметов ДПИ Варфоломеевской стоянки. К тому же творческий потенциал местного неолитического населения мог реализовываться и на других материалах, не сохранившихся до нашего времени.

На стоянке также исследованы погребения всех периодов её функционирования, но никаких вещей, связанных с искусством, в погребальном инвентаре нет, да и вообще соотнести какие-либо артефакты с погребениями, найденными в культурном слое, весьма проблематично, а чаще всего практически невозможно.

Литература

- Корневский С.Н., Жеребилов С.Е., Парусимов И.Н. 2008. Находка каменного «жезла» на левобережье Нижнего Дона и типы евразийских каменных стержневидных скипетров эпох энеолита–бронзового века // АВЕС. Саратов. Вып. 6. С. 200–210
- Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А. 2017. Могильник Екатериновский мыс в Среднем Поволжье – новый памятник изучения искусства эпохи энеолита // Университетская археология: прошлое и настоящее». Матер. Междунар. науч. конференции, посвященной 80-летию первой в России кафедры археологии. СПб. С. 207–212
- Мерц В.К. 2017. О реконструкции обломка каменного «утожка» из Талдысай // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Алматы. Т. 2. С. 226–229

- Цыбрий В.В., Ветров В.С. 2017. Орнаментированные изделия из кости и камня неолитической стоянки Раздорская-2 на Нижнем Дону (по материалам исследований 1989–2003 гг.) // Искусство и религия древних обществ. Луганск. С. 59–68
- Ченченкова О.Л. 2015. Орнаментированные фаланги животных в памятниках нео–энеолита (Северный Казахстан, Тургайский прогиб, Поволжье) // Древний Тургай и Великая Степь: часть и целое. Костанай–Алмааты. С. 292–304
- Юдин А.И. 2003. Неолитическое искусство населения степного Поволжья (по материалам Варфоломеевской стоянки) // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов. Вып. 5. С. 37–71
- Юдин А.И. 2023. Проблемы начального этапа неолитизации Степного Поволжья // StratumPlus Кишинев. (в печати)

Юдин Александр Иванович — Научно-производственный центр по сохранению культурного наследия (Саратов) — aleyudin@yandex.ru

Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А.

Зооморфные образы в предметах погребального инвентаря раннеэнеолитического грунтового могильника Екатериновский мыс в Самарском Заволжье: типология, семантика

Событием в первобытной археологии России стало открытие грунтового могильника Екатериновский мыс в Безенчукском районе Самарской области. В 2013–2018 гг. было исследовано 100 энеолитических погребений [Korolev et al. 2019], содержащих богатейший погребальный инвентарь, предоставляющий широкие возможности для изучения первобытного искусства раннего энеолита. В культурно-хронологическом отношении могильник относится к памятникам мариупольского типа [Макаренко 1933] и обнаруживает близость к могильнику у с. Съезжее на р. Самаре [Васильев, Матвеева 1979].

Инвентарь погребений представлен изделиями из камня, рога, кости, зубов животных, раковин. В материалах могильника присутствуют такие виды первобытного изобразительного искусства как скульптуры малых форм, мелкая пластика, орнамент [Королев и др. 2017]. Серия предметов из рога и кости, имеющих зооморфные черты в оформлении, носит прикладной характер.

При систематизации предметов с зооморфными образами из грунтового могильника Екатериновский мыс применяется типологический метод, в основу которого положено сочетание конструктивных особенностей, понимаемых как совокупность морфологии, технологии, материала и функции, и зоологическая таксономия.

Скульптуры малых форм представлены наверху из рога и камня. Типологически выделяются лосиноголовые, орнитоморфные и условно фантастические изображения.

Лосиноголовые изображения. К ним относятся два наверху, изготовленные из рога. У скульптуры из погр. 17 область глаза обозначена выпуклостью, горизонтальной выемкой показаны ноздри, массивная морда с чёткой линией рта, сохранилось ухо треугольной формы. Скульптура из погр. 46 имеет более вытянутые очертания. Глаза обозначены круглыми ямками, ухо показано в виде закругленного выступа, массивная морда имеет узнаваемую горбинку.

Отметим, что скульптурные лосиноголовые изображения более характерны для лесной зоны, однако появление их в степной зоне и в лесостепи уже нельзя считать исключением. Территориально близки к наверху из могильника Екатериновский мыс «токский» жезл (у пос. Пушкинский) из Оренбургской области [Богданов 1992; Моргунова 2020] и жезл из Максимовского I грунтового могильника [Королев и др. 2021] в Самарской области.

Орнитоморфные изображения. К этой группе относятся два целых и одно фрагментарное роговое наверху (погр. 40, 45, 86).

Наверху из погр. 40 представляет собой скульптурное изображение головы утки, выполненное в реалистичной манере. Глаза показаны в виде круглых ямок, в одной из них находилась бусина из раковины. Основание клюва подчеркнуто резной линией, клюв передан мелкими деталями, включая ноздри, выступ на верхней половине клюва, «щёточку» на нижней. Оперение показано мелкими насечками. Около наверху зафиксирован небольшой предмет из рога с зубчатой нарезкой по краю. Вероятно, это деталь рукояти наверху, продолжение шеи утки.

Орнитоморфное изображение из погр. 45 передаёт образ длинноклювой птицы. Эта скульптура прекрасно смоделирована, оформлены мелкие детали. Кружком с углублением внутри показаны глаза, от которых вниз к шее идёт цепочка из 7–8 мелких ямок. По внешнему краю шеерукояти вырезаны крупные зубцы. Верхняя и нижняя половины клюва разделены двумя прорезанными линиями, между которыми зигзагообразно нанесены насечки. Пропорции клюва дают основания наметить поиск прототипа среди длинноклювых птиц (возможно, это цапля).

Фантастические, или условные, изображения. К числу таких изображений следует отнести 6 каменных зооморфных скипетров из погребений и с жертвенной площадки. Все они относятся к втульчатым, условно изображая фигуру животного, голову и фас мордочки. У двух скипетров выточенные линии детализируют образ. Определить облик прототипа животного во всех случаях сложно.

У двух крупных однотипных роговых изделий – наверший-молотов с отверстиями для рукояти обушковые части имеют скульптурные зооморфные изображения. В навершии из погр. 40 на выпуклой части морды мастер выделил глаз полукруглой резной линией с глубокой ямкой. От глаз к носу идёт легкая ложбинка, а сам нос вздёрнут кверху. Вдоль ложбинки прорезан зигзагообразный рисунок, ниже подчёркнутый прорезанной линией. С торцевой части нос с обеих сторон показан наклонными нарезками, ниже которых намечена линия рта. Морфологические особенности позволяют отнести изделие к «курносым» изображениям, распространенным в степной полосе Восточной Европы.

На навершии с жертвенной площадки концентрическими линиями обозначены глаза, вокруг которых вырезано углубление, подчёркнутое со стороны рукояти резной линией. Фас «мордочки» уплощён.

Мелкая пластика. Мелкая пластика представлена 6 зооморфными фигурками, изготовленными на костяных пластинах. Большинство изделий фрагментировано. У ложки из погр. 85 один конец оформлен в виде головы животного, у которой с обеих сторон ямкой обозначен глаз, а к приострѐнному концу «мордочки» прорезана линия рта. В верхней части «спинки» просверлено два отверстия.

Фрагмент фигурки из ребра животного оформлен в виде вытянутой мордочки с небольшим выступом, имитирующим ухо.

Из ребра крупного животного изготовлен фрагмент фигурки, в верхней продольной стороне которой имеется небольшой выступ с поперечной насечкой, имитирующий округлое ухо. «Передняя» слегка суженная часть фигурки имеет два круглых отверстия.

К особой группе относятся изделия из клыков кабана, декорированные орнаментальными узорами и сложными композициями: «пекторали», нашивки бабочковидной формы.

Богатый зооморфными образами комплекс вещей из погребений и жертвенных площадок могильника Екатерининский мыс является основой для исследований семантики анализируемых изделий. Сложность расшифровки «языка», закодированного в зооморфных образах и орнаментах, очевидна, но обращение к таким вопросам представляет большой интерес.

Работа выполнена по гранту РФ №22-18-00194 «Эпохальная трансформация культурного и физического облика населения юга Среднего Поволжья и Приуралья в период неолит – ранний железный век по источникам археологии, антропологии, генетики»

Литература

- Богданов С.В. 1992. Токский жезл // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Межвузовский сборник научных статей. Оренбург. С. 195–205
- Васильев И.Б., Матвеева Г.И. 1979. Могильник у с. Съезжее на р. Самаре // СА. 1979. № 4. С. 147–166
- Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А. 2017. Могильник Екатеринбургский мыс в Среднем Поволжье – новый памятник изучения искусства эпохи энеолита // Университетская археология: прошлое и настоящее. Материалы Международной научной конференции, посвященной 80-летию первой в России кафедры археологии, Санкт-Петербург, СПбГУ, 19–21 октября 2016 г. СПб. С. 207–212
- Макаренко М. 1933. Мариупільський могильник. Київ
- Моргунова Н.Л. 2020. Произведение первобытного искусства из погребения у поселка Пушкинского в Оренбургской области // Археология, этнография и антропология Евразии. Вып. 2. Т. 48. С. 14–21
- Korolev A., Kochkina A., Stashenkov D. 2019. The Early Eneolithic burial ground at Ekaterinovskiy Cape in the foreststeppe Volga region // Documenta Praehistorica. Vol. XLVI. P. 388–397

Королев Аркадий Иванович — Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара, Россия — arkorolev@gmail.com

Кочкина Анна Федоровна — Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В.Алабина, г. Самара, Россия — archeo@alabin.ru

Сташенков Дмитрий Алексеевич — Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В.Алабина, г. Самара, Россия — archeo@list.ru

Моргунова Н.Л.

Образ лося или лошади в искусстве нео–энеолитических культур юга Восточной Европы

Находки произведений искусства на памятниках нео–энеолитических культур в степной и лесостепной зонах Восточной Европы встречаются нечасто. В основном, они происходят из погребальных комплексов и представлены исключительно скульптурными изображениями животных. Особое внимание привлекают жезлы-скипетры с навершиями в виде голов зверей. Большую известность приобрела подобная находка из погребения у пос. Пушкинский в Оренбургской области (рис. 1). Скипетр найден в погребении мужчины зрелого возраста. Автор находки, местный житель,

описал позу скелета как «сидевшего» на корточках с подтянутыми к подбородку ногами.

Скульптура создана выдающимся художником своего времени. Она выполнена в распространённом в мезолите и неолите стиле слияния образа животного с каким-либо предметом. Жезл вырезан из изогнутой роговой заготовки. Длина изделия от изгиба до конца рукояти составила 48 см. Длина навершия – 18 см. Предмет состоит из двух частей: рукоять и навершие, которые передают цельный образ с достаточно выразительной мордой животного и заменяющей его тело рукоятью. При этом художник создал абстрактно-синкретический образ, соединив черты двух животных – лося и лошади. Изящество фигуры подчёркивается удлинённостью морды. Подробное описание и анализ пушкинской находки дан в специальной публикации [Моргунова 2020].

Аналогий пушкинскому жезлу известно немного, причём исключительно в областях лесной зоны Восточной Европы, где они обнаружены как в могильниках, так и на поселениях, а также в наскальной живописи от Прибалтики до Урала (Оленеостровский могильник, Шигирский торфяник и др.). На жезлах изображалась исключительно голова лося. По мнению большинства исследователей, этот образ играл ведущую роль в духовной сфере древних сообществ от мезолита до начала бронзового века и был связан с культовой практикой лесных охотников [Столяр 1983]. В Самарском Поволжье несколько наверший с изображением головы лося обнаружено в грунтовых могильниках эпохи неолита – Екатериновский Мыс и Максимовка I [Королев и др. 2018; Андреева и др. 2021]. В отличие от последних, достаточно реалистичных изображений, Пушкинский жезл имеет свои особенности как по стилистике воплощённого образа зверя, так, вероятно, и в его прототипе. В зависимости от восприятия, в нём можно увидеть как лося, так и лошадь. Образ лошади в степных-лесостепных областях создавался художниками неолита–энеолита в мелкой пластике. Известны находки каменных конеголовых наверший, крепившихся на рукоять (Новоорск). Распространение образа лошади в искусстве степных культур также могло зависеть от направленности промысловой деятельности местного населения.

Хронологию Пушкинского жезла позволяет уточнить обряд погребения в позе «сидя». Для подобных комплексов из Лабазовского могильника в Оренбургской области получена серия радиоуглеродных дат, позволяющих заключить, что они, вероятно, были совершены в эпоху раннего неолита, возможно, представителями елшанской культуры.

Рис. 1. Роговый жезл из погребения у пос. Пушкинский

Подобный обряд применялся в исключительных случаях и, вероятно, был связан с особым социальным статусом погребенных, коими в первобытных обществах являлись служители культов и религиозных ритуалов.

Таким образом, все известные находки изделий в виде жезлов с зооморфными навершиями относятся ко времени от раннего неолита до позднего энеолита. Как правило, они могут рассматриваться как высокохудожественные произведения искусства, предназначенные для ритуальной сферы. В то же время образы, воплощённые в данном жанре, отражают специализацию древних коллективов в промысловой деятельности.

Литература

- Андреева О.В., Королев А.И., Шалапинин А.А., и др. 2021. Раскопки могильника Максимовка I в 2020 году // Археологические открытия в Самарской области 2020 года. Самара. С.12–14
- Королев А.И., Кочкина А.Ф. Сташенков Д.А. 2018. Результаты новых исследований могильника Екатериновский Мыс // XXI Уральское археологическое совещание. Самара. С.40–42
- Моргунова Н.Л. 2020. Произведение первобытного искусства из погребения у поселка Пушкинского в Оренбургской области // Археология, этнография и антропология Евразии Том 48, № 2. С. 14–21
- Столяр А.Д. 1983. «Жезлы» онежских петроглифов и их материальные прототипы // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. Л. С. 145–158

Моргунова Нина Леонидовна — Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Россия — nina-morgunova@yandex.ru

Кузнецов П.Ф.

Образ лошади в костяной пластике раннего энеолита

В настоящее время известно 7 костяных фигурок, которые безусловно соответствуют образу лошади. Все они обнаружены на территории Волго-Уралья: Варфоломеевская стоянка – 3 экз.; Виловатовская стоянка – 1 экз.; мог. Липовый Овраг – 1 экз.; мог. у с. Съезжее – 2 экз. (рис. 1: 1–7). Все они обладают рядом общих признаков таких как: крупная голова и толстая шея; короткая стоячая грива; вислый живот; короткие, непропорционально толстые ноги без выраженных копыт. А.И.Юдин отмечает, что фигурки лошадей Варфоломеевской стоянки отличаются несколько большей стилизацией [Юдин 2004: 104].

Наличие костяных фигурок лошадей И.Б.Васильев, вслед за Д.Я.Телегиным, интерпретировал как один из показателей приручения коня и наличие коневодства в раннем энеолите [Васильев 1981: 69]. Эта точка зрения нашла широкую поддержку у таких исследователей как В.Б.Ковалевская, Е.Е.Кузьмина, Д.Энтони. Исследование поселений ботайской культуры с многочисленными костями лошадей позволили также включить северные степи Казахстана в ареал распространения ранних коневодов [Зайберт 2009]. Гипотеза Телегина–Зайберта–Энтони стала общепринятой. Но некоторые исследователи выражали сомнения в столь раннем приручении лошади [Levin 1999: 67]. Наиболее системно эта критика была представлена в работах П.А.Косинцева и П.Ф.Кузнецова [Kosintsev, Kuznetsov 2013].

Отметим, что образ лошади в парietальном искусстве палеолита Европы был чрезвычайно распространён. Количество изображений лошадей занимает первое место в пещерной живописи (27,6%), далее следуют бизон (20,6%), козерог (9,9%), мамонт (8,6%) и лань (6,7%) [Sauvet, Vlodarczyk 2001: tabl. 1]. Таким образом, доминирующее изображение лошадей было важнейшей составляющей ритуалов охотничьей магии, по Анри Брейлю, возникшей в позднем палеолите. В это время лошадь была одним из основных видов промысловой охоты. На территории Волго-Уралья эпизодическая охота на диких лошадей – тарпанов сохранялась вплоть до конца 18 века [Паллас 1773: 316, 317].

В раннем энеолите у всех рассматриваемых фигурок лошадей важной особенностью является короткая и стоячая грива. Это есть неотъемлемый признак всех диких пород лошадей, включая и современную лошадь Пржевальского. Стоячая грива сохраняется даже у европейских диких особей пржевальцев, несмотря на то, что у них есть значительный процент смешения с домашними лошадьми.

На всех костяных фигурках отсутствуют признаки узды, либо оголовья. Единственный элемент, который мог быть интерпретирован, как свидетельство контроля – насечки на нижней части ног у одной фигурки из мог. у с. Съезжее и двух фигурок из Варфоломеевской стоянки. Фигурки имеют одно центральное отверстие на холке, предназначенное для подвешивания в качестве кулона на шею человека. Фигурки выполнены из фрагментов тонкой трубчатой кости, имеющей вес всего в несколько грамм. То есть, объективно была задача снизить их раскачивание и придать устойчивое равновесие. О.С.Пастухова предположила, что насечки предназначались для крепления нитей с утяжелителями, в качестве которых выступали костяные трубочки, раковины, бусины, кремнёвые пластины (рис. 1: 8) [Пастухова 2017]. Такая интерпретация насечек вполне объективна, т.к. сверление отверстий на концах ног фигурок приведёт к их разрушению.

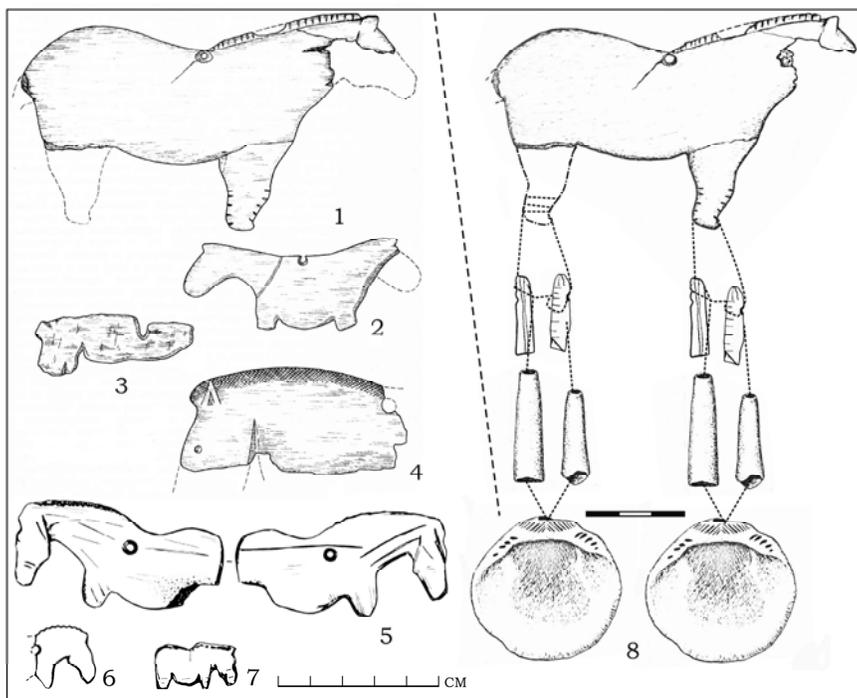

Рис. 1. Костяные фигурки лошадей раннего энеолита. 1, 2 – мог. Съезжее, разрушенные погребения; 3 – Виловатовская стоянка; 4 – мог. Липовый Овраг, п. 2; 5–7 – Варфоломеевская стоянка; 8 – реконструкция крепления амулетов-утяжелителей. 1-4 – по: Васильев 1981; 5-7 – по: Юдин 2004; 8 – по: Пастухова 2017

Итак, по сумме морфологических признаков, это фигурки диких лошадей – тарпанов, в ареале распространения которых находятся памятники Волго-Уралья. Вероятно, особая манера исполнения фигурок соответствует образу идеального массивного и тихходного промыслового животного. Этот особый стиль костяной пластики вправе именоваться как «самарский энео-реализм».

В позднем энеолите костяные фигурки исчезают из погребального обряда. Их замещают каменные навершия – скипетры, которые достаточно убедительно интерпретируются как «конеголовые» навершия скипетров [Дергачев 2007: 116–118]. Прослеживается одна важная (в контексте данной работы) закономерность – чем более реалистично изображение, тем меньше на нём присутствует признаков, которые могут быть косвенно интерпретированы как свидетельства узды. Но эти суждения оспариваемы.

То есть, мы вправе предполагать, что намершая также воспроизводит образ дикой лошади. В IV–III тыс. Cal BC изображения лошадей и их жертвенников исчезают из погребального обряда. Они появляются вновь в начале II тыс. Cal BC., но уже как, безусловно, домашние.

Новые результаты палеогенетических анализов ДНК решительно склонили чашу весов в пользу гипотезы Косинцева–Кузнецова о появлении домашней лошади не ранее конца III тыс. Cal BC [Librado, Orlando et al. 2021].

Работа проведена в рамках проекта РНФ 22-18-00194 «Эпохальная трансформация культурного и физического облика населения юга Среднего Поволжья и Приуралья в период неолит – ранний железный век по источникам археологии, антропологии, генетики»

Литература

- Васильев И.Б. 1981. Энеолит Поволжья (степь и лесостепь). Куйбышев
- Дергачев В.А. 2007. О скипетрах, о лошадях, о войне. Этюды в защиту миграционной концепции М. Гимбутас. СПб.
- Зайберт В.Ф. 2009. Ботайская культура. Алматы.
- Паллас П.С. 1773. Путешествие по разным провинциям Российской Империи. Часть первая. СПб.
- Пастухова О.С. 2017. Костяные фигурки лошадей раннего энеолита Восточной Европы // Новые материалы и методы археологического исследования. Материалы IV конференции молодых учёных. М. С. 57–59
- Юдин А.И. 2004. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов
- Kosintsev P., Kuznetsov P. 2013. Comment on «The Earliest Horse Harnessing and Milking» by Alan K. Outram et al. (Science 323, 6 March, 1332–1335, 2009) // *Tyragetia* s.n. Vol. VII [XXII]. Nr. 1. P. 405–408.
- Levine M. 1999. Botai and the Origins of Horse Domestication // *Journal of Anthropological Archaeology*. No. 18. 1999. P. 29–78
- Librado P, Orlando L, et al. 2021. The origins and spread of domestic horses from the Western Eurasian steppes // *Nature*. 2021. DOI: 10.1038/s41586-021-04018-9
- Sauvet G., Włodarczyk A. 2001. L'Art pariétal, miroir des sociétés paléolithiques // *Zephyrus*. No. 53-54, 2000–2001. P. 217–240

Кузнецов Павел Фёдорович — Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара, Россия —
Pavelf.kpf.kuznetsov@gmail.com

Искусство в контексте: орнаментированные изделия и предметы мелкой пластики раннего неолита п. Ракушечный Яр

На п. Ракушечный Яр в ранненеолитических слоях середины 6 тыс. до н.э. в ходе новых раскопок была найдена серия орнаментированных костяных, роговых и каменных изделий. Костяные изделия представлены в основном проколками и пластинками, покрытыми простыми геометрическими композициями из нарезок или реже – просверлённых округлых углублений. Найдена серия уникальных изделий – утилитарных (костяной орнаментированный футляр) и мелкой пластики (антропоморфные статуэтки из путовых костей лошади). Каменные изделия представлены тёслами и топориками с насечками по одной грани, грузилами с округлыми просверлёнными углублениями. Было обнаружено несколько фрагментов роговых тёсел с нарезками по краю. Все они имели утилитарную функцию, судя по исследованию аналогичного комплекса костяных изделий из раскопа I Т.Д.Белановской [Мэгро и др. в печати].

Набор изделий достаточно сильно отличается в различных слоях. В самых нижних слоях с раковинными вымостками/платформами были найдены отдельные орнаментированные проколки, фрагменты проколов [Dolbunova 2020]. В слое, который может быть интерпретирован как остатки постройки с глиняными полами, были зафиксированы зоны с концентрациями проколов, отдельно лежащим костяным футляром, рядом с которым были обнаружены многочисленные кремнёвые миниатюрные сверла. Именно к участку глиняного пола приурочены две антропоморфные статуэтки. Еще одна статуэтка происходит из раскопа I Т.Д.Белановской (слой 10). Традиция создания антропоморфных статуэток из путовых костей лошадей достаточно широко распространена во времени и пространстве. Аналогичные статуэтки синхронного времени были обнаружены на территории Нижнего Поволжья (п. Варфоломеевская), Анатолии (п. Тепеджик-Чифтлик).

Орнамент на костяных изделиях крайне прост, имеет довольно широкий круг аналогий, включая неолитические памятники Закавказья [Badalyan et al. 2022] и Нижнего Поволжья (п. Варфоломеевская). Однако здесь отсутствуют сложные геометрические композиции, представленные на п. Варфоломеевская [Юдин 2004].

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ФДНЧ в рамках научного проекта № 21-59-22008

Литература

- Белановская Т.Д. 1995. Из древнейшего прошлого Нижнего Подонья: Поселение времени неолита и энеолита Ракушечный Яр. СПб.
- Мэгро Й., Мазуркевич А.Н., Долбунова Е.В. Ранненеолитический комплекс костяных и роговых изделий п. Ракушечный Яр: технологические стратегии и функциональный контекст// Археология, антропология и этнография Евразии. Принята в печать
- Юдин А.И. 2004. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья: монография. Саратов
- Badalyan R., Chataigner C., Harutyunyan A. (eds.) 2022. The Neolithic Settlement of Aknashen (Ararat valley, Armenia). Excavation seasons 2004–2015. Oxford
- Dolbunova E.V., Tsybryi V.V., Mazurkevich A.N., Tsybryi A.V., Szymańska J., Kittel P., Zabilska-Kunek M., Sablin M.V., Gorodetskaya S.P., Hamon C., Meadows J. 2020. Subsistence strategies and the origin of early Neolithic community in the lower Don River valley (Rakushechny Yar site, early/middle 6th millennium cal BC): first results // Quaternary international. Vol. 541. P. 115–129

Долбунова Екатерина Владимировна — Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург, Россия — katjer@mail.ru

Мурашкин А.И.

Орнаментированные изделия из кости и рога на поселении неолита – эпохи бронзы Маяк 2 (Мурманская область)

Орнаментированные изделия из кости и рога на Кольском Севере были обнаружены при исследовании четырёх памятников. По подсчётам В.А.Березовской, на поселении Харловка 1-6 обнаружен один предмет, Усть-Дроздовка 3 – 6, Маяк 2 – 33 и в Кольском Оленеостровском могильнике (КОМ) – 15 [Березовская 2018: табл. 1]. На первых двух поселениях были раскопаны жилища типа гресбакен. На основании серий радиоуглеродных анализов они датируются 2620–2330 cal BC и 2035–1610 cal BC соответственно [Kolpakov et al. 2021: 38; Hood et al. 2022: 96–99]. Погребения КОМ имеют даты 1500–1100 cal BC [Kolpakov и др. 2019: 351–352]. Коллекция поселения Маяк 2 содержит находки от раннего неолита до РЖВ, радиоуглеродные даты имеют разброс 4730–1430 cal BC [Гурина 1997: 61–67, 85–89; Киселева 2019].

Не все орнаментированные изделия из кости и рога с поселения Маяк 2 были опубликованы. В публикации отсутствуют сведения о контекстах

их залегания [Гурина 1997: 110–111]. По моим подсчётам, всего обнаружено 54 артефакта, у 8 плоских предметов декорированы две стороны (всего 62 орнаментированных поверхности). Орнаментировались изделия из рога (20), плоских и трубчатых костей наземных млекопитающих (25), клыка моржа (3) и кости кита (1); у пяти изделий материал не определён. Большинство орнаментированных артефактов – орудия: стамески (8), острия (4), гарпуны (2), ножи из лопатки северного оленя (2), кочедык (1). Также представлены украшения и персональные предметы: подвески (5), гребни (3), заколка (1), игольник (1). В коллекции имеются 10 орнаментированных фрагментов орудий или предметов обихода (некоторые из них – обломки аккомодационных частей), а также 2 трубчатых птичьих (?) кости, 1 заготовка из рога оленя и 11 фрагментов кости и рога без следов обработки, но с нанесённым орнаментом. Уникальна пластина из китовой кости со стилизованным «изображением» личины.

В результате анализа полевой документации удалось определить контексты, в которых залегали некоторые орнаментированные предметы. Типологические аналогии из надёжно датированных памятников Северной Фенносканди, а также трасологический и технологический анализ орнаментированных изделий позволяют установить их относительную датировку. На памятнике уверенно выделяются предметы позднего неолита (период В, 2500–1600 cal BC) и эпохи бронзы (период С, 1500–1100 cal BC) [Мурашкин и др. 2019: 87–90].

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ, проект №23-28-00543 «Традиции косторезного производства в арктической зоне Фенноскандии в неолите и бронзовом веке»

Литература

- Березовская В.А. 2018. Периодизация орнаментов на костяных изделиях эпохи камня – раннего металла Северной Фенноскандии // Актуальная археология 4. Комплексные исследования в археологии. СПб. С. 146–150
- Гурина Н.Н. 1997. История культуры древнего населения Кольского полуострова. СПб.
- Киселева А.М. 2019. Поселение Маяк 2 на Кольском полуострове: новые данные и интерпретации // V Северный археологический конгресс. ТД. 11–14 декабря 2019. Ханты-Мансийск – Екатеринбург. С. 90–91
- Колпаков Е.М., Мурашкин А.И., Хартанович В.И., Шумкин В.Я. 2019. Кольский Оленеостровский могильник = Kola Oleneostrovsky cemetery. 1925–2013. СПб.–Вологда

- Мурашкин А.И., Малютина А.А., Киселёва А.М. 2019. Костяной и роговой инвентарь неолита – раннего железного века Северной Фенноскандии: типология, технология, трасология // Записки ИИМК. Вып. 20. С. 85–103
- Hood B.C., Helskog K., Shumkin V.Ya. 2022. Stone Age Houses on the Northern Rim of Europe. Arctic Norway and Russia's Kola Peninsula // More Than Shelter from the Storm: Hunter-Gatherer Houses and the Built Environment. Gainesville. P. 83–107
- Kolpakov E.M., Murashkin A.I., Kiseleva A.M., Shumkin V.Ya., Mannermaa K. 2021. Kharlovka 1-6 on the Kola Peninsula: One of the oldest Gressbakken house sites in northern Fennoscandia // Materiality and Objects: Multidisciplinary Approaches to Archaeological Material and Contexts. Proceedings of the 15th Finnish-Russian Archaeological Symposium, Hämeenlinna, 10–11 October 2019. ISKOS, 24. Helsinki. P. 21–42

Мурашкин Антон Игоревич — Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург, Россия — aimurash@yandex.ru

Малютина А.А., Мурашкин А.И., Такташева С.Д.

Предметы искусства и украшения поселения неолита – эпохи бронзы Маяк 2 (Мурманская обл.) из кости, рога и зубов: технология изготовления и использование

Поселение Маяк 2, датируемое от неолита до РЖВ, было исследовано КолаЭ ЛОИА АН СССР под руководством Н.Н.Гуриной в 1979–1984 гг. на площади 1032 кв.м. Здесь выявлено 14 объектов (остатков жилищ, раковинных куч), а мощность культурного слоя на некоторых участках достигала 0,8 м [Гурина 1997: 56–67, 85–89; Киселева, Мурашкин 2019]. Среди фаунистических остатков кости морских млекопитающих (гренландский тюлень, кольчатая нерпа, морж) составляют до 90 %, остальное – северный олень, медведь, бобр, песец, птицы и рыбы. Из рога северного оленя, костей крупных наземных, зубов морских и наземных млекопитающих изготовлено 564 изделия различных категорий; еще 1272 предмета имеют следы обработки [Шумкин 1984: 95–96].

Н.Н.Гурина среди древних предметов искусства на Кольском Севере выделяла орнаментированные изделия и скульптуру (круглую и плоскую) [Гурина 1997: 108–120]. Из 27 скульптурных изображений 9 изготовлено из камня и 18 – из рога и кости. Зачастую они украшают утилитарные и неутилитарные предметы – булавки, жезлы, рукояти орудий и др.

Рис. 1. Предметы искусства и украшения поселения Маяк 2. 1 – подвеска из клыка моржа с изображением хищника; 2 – макрофотография следов изготовления подвески. Фото: А.А.Малютина

Большинство этих изделий найдено на поселении Маяк 2. В древнем искусстве были представлены антропоморфные и зооморфные образы, среди последних – лось/северный олень, медведь, собака, морские и водоплавающие животные. Они легко узнаваемы, несмотря на схематизм. Кроме морфологического описания предметов древнего искусства были высказаны предположения о приёмах их изготовления: предварительное вымачивание и вываривание сырья, плоскостная/объёмная резьба с помощью каменных и, возможно, металлических орудий, тщательная шлифовка. Кроме того, Н.Н.Гурина [1997: 108] обратила внимание на заполировку поверхности многих изделий, образовавшуюся, вероятно, в результате их длительного употребления.

В результате экспериментально-трасологического исследования нам удалось уточнить выбор сырья, выявить приёмы первичной и вторичной обработки конкретных изделий, определить особенности их использования. Полученные данные рассматриваются как в контексте косторезного производства поселения Маяк 2, так и Северной Фенноскандии в целом. Так, на одном изделии из зуба (клык моржа?) с зооморфным изображением (рис. 1) отчетливо фиксируются следы изготовления в виде скобления каменным инструментом, гравировки деталей и прорезания отверстия в «хвосте» фигурки. Поверхность отличается интенсивной заполировкой (с блеском), а внутренний контур отверстия имеет деформацию ближе к одному краю, что вместе указывает на использование предмета в качестве украшения – кулона или нашивки на одежду.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ, проект №23-28-00543: «Традиции косторезного производства в арктической зоне Фенноскандии в неолите и бронзовом веке»

Литература

- Гурина Н.Н. 1997. История культуры древнего населения Кольского полуострова. СПб.
- Киселева А.М., Мурашкин А.И. 2019. Культурная стратиграфия поселения Маяк 2 на Кольском полуострове // Эволюция неолитических культур Восточной Европы. Материалы международной конференции, посвященной 120-летию М.Е. Фосс, 110-летию Н.Н. Гуриной и 80-летию А.Т. Синюка. СПб. С. 37–39
- Шумкин В.Я. 1984. Каменная и костяная индустрии мезолита – раннего металла Кольского полуострова: Дис. ... канд. ист. наук. Л.

Малютина Анна Андреевна — Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург, Россия — kostylanya@yandex.ru

Мурашкин Антон Игоревич — Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург, Россия — aimurash@yandex.ru

Такташева Снежана Дмитриевна — Институт истории материальной культуры РАН; Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия — snezok1967vasya@gmail.com

Косорукова Н.В., Лукинцева В.А., Гринина Т.С.

Изделия из кости с орнаментом на мезолитической стоянке Погостище 15 в бассейне оз. Воже

Изделия из органических материалов, которые сохраняются на памятнике Погостище 15 благодаря почвенным условиям, важны, кроме всего прочего, ещё и тем, что именно на них встречается орнамент. Правда, количество таковых невелико. Всего (по материалам раскопок 2011–2022 гг.) найдено 8 костяных изделий с орнаментом. В их числе представлены разные категории: наконечник стрелы, зубчатое остриё, орудие с пазом и вкладышами, широкий нож из лопаточной кости, рукоятка, два игольника и изделие неясного назначения, причем 6 последних представлены обломками.

Орнамент чаще представлен несложными комбинациями линий, чёрточек, штрихов или отдельных значков, расположенных в виде простых узоров на отдельных участках и занимающих небольшую часть верхней поверхности предмета. Только в одном случае изделие почти полностью украшено орнаментом, но оно представлено обломком, поэтому, орудие в целом могло быть украшено и не по всей поверхности. Это, возможно, рукоятка какого-то орудия, довольно тонкая и плоская (1,5 мм толщиной), удлинённой формы размерами 6,9×0,8–1,7 см, один конец обломан, второй раскрошен. Верхняя поверхность тщательно зашлифована. Одна сторона полностью покрыта орнаментом, состоящим из трёх линий, расположенных вдоль длинной оси предмета (две – по краям, одна – в центре) из заштрихованных прямыми линиями треугольников. Между заштрихованными треугольниками – незаштрихованные ромбы. На второй стороне орнамент другой и занимает примерно половину стороны обломка, узор состоит из более длинных линий и коротких. Более длинные линии расположены под углом друг к другу, идут от центра к краям, так что получается ёлочный узор; более длинных линий всего пять: три с одной стороны и две с другой. От них отходят короткие прямые вертикальные линии-штрихи. В целом, данный узор несколько напоминает также хвост птицы; возможно, часть орнамента на второй стороне стёрлась (рис. 1: 3).

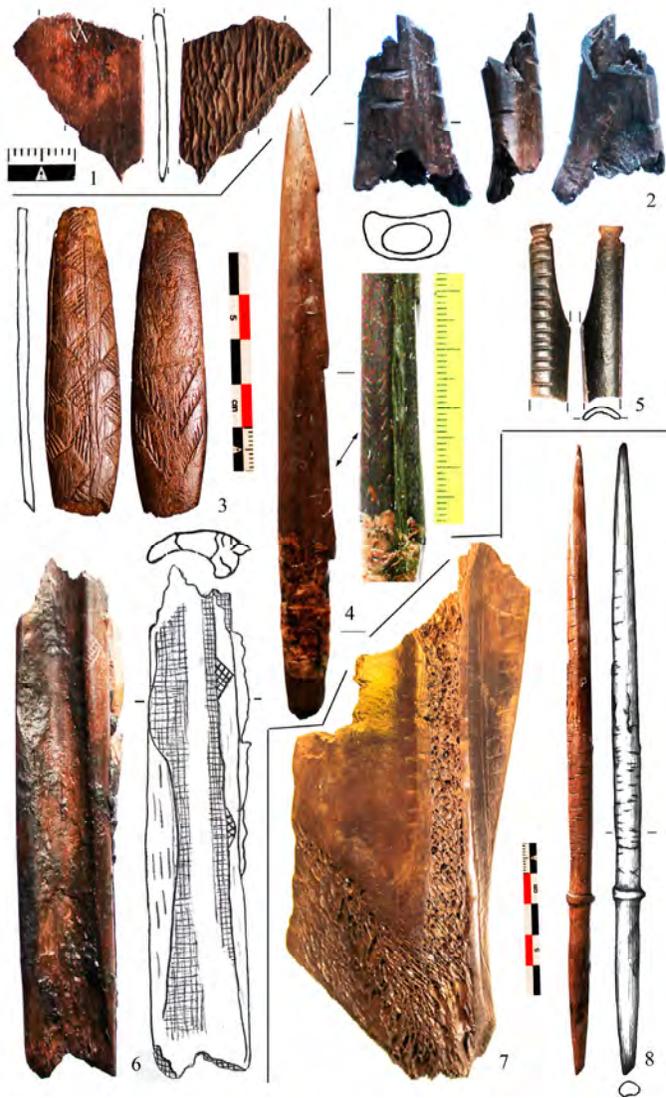

Рис. 1. Погостище 15. Костяные изделия с орнаментом: 1 – фрагмент изделия, 2,5 – обломки игольников (?), 3 – обломок рукоятки, 4 – зубчатое остриё, 6 – обломок изделия с пазом и вкладышами, 7 – фрагмент ножа из лопаточной кости, 8 – наконечник стрелы

Два обломка изделий предположительно отнесены к категории игольников, они украшены схожим образом – вертикальными рядами из горизонтальных прямых коротких линий-насечек. Один экз. – короткий обломок полый внутри кости, украшен тремя вертикальными рядами из горизонтальных прямых коротких насечек, два ряда проходят по боковым поверхностям кости, третий – по широкой выпуклой стороне (рис. 1: 2). Второй экз. – обломок изделия из очень тонкой трубчатой кости небольшого диаметра (7–10 мм), украшен орнаментом в виде вертикального ряда из горизонтальных прямых коротких линий-насечек, которых 15; в верхней части прослеживаются следы маленьких круглых отверстий для подвешивания; поскольку у данного предмета сохранилась только одна сторона полый трубчатой кости, то можно только предполагать, что такая линия из насечек могла быть и не одна на изделии в целом (рис. 1: 5).

Подобный подход – наличие вертикальных рядов из горизонтальных прямых коротких насечек – имеется еще на двух предметах: на наконечнике стрелы и ноже из лопаточной кости. Узкий плоский наконечник с рельефным ободком в нижней трети орудия (над насадом) и уплощённо-овальным сечением украшен орнаментом в виде коротких горизонтальных насечек, расположенных продольными рядами на участке от рельефного ободка и до 2,5–3 см от острия, а сразу над рельефным ободком прочерчены короткие крестики (в виде лежащей римской цифры «X») (рис. 1: 8). На обломке ножа из лопаточной кости орнамент состоит из горизонтальных прерывистых линий, расположенных тремя вертикальными рядами: один ряд слева от гребня кости и два ряда справа (рис. 1: 7).

На целом зубчатом острие с тремя короткими низкими зубцами и сохранившейся берестяной обмоткой на насаде орнамент занимает небольшой участок длиной 1,3 см в центральной части орудия, выше берестяной обмотки. Этот орнамент напоминает ёлочный узор: короткие линии-чёрточки расположены под углом друг к другу, количество чёрточек – по 6 с каждой стороны (рис. 1: 4).

Другого типа орнамент выявлен на обломке вкладышевого орудия типа ножа или кинжала: на двух небольших участках около края с пазом нанесены две подтреугольные фигуры, заполненные пересекающимися под прямым углом линиями; размеры треугольников составляют всего 0,9×0,4 см и 1×0,2 см (рис. 1: 6).

Последний предмет – это небольшой плоский обломок изделия неочевидного назначения, на котором имеется часть значка типа римской цифры «X» с загнутыми концами (рис. 1: 1).

Косорукова Наталья Валентиновна — Череповецкий государственный университет, г. Череповец, Россия — natalikcher@mai.ru

Лукинцева Валерия Алексеевна — Череповецкий государственный университет, г. Череповец, Россия — marskot7@mail.ru

Гринина Татьяна Станиславовна — Череповецкий государственный университет, г. Череповец, Россия — tatianka.kos@mail.ru

Панина С.Н.

Новые находки культовой пластики на Усть-Вагильском холме (лесное Зауралье)

Усть-Вагильский холм – культовое место, посещаемое древним населением, начиная с раннего неолита до XIII в. включительно. Он расположен на северо-востоке Свердловской области, в Гаринском районе, на левом берегу р. Тавды в месте впадения в неё р. Вагиль. Это искусственное насыпное сооружение, размерами 53×48 (ЗВ×СЮ). С 2005 по 2015 гг. Свердловский областной краеведческий музей им. О.Е.Клера проводил охранные раскопки восточной части холма и примыкающего к нему с юго-восточной стороны участка у подошвы холма. Среди разновременных находок холма внушительную долю составляют поделки культового характера, в основном, из глины. Опубликовано 44 глиняные поделки, одна фигурка (антропоморф?) из камня, одна костяная поделка (накладка?) ихтиоморф, пять фрагментов сосудов с налепами в виде рельефных и графических зоо-, орнито-, антропоморфных личин [Панина 2008; 2011; 2015]. Большая часть культовых скульптурок фрагментирована и зафиксирована в переотложенных слоях памятника на разных глубинах вне контекста. Но есть фигурки, покрытые снаружи белёсым известковым налётом. Нижние слои памятника в ранние периоды его существования подтоплялись водами реки во время разлива и минерализовались. Поэтому белёсый налёт на находках, встреченных в верхних слоях раскопа, свидетельствует о раннем возрасте артефакта. По этому основанию часть культовых фигурок была отнесена к эпохам неолита–энеолита. Массивная фигурка летящей птицы со сквозным отверстием на спине и отсутствующей головой была найдена в жертвенном комплексе с черепом северного оленя, фрагментом медного котла. По фрагменту котла из комплекса глиняную поделку можно датировать ранним железным веком.

В процессе раскопок 2011–2015 гг. были получены новые находки культовой пластики на холме. По типологии усть-вагильских культовых

находок, предложенной в публикации 2015 г., часть из них относится к мелким сфероидам и т.н. «фишкам» с плоским основанием и слегка выпуклой поверхностью, иногда со следами насечек, параллельных линий. Часть поделок – это удлинённые цилиндрические фигурки из глины, иногда с вмятинами, часто с обломанными верхним или нижним концом. Особый интерес представляет глиняная поделка в виде фигурки – столбика с округлым верхним концом (голова?), без орнамента.

В 2015 году был найден фрагмент орнитоморфной скульптурки (шея и часть крыла) аналогичной фигуре летящей птицы, датируемой ранним железным веком.

Особенности технологии изготовления двух аналогичных фигурок в отличие от большинства культовых поделок, позволяет поставить вопрос о возможности разделения глиняной скульптуры Усть-Вагильского холма хронологически.

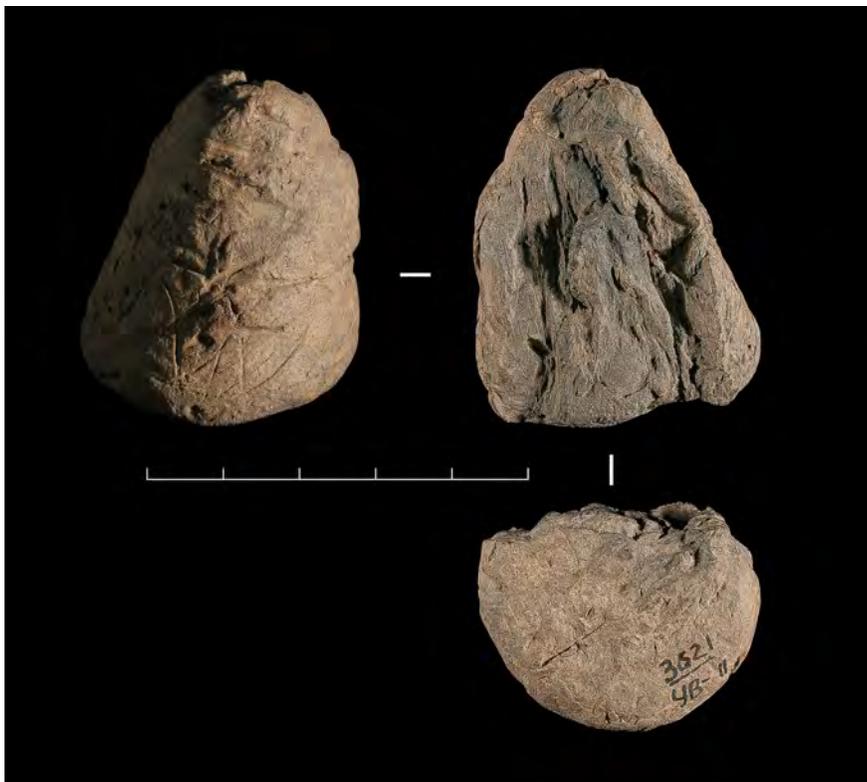

Рис. 1. Фрагмент глиняной фигурки из раскопок Усть-Вагильского холма в 2011 году

Впервые на холме найдена массивная глиняная фигурка (фрагмент) конусовидной формы с округлой вершиной (рис. 1). На сохранившейся стороне фигурки виден орнамент, прорисованный очень тонким орудием. Элементы узора: зигзаг, заключенный в рамку из двух параллельных линий, расположенный в нижней части фигурки и хаотично нанесенные неглубокие ямочки вдавления.

В 2015 году впервые на Усть-Вагильском холме было найдено изображение головы лося, выполненное в технике уплощающей ретуши на отщепе из кремня.

Часть находок культовой пластики Усть-Вагильского холма имеет прямые аналогии в материалах стоянок лесной зоны Восточной Европы. Вместе с тем, на холме встречены отдельные экземпляры, не имеющие аналогов ни в Восточной Европе, ни в Западной Сибири.

Литература

- Панина С.Н. 2008. Археологические исследования на Усть-Вагильском холме (2005-2006) // Вопросы археологии Урала. № 25. С. 137–146
- Панина С.Н. 2011. Рельефные и графические изображения личин под венчиками сосудов эпохи неолита Усть-Вагильского холма // Вопросы археологии Урала. Вып. 26. С. 141–144
- Панина С.Н. 2015. Культовая пластика из раскопок Усть-Вагильского холма // Тверской археологический сборник. Вып. 10. Тверь. С. 479 – 489

Панина Светлана Николаевна — Свердловский областной краеведческий музей им. О.Е. Клера, г. Екатеринбург, Россия — snpanina@yandex.ru

Борисевич Е.А.

Резное антропоморфное изображение со стоянки Коломцы Северного Приильменья

Стоянка Коломцы находится в шести километрах к югу от Великого Новгорода, в истоке р. Волхов. Она была открыта в 1888 г. «пионером новгородской археологии» В.С.Передольским. Общая площадь исследованных культурных напластований за десять лет работы составила более 1500 кв. сажень, собранная коллекция насчитывала более 60 тыс. предметов [Передольский 1893].

В архивных записях В.С.Пономарёва (внука исследователя) есть упоминание о 47 погребениях, открытых на Коломцах, но лишь погребение

№ 3, изученное В.С.Передольским в 1891 г., имеет описание. «Кости конечностей человека были сложены четырёхугольником, посередине которого лежал череп, а под ним – фаланги пальцев» [Передольский 2014: 91]. Такой погребальный обряд не характерен для неолита лесной зоны Восточной Европы, поиск аналогий вызывает трудности. Нельзя исключать, что В.С.Передольский признал за непотроженное погребение переотложенные кости. Из-за отсутствия должной документации вопрос интерпретации описанного объекта на данном этапе исследований остаётся нерешённым.

Инвентарь погребения № 3 был представлен ножевидной кремнёвой пластинкой, обломками янтарных бус, фрагментом лапы медведя (фаланга с когтем) и скульптурной головкой человека. Фигурка была вырезана из кости, в длину составляла 29,5 мм, в ширину – 15 мм, в толщину – 3,5 мм [Peredolsky 1893: 144]. Отмечается, что некогда это было изображение человека целиком, о чём свидетельствует слом в районе шеи. В верхней части головы сохранился фрагмент сверлины-крепления, что позволяет предполагать использование предмета в качестве амулета. Голова имела вытянутые пропорции: узкое лицо с высоким лбом сильно сужалось к подбородку, глаза лежали под прямым углом к длинному носу [Peredolsky 1893: 144; Передольский 2014: 91–92]. Рисунок фигурки, выполненный Н.В.Передольской-Пономарёвой, был опубликован в книгах Вл.В.Передольского «Антропология» (1901 г.) и «Первобытный человек» (1925 г.).

Скульптурное антропоморфное изображение, как и другие коломецкие находки, хранилось в частном музее Передольских. После утверждения в стране советской власти, экспонаты были изъяты и переданы в Новгородский музей. В годы Великой Отечественной войны часть коллекции Новгородского музея была вывезена в Германию [Торопова 2007: 122], часть погибла во время бомбёжки оккупированного Новгорода. Чуть более пятисот артефактов из коллекции Передольских удалось спасти, ныне они хранятся в фондах Новгородского государственного музея. Костяной антропоморфной фигуры среди них нет.

Известно, что в г. Марбург хранятся архивы С.В.Пономарёва – сотрудника новгородского музея, коллаборациониста, первого бургомистра оккупированного Новгорода, выехавшего вместе с немцами в Германию в 1944 г. в качестве лица, сопровождавшего вывозимые новгородские и псковские музейные экспонаты [Ковалёв 2011: 19–20]. Потомки семьи сообщают, что резное изображение человека «эмигрировало в Германию вместе с внуком Василия Степановича» [Передольская 2005: 6]. Однако где именно оно хранится – неизвестно.

Резные антропоморфные изображения, изготовленные из кости, дерева, рога и янтаря, известны на поселениях неолита–энеолита лесной зоны Восточной Европы. Наибольшее количество фигурок происходит с северо-западных районов (территория стран Восточной Прибалтики, Псковской и Ленинградской областей), а также с пограничных территорий (Финляндия, Швеция, на Севере и в Центре Европейской части России) [Кашина 2009: 38–52]. Ближайшими аналогиями коломецкой скульптуры являются антропоморфные изображения из могильников Тамула I (Эстония) и Звейниекы (Латвия), датирующиеся IV–III тыс. до. н.э.

Резная фигура человека с Коломцов позволяет отнести стоянку к кругу восточно-прибалтийских древностей и предварительно датировать её поздним неолитом. Описание и рисунок изображения дают понимание о характеристиках данного артефакта и позволяют рассматривать его в контексте изучения искусства малых форм неолита–энеолита лесной зоны Восточной Европы. Предмет является примечательной находкой, позволяющей получить новые данные в изучении сетей культурного взаимодействия стран Балтии в период неолита.

Литература

- Кашина Е.А. 2009. Резные антропоморфные изображения неолита-энеолита лесной зоны Восточной Европы и Скандинавии // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 4. Липецк. С. 38–52
- Ковалёв Б.Н. 2011. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. М.
- Передольская А.В. 2005. Архив В.С. Пономарёва. Великий Новгород
- Передольский В.В. 2014. Утраченная коллекция древностей. Великий Новгород
- Передольский В.С. 1893. Бытовые остатки насельников Ильменско-Волховского державства и земель Велико-Новгородского державства каменного века. СПб.
- Торопова Е.В. 2007. Памятники археологии Новгородской области: история изучения XVIII — начало XX в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. М.
- Pérédolsky V. 1893. L'époque paléolithique dans les environs de ville de Novgorod // Congrès International d'Archéologie préhistorique et d'Anthropologie, 11ème Session à Moscou du 1/13 — 8/20 Août 1892. Imprimerie de l'Université Impériale. С. 141–144

Борисевич Екатерина Алексеевна — Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого; Новгородский государственный объединённый музей-заповедник, г. Великий Новгород, Россия — ek.razheva.novsu@mail.ru

Значение рисунка на гальке рессетинской культуры стоянки Ланино I/8

В финальном палеолите Европы наметилось выделение нескольких центров мобильного искусства, которые продолжали существовать после климатических потрясений рубежа плейстоцена–голоцена и явились основой для искусства эпохи мезолита [Płonka et al. 2003]. Уникальной является стоянка Штельмоор, где в слоях гамбургской и аренбургской культур представлены орнаментированные геометрическими узорами фаунистические остатки. По материалам стоянки Штельмоор, в слое аренбургской культуры, зафиксировано наличие ритуального культового места, где происходило жертвоприношение животных на берегу пруда [Rust 1943: 217]. Ритуальные убийства были не только животных, но и людей. В обобщающей работе [van Beek R. et al. 2023] доказываются существование ритуальных жертвоприношений людей на основании изучения более 1000 мумий из болот Северной Европы, датированных голоценом (9000 BC–AD 1900). В большинстве случаев причиной смерти была травма головы, но авторы отмечают сложность интерпретации убийства именно как ритуального. Также неоднозначно обстоит понимание погребального обряда могильника Манино 2 рессетинской культуры, где присутствуют следы «совершения ритуальных действий, которые производились с костяками, возможно расчлененными» [Сорокин 2011: 101; Сорокин и др. 2018: 217–231]. В этой связи представляется важным вернуться к содержательной части гравировки женского тела на гальке из слоя рессетинской культуры стоянки Ланино I/8 [Синицына и др. 2018]. Изображение схематическое: гравировка размещена на плоскости гальки так, что места для головы нет (рис. 1: 1 *a, б*). Более того, на месте головы отчётливо фиксируются негативы сколов, заполненные красной охрой (рис. 1: *a*). В области талии и рядом с треугольником Венеры нанесены v-образные нарезки, в заполнении которых также видна окрашенность, что может свидетельствовать о месте нанесения ударов. Комплекс аналитических методов показал – на гальку наносили специально приготовленные «краски» с использованием органического связующего вещества [Синицына и др. 2018]. Галька с изображением женского тела анфас без головы и стоп происходит из аренбургской стоянки Гельдроп III-1 (рис. 1: 2). На лидитовой гальке выгравировано изображение «танцующей женщины» [Rozoy 1978: fig. 24], при этом размеры галек примерно одинаковы. На обеих гальках рисунок расположен так, что окончание головы и ног не могли быть прорисованы. На лидитовой гальке

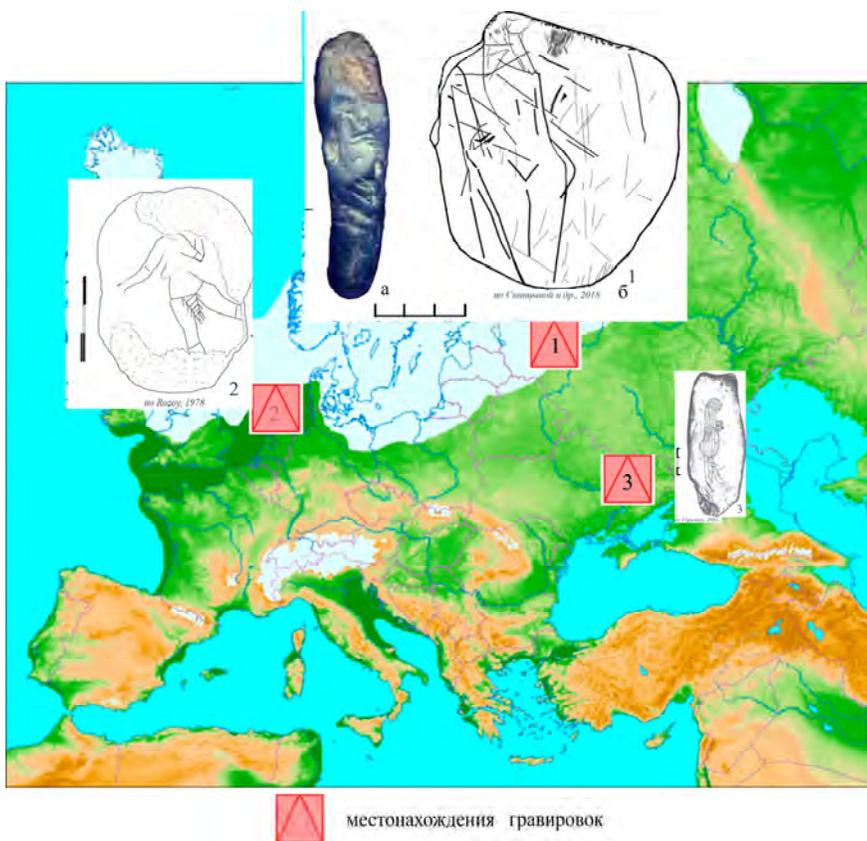

Рис. 1. Карта местонахождений гравировок. 1 – стоянка Ланино I/8: а – боковая сторона б – рисунок лицевая сторона; 2 – стоянка Гельдроп III-1

на месте головы зафиксированы сплошные выбоины, возможно связанные с её использованием как отбойника, до, после или наряду с использованием в ритуальной практике – вопрос остаётся открытым.

Обе гравировки Северной Европы отличаются от синхронных профильных женских изображений культур южных регионов. Если зооморфные изображения традиционно связываются с охотничьей активностью, то цель изображения обезглавленных женщин остаётся непонятной. Здесь мы предполагаем, что они связаны с ритуальной практикой человеческого жертвоприношения.

Исследование проведено в рамках государственного задания «Древнейшие обитатели Севера Евразии: расселение человека в каменном веке, технологии производства» (FMZF-2022-0012)

Литература

- Синицына Г.В., Григорьева И.А., Медникова Е.Ю. 2018. Гравировка на гальке (по материалам стоянки каменного века Ланино 1/8 в Тверской области) // ЗИИМК. №17. С. 195 – 207
- Сорокин А.Н. 2011. Стоянка и могильник Монино 2 в Подмосковье. М.
- Сорокин А.Н., Грачёва Р.Г., Добровольская Е.В., Добровольская М.В. 2018. Геоархеология Заболотского края (13500 – 7500 cal BC). М.
- Plonka T., Bobak D., Szuta M. 2003. The Portable Art of Mesolithic Europe. The Dawn of the Mesolithic on the Plains of Poland, Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego. Wrocław
- Rozoy J.-G. 1978. Les derniers chasseurs. L'épipaléolithique en France et en Belgique: essai de synthèse. Charleville: Société Archéologique Champenoise. (Bulletin, Numéro spécial). T. 1
- Rust A. 1943. Die alt- und mittelsteinzeitlichen Funde von Stellmoor. Holstein
- Van Beek, R., Quik C., Bergerbrant S., Huisman F., Kama P. 2023. Bogs, bones and bodies. The deposition of human remains in northern European mires (9000 BC–AD 1900) // *Antiquity* 97(391): 1. P. 1–21. 2023. Doi: 1015184/agy.2022.163

Синицына Галина Васильевна — Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург, Россия — gs-2848sg@yandex.ru

Клементьева Т.Ю., Погодин А.А.

Скульптурный декор на посуде раннего неолита Кондинского бассейна

Сосуды со скульптурным декором являются ценным источником по духовной культуре древнего населения и оригинальным маркером культурных взаимодействий. В неолите Северной Евразии определены два основных ареала посуды с фигурными налечами – Восточная Балтика и Зауралье, которые формировались независимо друг от друга [Жульников 2012]. В горно-лесном Зауралье скульптурный декор многообразно представлен на керамике кокшаровско-юрьинского и кошкинского типа раннего неолита (конец VII – VI тыс. до н. э.), происходит с площадок культовых холмов [Шорин, Шорина 2016]. На севере Западной Сибири (бассейн р. Конды, прав. приток р. Иртыш) посуда раннего неолита со

скульптурным декором обнаружена на сезонных поселениях, что существенно расширяет зауральский ареал этого явления.

Ранний неолит р. Конды (последняя треть VII тыс. до н. э.) характеризуют материалы памятников мулымьинского типа. Посуда толстостенная, плоскодонная, орнаментирована в накольчатой и прочерченной технике [Клементьева, Погодин 2020]. Скульптурный декор на сосудах мулымьинского типа представлен валиками, ими украшено до 30 % сосудов, а также налепами (3 сосуда) и фронтальными выступами по краю – ушками (4 сосуда).

Овальные по форме налепы расположены перпендикулярно краю с внешней стороны сосудов. На налепах отсутствует проработка деталей (глаза, рот, уши), а под ними – особый, расчленяющий основное орнаментальное поле, мотив (рис. 1: 2, 4). Интересно сочетание двух видов скульптурного декора – валиков и налепов. На одном из сосудов Сумпаны 2 массивный налеп обращён внутрь ёмкости, а снаружи оформлен валик в виде широкого зигзага, одна из вершин которого примыкает к краю ёмкости напротив налепа (рис. 1: 5). На сосуде Мулымья 3 налепной валик, опоясывающий сосуд в верхней части, под прямым углом примыкает к краю ёмкости, сближаясь по форме с налепом (рис. 1: 3). Ушки на посуде мулымьинского типа выполнены двумя способами – налепом небольшого куска глины на срез венчика (рис. 1: 6, 7) или преднамеренной деформацией устья с утолщением края (рис. 1: 1). Налепные ушки имеют форму высокого овала, в одном случае на внешней поверхности ушка смоделировано конусовидное утолщение. В графическом орнаменте зона под ушком не выделена. На неорнаментированном сосуде в области деформации устья с внутренней стороны нанесены два столбца наколов.

В «культурах плоскодонного неолита» урало-западносибирского региона три вида скульптурного декора (валики, ушки, налепы) представлены на посуде сатыгинского типа (Усть-Вагильский холм, поселение Нижнее озеро III), а один, в виде валиков, – на боборыкинской керамике (поселение Мergenъ 6) и посуде каюковской культуры. Проведённый обзор показывает, что основные формы скульптурного декора – валики, налепы, ушки – присутствуют на древнейшей посуде в исследуемом регионе. С появлением керамики на этот новый пластичный материал, очевидно, были перенесены образы (мифологические сюжеты) из предшествующей мезолитической эпохи. «Прототипами» рельефных изображений на глиняной посуде гипотетически являются барельефные изображения личин на Большом Шигирском Идоле и диске со стоянки Береговая II [Савченко, Жилин 2020].

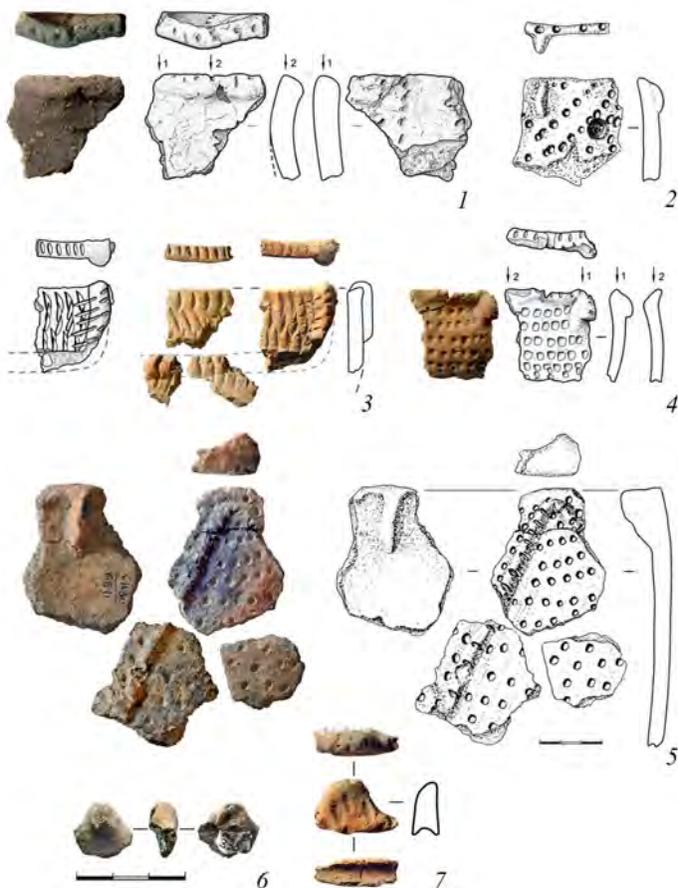

Рис. 1. Скульптурный декор на посуде раннего неолита поселений Мулымья 3 (1, 3, 4, 6, 7) и Сумпанья 2 (2, 5)

Литература

- Жульников А.М. 2012. Скульптурные изображения на керамической посуде в контексте связей древнего населения Восточной Европы и Зауралья // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. История. 2012. № 1. С. 12–17
- Клементьева Т.Ю., Погодин А.А. 2020. Стратификация керамических комплексов неолита реки Конды // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 19, № 7: Археология и этнография. С. 216–228

- Савченко С.Н., Жилин М.Г. 2020. Каменный диск-навершие из поздне-мезолитического слоя стоянки Береговая II в Среднем Зауралье // КСИА. Вып. 259. С. 86–99
- Шорин А.Ф., Шорина А.А. 2016. Кокшаровский холм: неолитические сосуды с рельефными изображениями // УИВ. 2016. № 4 (53). С. 15–24

Клементьева Татьяна Юрьевна — Институт истории и археологии УрО РАН, ООО НАЦ «АВ КОМ – Наследие», г. Екатеринбург, Россия — KlementjevaT@yandex.ru

Погодин Андрей Альбертович — ООО НАЦ «АВ КОМ – Наследие», г. Екатеринбург, Россия — pogodin1966@efndex.ru

Шорина А.А., Шорин А.Ф.

Глиняная пластика Кокшаровского холма

При интерпретации Кокшаровского холма как неолитического святилища выделены многочисленные маркеры сакрального пространства памятника [Шорин 2010]. Одними из них являются зоо- и орнитоомфные изображения и специфические предметы мелкой глиняной пластики.

Первые представлены обломком поделки и ручкой сосуда в виде головок птиц, миниатюрным сосудиком, напоминающем изображение птицы, а также сосудами с рельефными налепами; вторые – поделками сферической и биконической форм и «утюжками».

Обломок верхней части поделки выполнен в виде головы птицы, видимо, утки (рис. 1: 4). Его высота 3,3 см, ширина от 1,8 в шее до 3,3 см в клюве. На лбу (макушке) – отверстие в 2 мм. Орнамент отсутствует, поэтому культурная принадлежность артефакта неясна.

Ручка сосуда, скорее кошkinsкого, выполнена как фигурный налеп длиной 2,5 см на горловине в виде изящной головки птицы с длинным изогнутым клювом, скорее всего утки, являлась его ручкой (рис. 1: 7). Ещё одно изображение птицы представлено миниатюрным сосудиком размером 2,9×1,6×1,3 см. В перевёрнутом положении у сосуда читается чуть загнутый клюв, а также с одной стороны глаз, образованный пальцевым нажимом (рис. 1: 3).

К этой же категории артефактов отнесены сосуды с зоо- и орнито-морфными рельефными налепами: 108 фр. не менее чем от 90 ёмкостей. В литературе они охарактеризованы [Шорина, Шорин 2016].

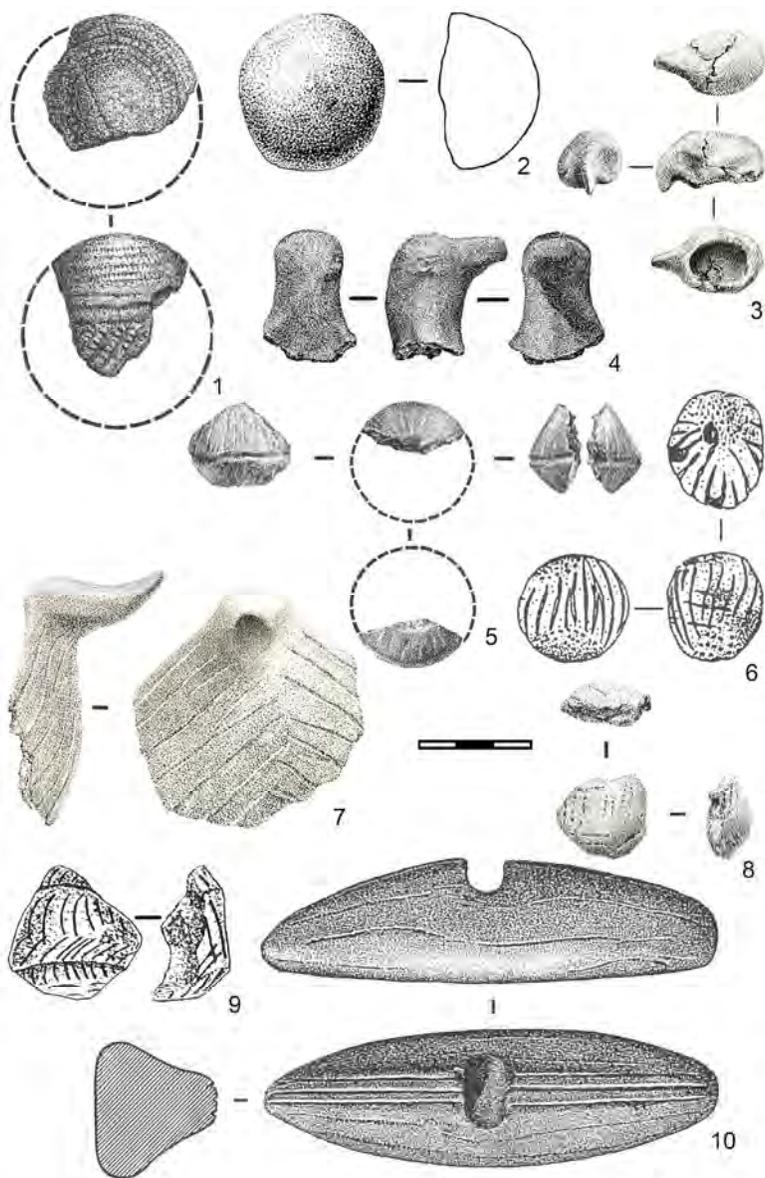

Рис. 1. Глиняная пластика Кокшаровского холма. 1, 2, 5, 6, 8, 9 – изделия сферической и биконической форм; 3, 4, 7 – изделия с орноморфными изображениями, 10 – «утюжок»

Ко второй группе относятся одна целая и 7 обломков поделок сферической и биконической форм. Целый артефакт – это сплюснутый шарик размером 3,2×3 см с отверстием в центре. Орнаментирован прямыми резными линиями (рис. 1: 6). Реконструированные размеры трёх обломков составляют 3×2,5 см и 2 экз. диаметром около 5 см. Не орнаментирован только один из них (рис. 1: 2). На 5 экз. орнамент нанесён палочкой в прочерченной, отступающе- и линейно-накольчатой технике короткими дугообразными резными насечками, что свойственно раннеолитической кошкинской и кокшаровско-юрьинской орнаментальным традициям (рис. 1: 1, 5, 9). Один артефакт орнаментирован рядами 4-зубого гребенчатого штампа (рис. 1: 8). Это больше свойственно полуденской посуде, хотя оттисками печатного штампа заполнялись и разделительные зоны кокшаровско-юрьинских сосудов.

Специфика 7 «утюжков» памятника (наличие ещё одного утюжка на Холме со слов Ю.Б.Серикова упоминает И.В.Усачева [2013: 336–337], но описания и рисунка его нет) проявляется в материале их изготовления: они глиняные (по подсчетам И.В.Усачевой [2013: 34] только 6,5 % утюжков изготовлены из глины). 5 из них представлены обломками; изготовлены из формовочной массы низкого качества, что могло быть одной из причин их фрагментарности. Отмечается небрежность (скошенные желобки) при изготовлении и орнаментации (сбивчивый орнамент) изделий, что скорее свидетельствует о их неутилитарном назначении. Один целый экземпляр (рис. 1: 10) изготовлен из хорошо отмученного талькового теста, сильно залощен, его основание к тому же покрыто нагаром; трасологический анализ зафиксировал следы его использования [Алексашенко 2004: 243]. Орнаментальные схемы в виде различного сочетания прямых, диагональных и волнистых линий, ромбической сетки нанесены тонкой палочкой в отступающе-накольчатой технике, прочерчиванием и наколами, что вполне соответствует декору сосудов кошкинского и кокшаровско-юрьинского типов.

Проанализированные выше категории артефактов с большой вероятностью использовались на культовом памятнике в ритуальной сфере. Но в тоже время оценка этих изделий мелкой пластики и предметов быта (сосуды) как вида искусства также очевидна.

Литература

- Алексашенко Н.А. 2004. «Утюжки» под микроскопом // Культовые памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург. С. 239–254
Усачева И.В. «Утюжки» Евразии. Новосибирск, 2013

Шорин А.Ф. 2010. Святилище Кокшаровский холм в Среднем Зауралье: маркеры сакрального пространства // Уральский исторический вестник. 2010. № 1 (26). С. 32–42

Шорин А.Ф., Шорина А.А. 2016. Кокшаровский холм: неолитические сосуды с рельефными изображениями // Урал. ист. вестник Уральский исторический вестник. 2016. № 4 (53). С. 15–24

Шорина Анастасия Александровна — Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург, Россия — aashor@mail.ru

Шорин Александр Фёдорович — Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург, Россия — shorin_af@mail.ru

Муравьев Р.И., Холкина М.А., Герасимов Д.В.

Глиняная фигурка водоплавающей птицы с поселения Берёзово 2

Поселение Берёзово 2 на севере Карельского перешейка в Северо-Западном Приладожье исследовано в 2018 году [Герасимов и др. 2018]. Раскопками получены материалы периодов позднего мезолита, неолита и энеолита/эпохи раннего металла. Керамика стоянки (более 4500 ед., не менее 51 сосуда) представлена несколькими типами IV–III тыс. до н.э., наиболее многочисленны фрагменты типичной гребенчато-ямочной с примесью дресвы, поздней гребенчато-ямочной с органической примесью и асбестовой керамики [Холкина и др. 2020].

Примечательна находка фигурки плывущей или сидящей водоплавающей птицы с длинной шеей, расположенной под прямым углом к телу, изготовленной из глины с примесью дресвы и песка. Такой состав характерен для представленной на памятнике типичной гребенчато-ямочной керамики среднего неолита. Фигурка изготовлена из одной сложенной зигзагом глиняной ленты округлого сечения длиной около 8 см, толщиной 1,2–1,6 см. Лента слегка сужается в области перехода от шеи к голове и формирует хвост на противоположной стороне. Фигурка собрана из двух фрагментов, голова и часть туловища отсутствуют. На нижней части туловища по мокрой глине была сделана глубокая подквадратная ямка для насаживания фигурки на палочку. Ямка проходит почти по всей толщине туловища, но не была сквозной до фрагментации фигурки. Фигурка могла изображать утку, гуся или лебедя, но схематичность изображения исключает точное видовое определение.

Лепные орнитоморфные скульптуры в каменном веке Фенноскандии сравнительно редки, но известны по единичным находкам и в составе комплектов зоо- и орнитоморфных фигурок. Аналогии фигурке из Берёзово 2 известны на территории Прибалтики, Финляндии, Европейской части России и датируются IV – первой половиной III тыс. до н.э. По форме фигурка наиболее близка находкам на поселениях Пески 4а и Чёрная Речка 3 в Карелии, стоянке Польцо в Тверской области [Кашина 2007], а также на стоянках Финляндии – Оутокумпу 17 Линтуторни [Karjalainen 1997] и Рьяккюля Пёрримёкки [Pesonen 2000].

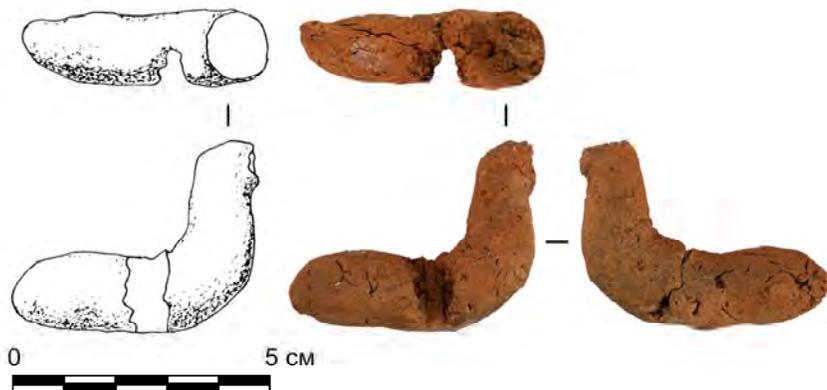

Рис. 1. Орнитоморфная фигурка с поселения Берёзово 2. Рис.: М.А.Холкина, фото: С.Б.Шапиро.

Вероятно, фигурка не была хорошо просушена до попадания в огонь, что привело к её частичному растрескиванию при обжиге. Данное наблюдение, как и в целом слабая проработанность деталей и отсутствие орнамента, может говорить в пользу ранее высказанного предположения, что изготовление и использование подобных фигурок носило эпизодический характер, было кратковременным или единичным [Журавлёв 1972; Pesonen 2000; Жульников, Кашина 2010]. Наличие гнезда для закрепления на палочке указывает на то, что фигурка не была носимым украшением. Этот артефакт мог быть изготовлен ситуативно для конкретного ритуала домашней или охотничьей магии. В таком случае сам образ и проводимый ритуал могли иметь большее значение, чем материальное воплощение и детальная передача изображения прототипа.

Предлагаемая интерпретация позволяет рассматривать фигурку птицы из раскопок Берёзово 2 как свидетельство сложной системы символического миропонимания носителей культуры типичной гребенчато-ямочной

керамики, в котором образ водоплавающей птицы играл одну из главных ролей.

Исследование выполнено в рамках проекта РФФ 19-18-00375

Литература

- Герасимов Д.В., Ткач Е.С., Гончарова Е.В. 2018. Раскопки неолитической стоянки Берёзово 2 в Северо-Западном Приладожье – полевые наблюдения и предварительные интерпретации // Бюллетень ИИМК РАН (охранная археология) Вып. 8. СПб., 2018. С. 9–20
- Жульников А.М., Кашина Е.А. 2010. Образ птицы в искусстве неолита – энеолита лесной зоны Восточной Европы // РА. № 2. М., 2010. С. 5–17
- Журавлёв А.П. 1972. Скульптурки и некоторые другие глиняные изделия из энеолитического поселения Вигайнаволок I // Археологические исследования в Карелии. Л.
- Кашина Е.А. 2007. Наборы лепных зооморфных скульптур в неолите – энеолите лесной зоны Восточной Европы и Финляндии // Миф, обряд и ритуальный предмет в древности. Екатеринбург. С. 125–135
- Холкина М.А., Жульников А.М., Муравьёв Р.И., Герасимов Д.В. 2020. Комплекс керамики памятника Березово 2 (к вопросу о типичной гребенчато-ямочной керамике с асбестом) // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. В 3-х т. Самара. Т. I. С. 216–218
- Karjalainen T. 1997. Lintutornin lintu // Muinaistutkija. № 3. Helsinki. P. 23–24
- Pesonen P. 2000. Zoomorphic clay figurines from two Stone Age sites in Rääkkylä, North Karelia // De temporibus antiquissimis ad honorem Lembit Jaanits. Muinasaja teadus. № 8. Tallinn, 2000. P. 181–191

Муравьёв Роман Иванович — Санкт-Петербургский государственный университет; Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург, Россия — alcesalces243@gmail.com

Холкина Маргарита Алексеевна — Санкт-Петербургский государственный университет; Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург, Россия — tyttokulta@yandex.ru

Герасимов Дмитрий Владимирович — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург, Россия — dger@kunstkamera.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВЕС	— Археология Восточно-Европейской степи
АМР	— археологический микрорайон
АН	— Академия наук
АНО	— автономная некоммерческая организация
АЭАЕ	— Археология, этнография и антропология Евразии
ГИМ	— Государственный исторический музей
ИИМК	— Институт истории материальной культуры
ИПОС	— Институт проблем освоения Севера
ЗИИМК	— Записки ИИМК РАН
КИО	— культурно-историческая общность
КолАЭ	— Кольская археологическая экспедиция
КОМ	— Кольский Оленеостровский могильник
КРС	— крупный рогатый скот
ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии
МИА	— Материалы и исследования по археологии
НАЦ	— научно-аналитический центр
НГУ	— Новосибирский государственный университет
НЦ	— научный центр
РА	— Российская археология
РЖВ	— ранний железный век
РРОО	— Ростовская региональная общественная организация
РТ	— Республика Татарстан
СА	— Советская археология
СО РАН	— Сибирское отделение Российской академии наук
СССР	— Союз Советский Социалистических Республик
ТАС	— Тверской археологический сборник
УИВ	— Уральский исторический вестник
УрО РАН	— Уральское отделение Российской академии наук
ФИЦ УУХ	— Федеральный исследовательский центр угля и углехимии
ЦИКИ	— Центр историко-культурных исследований
ЮОУРГУ	— Южно-уральский государственный университет

Искусство и погребальный обряд позднего каменного века
Материалы конференции
(Самара 24–26 апреля 2023 г.)

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук Александр Алексеевич Выборнов,
д-р ист. наук Евгений Михайлович Колпаков,
канд. ист. наук Евгения Сергеевна Ткач,
канд. ист. наук Дмитрий Алексеевич Сташенков

Институт истории материальной культуры РАН
191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18, лит. А
тел.: +7 (812) 571-50-92
E-mail: admin@archo.ru

Подписано в печать 27.03.2023. Заказ № 3895
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Формат 60x84 1/16. Объем 7,6 п.л. Тираж 300 экз.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
Отпечатано в типографии
ООО «Порто-принт»
443041, Самара, ул. Садовая, 156